

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА

**ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ:
«НОВЫЕ ВОЙНЫ» И СИТУАЦИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2013

УДК 327.56(5-011)

ББК 66.4(5)

Типол 436

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»

основана в 2009 году

Руководители проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский

Ответственный редактор – И.Я. Кобринская

Научный редактор – Д.Б. Малышева

Технический редактор и перевод – М.В. Борисова

Рецензент – к.э.н. Н.М. Мамедова

Типол 436

Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке
(сборник) / Отв. ред. – И.Я. Кобринская. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 95 с.

ISBN 978-5-9535-0375-4

Сборник «Типология конфликтов: “новые войны” и ситуация на Ближнем Востоке» подготовлен по итогам международной конференции, которая прошла в ИМЭМО РАН в июне 2013 г. при поддержке Международного Комитета Красного Креста. В конференции участвовали ведущие российские эксперты, а также представители Международного Комитета Красного Креста и организации «Врачи без границ». Рассматривались глобальные, региональные и национальные особенности ситуации на Ближнем Востоке. Работа состоит из двух частей: стенограммы конференции и тезисов, представленных участниками конференции.

The volume «**Typology of conflicts: “new wars” and the situation in the Middle East**» is based on the results of international conference, organized by IMEMO RAS in June, 2013 with the support of International Committee of the Red Cross. Leading Russian experts and representatives of International Committee of the Red Cross and Médecins Sans Frontières organization participated in the conference. Global, regional and national peculiarities of the Middle East situation were under consideration. The work consists of two parts: transcript of the conference and articles prepared by the participants.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN978-5-9535-0375-4

© ИМЭМО РАН, 2013

Оглавление

I. СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ «ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ: «НОВЫЕ ВОЙНЫ» И СИТУАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»

Вступительное слово.....	5
Первое рабочее заседание. <i>«Арабская весна» и трансформация Ближневосточного региона</i>	7
Дискуссия по первому заседанию	19
Второе рабочее заседание. <i>Оказание гуманитарной помощи, урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке: международное и региональное участие</i>	21
Дискуссия по второму заседанию	26
Третье рабочее заседание. <i>Будущее государств «Арабской весны» (сценарии)</i>	30

II. ТЕЗИСЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ УЧАСТНИКАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Н. А. Косолапов. Конфликты начала XXI-го века: особенности, вызовы, перспективы</i>	41
<i>А. И. Шумилин. Особенности политической трансформации стран «Арабской весны»</i>	55
<i>Г. Г. Косач. «Арабская весна»: между демократическими преобразованиями и исламом в политике</i>	62
<i>Е. С. Мелкумян. Деятельность Лиги арабских государств и Совета сотрудничества арабских государств Залива в контексте «Арабской весны»</i>	68
<i>В. А. Надеин-Раевский. Турецкий и иранский факторы: урегулирование или разжигание конфликтов?</i>	73
<i>И. В. Следзевский. Оценка положения и перспектив правящих режимов в странах «арабской революции» (Египет, Тунис)</i>	84
<i>В. М. Ахмедов. «Арабская весна» и перспективы политического ислама в регионе</i> .	92

СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ «ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ: «НОВЫЕ ВОЙНЫ» И СИТУАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»

Вступительное слово

Владимир Георгиевич Барановский¹: Уважаемые коллеги, друзья, я хотел бы поприветствовать всех участников нашей конференции. Мы проводим её совместно с Международным комитетом Красного Креста (МККК), и это не первый наш совместный проект: у нас есть общее поле деятельности, общий интерес, есть взаимопонимание в отношении тех вопросов, которые мы совместно обсуждаем. Конечно, ИМЭМО и МККК – это разные структуры, у нас неодинаковый исторический бэкграунд, генезис, горизонт нашего общественного внимания к тем проблемам, которыми мы занимаемся. ИМЭМО возник в 1956-м году. Среди наших мозговых центров, которые занимаются международными делами, ИМЭМО – один из самых старых. У нас есть свои традиции, которые складывались на протяжении более полувека, своё место в исследовательской палитре по международной тематике, есть своя репутация, которая у кого-то может вызывать чувство гордости, а у некоторых людей – неприятие, отторжение, раздражение...

Международный комитет Красного Креста – это структура с гораздо более солидным историческим прошлым: она существует уже полтора столетия, её истоки восходят к XIX веку. В своём курсе лекций, посвящённом международным организациям, я говорю о МККК как об одной из первых международных организаций, которая и сейчас активно действует в международном пространстве, имеет высокую репутацию, демонстрирует высокую заинтересованность в отношении тех проблем, которые являются предметом внимания международного сообщества.

ИМЭМО и МККК по-разному вписаны в международное пространство: Институт – это, в первую очередь, аналитическая структура, главный смысл деятельности которой – выявление реалий международной жизни, осмысление этих реалий, поиск возможностей оказывать влияние на эти реалии; для МККК гораздо важнее практическая сторона дела – продвижение гуманитарных принципов. Но в нашей деятельности, конечно, есть что-то такое, что можно считать не только общим, но и фактически делающим нас партнёрами, соратниками. Это – заинтересованность в укреплении международной безопасности, облегчении того бремени, которое вынуждены нести люди из-за того, что не могут договориться о том, как решать возникающие между ними проблемы. В таком контексте проведение нашей конференции, организованной совместно ИМЭМО и МККК, является совершенно естественным и логичным. Мы решили сфокусировать наше внимание на арабском мире не просто потому, что там происходят грандиозные социально-политические перемены, но ещё и потому, что они могут свидетельствовать о неких новых трендах, которые возникают, развиваются, достигают кризисного состояния. Нам интересно, как это происходит, как разрешаются конфликтные ситуации в современном мире, – ведь речь идёт как о конфликте внутри общества, так и о конфликте в международном измерении (причём последний приобретает всё большее значение, хотя и не такое, как его себе представляют сторонники конспирологических теорий).

---

¹ Академик РАН, директор Центра ситуационного анализа РАН, зам. директора ИМЭМО РАН.

От имени ИМЭМО мне хотелось бы поприветствовать наших партнёров из МККК, поблагодарить организаторов, коллег из других институтов и структур, которые откликнулись на наше приглашение и согласились внести свой интеллектуальный вклад в успех нашего мероприятия.

Хуан Луис Кодерке Гальиго²: Мы очень рады возможности обсудить сегодня здесь проблемы Ближнего Востока со всеми вами. Как сказал академик Барановский, МККК существует уже 150 лет, при этом в последние 50 лет Комитет Красного Креста проявлял беспрецедентную активность на Ближнем Востоке. К сожалению, последние два года показали, что этого оказалось недостаточно.

Мы все понимаем, что последствия современных конфликтов на Ближнем Востоке многогранны, и они включают в себя гуманитарные, экономические, политические, геостратегические аспекты. Безусловно, фокус внимания Красного Креста сосредоточен на гуманитарных проблемах. О них более детально мы поговорим позже.

Вот уже два года не сходит с повестки дня сирийский кризис. Я хотел бы привести некоторые цифры: речь идёт о четырёх миллионах перемещённых лиц внутри государства, одном миллионе беженцев, вынужденных покинуть родину и оказавшихся в соседних странах (со всеми вытекающими последствиями), о ста тысячах убитых, несчётном количестве раненых и пропавших без вести. Последствия конфликта чудовищны. Сегодня мало кто говорит об Ираке, а ведь гуманитарная ситуация там – предмет большого беспокойства для МККК. И это – всего лишь два примера. А общий принцип конфликтов нашего времени заключается в том, что они имеют *комплексный* характер. Поэтому мы сегодня работаем здесь с вами. Российские специалисты хорошо понимают специфику Ближнего Востока, и нам важно услышать ваше мнение, ваш совет.

Пользуясь случаем, хочу также отметить, что в последние годы Россия всё больше вовлекается в вопросы международного гуманитарного сотрудничества. И доказательство тому – не только достигнутый уровень отношений между МККК и Российской Федерацией, но и ситуация в Сирии: в прошедшие два года наше сотрудничество стало намного более интенсивным. В прошлом году Российская Федерация впервые осуществила финансирование гуманитарной деятельности МККК в Сирии. И это важный момент, но не самый главный. Главное, что Россия оказывает действенную дипломатическую помощь Комитету Красного Креста непосредственно в зоне конфликта, а также в Нью-Йорке и Женеве. Это имеет огромное значение и помогает нашей работе в Сирии. Мы хотим продолжать и углублять наше сотрудничество – как с представителями власти, так и с представителями академической среды, с вами. И нам, безусловно, есть, что сказать друг другу.

Первое рабочее заседание.

---

² Глава Региональной делегации МККК в Российской Федерации, Беларуси, Молдове и Украине. С английского выступления переведено М. В. Борисовой.

«Арабская весна» и трансформация Ближневосточного региона

Николай Алексеевич Косолапов³: Я буду говорить не о Ближнем Востоке, а о теоретическом подходе к изучению конфликтов. Цель моего выступления – задуматься об операциональной типологии конфликтов, которая была бы полезной при решении конкретных вопросов, связанных с той или иной конкретной ситуацией. Все мои рассуждения о типологиях конфликтов построены в рамках идеи и методологии идеальной модели Вебера. В реальной жизни явления и процессы, о которых пойдёт речь, переплетены, и очень часто переходят друг в друга. Установить между ними какие-либо жёсткие границы крайне трудно. Но в целях анализа такие границы не только удобны, но и необходимы.

По критерию степени совпадения интересов участников можно выделить три принципиально разных типа взаимодействия:

- 1) Сотрудничество – цели и интересы всех участников в основном или полностью совпадают;
- 2) Партнёрство – цели различны, а их удовлетворение возможно только при условии, что другие тоже получают то, что они хотят;
- 3) Конфликт – цели и интересы различаются, но, в отличие от партнёрства, достижение целей и удовлетворение интересов одних участников возможны только при условии ущемления интересов и целей других.

Война – это частный случай конфликта, при котором цели и интересы не только различны, но и противоположны. Война – это всегда игра с нулевой суммой. По сути и содержанию конфликт и война – качественно разные явления. И суть этих различий – не только в характере интересов и целей участников, но в тех социальных функциях, которые объективно выполняют конфликт и война. Война, как правило, происходит между сторонами, которых ничто не объединяет, кроме крайней степени вражды. Поэтому нередко война ведётся не просто на победу, а на физическое уничтожение противника. Сама по себе война ничего не создаёт – она расчищает место для последующих качественных перемен. В конфликте стороны объективно соединены – и, на мой взгляд, это очень интересный момент. Субъективно они могут представлять себя противостоящими, разъединёнными, но, объективно, их объединяют некие реалии, желаемое будущее (которое, однако, не вполне устраивает хотя бы одну сторону такого взаимодействия). Выход из подобной ситуации – в изменении самой ситуации или её связей с окружающей социальной средой. Поэтому конфликт всегда что-то видоизменяет или создаёт. Это его главная социальная функция. И достижение бесконфликтного существования – не более чем иллюзия. Кстати, конфликт никогда не ведётся на уничтожение оппонента – если это происходит, конфликт переходит в войну. Предельно абстрагируя, можно говорить о том, что война трансформирует сетевые структуры; конфликт – выстраивает или изменяет иерархические (ещё раз напоминаю, что на практике чёткой границы между этими двумя явлениями нет).

---

³ Кандидат исторических наук, заведующий Отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН.

Конфликт и война – это не стихийное бедствие. Они всегда являются результатом каких-то решений, преднамеренного и осознанного выбора. И принятие таких решений означает, что эти решения представляются принимающим их людям более предпочтительными (оптимальными) или то, что иные альтернативы по тем или иным причинам являются для них неприемлемыми. Принятию решений на конфликт или войну всегда предшествует период (нередко – очень длительный, измеряемый годами и даже десятилетиями) накопления фрустрации и конфликтности, вызревания политико-психологической готовности к конфликту. В большинстве случаев на данном этапе существует теоретическая возможность предотвратить «соскальзывание» к крайним формам и средствам конфликта. Сложнее предотвратить перерастание начавшегося конфликта в войну. Есть много типологий войн и конфликтов.

В рамках нашей дискуссии меня интересует типичная для Ближнего Востока и многих других регионов, не исключая постсоветское пространство, связка «конфликт-война», когда эти два явления многократно переходят друг в друга и в итоге создают специфическую социальную психологию, которую можно назвать «война как образ жизни». Она обладает высокой внутренней устойчивостью. Именно она была типичной на протяжении большей части известной нам истории. Цели урегулирования, решения и разрешения конфликта прежде всего требуют ответа на следующие вопросы: с кем из участников конфликта это делать, как воздействовать на их мотивацию, и ко всем ли видам конфликтов применим подход, ориентирующийся на политические средства их прекращения? По моему глубокому убеждению, есть тип конфликтов, который может быть решён только силой – как бы это ни было прискорбно. Ответ на эти вопросы требует типологий, основанных на базе политико-психологических, а не только обычных правовых критериев.

Впервые над такой типологией я задумался в конце 80-х гг., когда началась череда конфликтов на пространстве тогда ещё существовавшего СССР. В центре такой политико-психологической типологии (которая не заменяет, а дополняет прочие типологии) – представление о конфликте как о целостной системе безотносительно к её административным, государственным и прочим границам. Эти факторы придётся учитывать, когда дело дойдёт до реального урегулирования конфликта и до «упаковывания» этого урегулирования в политические, дипломатические, правовые и прочие институциональные средства и формы. Но на этапе предварительного анализа эти факторы чаще всего только мешают.

Конфликт обычно начинается двумя взаимосвязанными способами. Все участники сознательно делают ставку на конфликт как на наиболее отвечающую их интересам форму поведения (или это делают не все участники, но такие, которые обладают практической способностью навязать конфликтные формы поведения всем остальным). И здесь возможно несколько принципиально разных вариантов:

- 1) Конфликт как способ достижения неких реальных, рациональных, измеримых целей – конфликт с измеримыми параметрами, рациональный конфликт. Конфликты такого типа не могут достигать крайних и наиболее опасных форм, не переходя при этом в открытое противоборство. Такой конфликт может делиться на три типа:
  - Прямое открытое противоборство – такой конфликт поддаётся рациональному урегулированию до тех пор, пока в нём не затронут

- личное или политическое достоинство как минимум одного из участников, и пока не пролита кровь;
- Неявное, но осознанное противоборство – стороны осознают участие, ведут его намеренно, но по каким-то причинам вынуждены скрывать, не признавать публично сам факт противоборства; до поры избегают выдвигать ясный и полный перечень претензий и требований к оппоненту. Конфликт при этом распадается на два политических подтипа:
    - манипулируемый конфликт, который ведётся при недостатке средств воздействия на все факторы конфликтного отношения;
    - управляемый конфликт – когда управляющая сторона способна регулировать наличие конфликта и степень его интенсивности.
  - Тщательно маскируемое противоборство: одна из сторон ведёт прямой осознанный вынужденный конфликт по отношению к другой, которая может прилагать огромные усилия для того, чтобы скрыть своё участие – прямое или косвенное – в данном конфликте. Сохранение тайны настолько важно, что иногда при нарушении секретности иницилирующая сторона может отказаться от продолжения своих действий и даже от конфликта в целом. Цель такого маскируемого противоборства – ослабление оппонента, провоцирование в нём желаемых социальных, политических, экономических, персональных изменений. Здесь имеются два подвида:
    - действия по каналам спецслужб, которые могут носить финансовый, экономический характер; такой тип конфликтов хорошо изучен и описан в литературе;
    - «удушение в объятиях», когда публично декларируется наличие добрых намерений, совершаются политические и иные жесты, которые должны это подтвердить, но на самом деле имеют место практические действия противоположного свойства.
- 2) Конфликт как самоцель. Он возникает и поддерживается, когда хотя бы один из его субъектов озабочен не столько достижением каких-то рациональных целей, сколько преследованием целей идеологического, религиозного, политико-психологического происхождения. Сложность в том, что сам субъект при этом может искренне не осознавать подлинные причины и цели своего конфликтного поведения. Это уже поведение не столько политическое, сколько, в основе своей, психиатрическое.
  - 3) Конфликт как способ самоидентификации.
  - 4) Конфликт как следствие потребности в компенсации каких-то мощных общественно-психологических комплексов – реального или воображаемого унижения, оскорбления, ощущения себя неудачником и проч.
  - 5) Конфликт как следствие типа и содержания избранной социально-исторической роли – когда однажды воспринятая участником роль «тянет» его за собой, заставляя совершать действия, ему самому порой не приятные, но необходимые для сохранения его в данной роли.

- б) Статусные конфликты являются промежуточным звеном между рациональными и иррациональными (психогенными), объединяя в себе черты тех и других. С одной стороны, статус – величина измеримая, но в нём есть существенный субъективный компонент, не поддающийся рациональной операционализации.

Политическая глобализация тянет за собой создание политической системы глобального мира, а не очередного сетевого миропорядка, как это бывало в прошлом. Это значит, что глобализация повышает спрос на конфликты разного типа, и среди них я выделил три взаимосвязанных направления:

- 1) Переустройство государств извне или с очень сильным влиянием извне в соответствии с теми представлениями и стандартами, которые разделяются мировым сообществом (его значительной частью) в данный период.
- 2) Сопряжение внутристрановых и транснациональных процессов (то, что сегодня максимально искрит на Ближнем Востоке).
- 3) Обеспечение расширяющегося диапазона глобального управления, потому что конфликт – это одна из форм управления (и по-своему эффективная форма).

Если с этой точки зрения кратко оценивать перспективы международных конфликтов как явления, то можно прийти к следующим выводам:

- 1) Если справедлива цифра, говорящая о том, что в войнах и конфликтах любого столетия расходуется примерно 4-4,5 процента того населения, которое живёт в этом столетии, то просто в силу арифметики XXI век рискует стать самым кровопролитным в истории человечества – сегодня нас семь миллиардов, а в перспективе будет ещё больше.
- 2) На повестке дня стоит проблема управления формами и оптимизации масштабов конфликтов. Избавиться от конфликта нереально, но избавиться от крайних форм, ввести жёсткие ограничения на их применение – это вполне прагматическая постановка задачи.
- 3) Конфликт может быть институтом и средством обеспечения динамической стабильности, как это ни парадоксально. Есть целый ряд конфликтов, которые уже вмонтированы в нашу жизнь и обеспечивают такую стабильность. Самый распространённый пример – это судебная система, где конфликт встроен в определённый институт и сводится к спору противостоящих сторон. Другой пример – политическое устройство США, где конфликт, вмонтированный в баланс трёх ветвей власти, даёт политическую стабильность, которую мы наблюдаем уже на протяжении более двух веков. В принципе, нечто подобное возможно и в системе международных отношений. И подход к конфликту как к средству стабилизации может помочь решить многие из тех проблем, которые сегодня нам кажутся трудноразрешимыми.

Владимир Георгиевич Барановский: Вы говорили о глобализации. Но Ваша тема – конфликты XXI века. Есть ли какие-то факторы, которые кардинальным образом меняют положение дел в контексте конфликтов в сравнении с тем, что мы наблюдали до XXI века?

Николай Алексеевич Косолапов: Я бы выделил три момента:

- Усиление роли религии в современном мире под влиянием множества понятных причин. На уровне руководства есть явственно выраженная тенденция к политическому сотрудничеству, к нормальному взаимодействию. А вот на уровне средних слоёв оживают сценарии, которые были типичны для прошлого. Религиозные войны становятся частью современной жизни.
- Различия и противостояние между городом и деревней. Глобализация – это прежде всего город. Россия участвует в глобализации, но если посмотреть, кто конкретно участвует в ней, то наберётся десяток-другой городов и регионов. Но есть такие места, которым до глобализации ещё развиваться и развиваться. То же самое происходит и во многих других странах. По уровню представлений, культуры, образования, по многим психологическим характеристикам сложилось чёткое различие между городом и деревней.
- Сегодня, в отличие от того, что было лет 30-40 назад, складывается, и во многом уже сложилась некая глобальная политическая цельность, которая выставляет свои стандарты, свои критерии. Если раньше конфликты существовали внутри государства, между государствами, между государствами и какими-либо политическими, религиозными и проч. движениями, то сегодня они неизбежно получают оценку с точки зрения новых глобальных стандартов. Какие-то из этих стандартов уже утвердились, какие-то ещё находятся в процессе утверждения, какие-то подвергаются дискуссии, но это – новая часть сегодняшней политической реальности.

В совокупности три этих фактора сильно влияют на структуру и облик современных конфликтов и отличают их от того, что было лет 30 назад.

Нана Александровна Гегелашвили⁴: По критериям совпадения целей и задач вы назвали сотрудничество и партнёрство. Не могли бы вы назвать хотя бы один индикатор, который позволил бы нам предположить, что сотрудничество перетекает в партнёрство?

Николай Алексеевич Косолапов: Чем отличается сотрудничество от партнёрства? Когда начинались отношения между постсоветской Россией и США, министр обороны США высказал замечательную мысль: «Мы не враги и не друзья, мы партнёры». То есть мы в чём-то зависим друг от друга, но каждый преследует свои цели и интересы. Может ли сотрудничество переходить в партнёрство? Да, безусловно, если взгляды сотрудничающих разойдутся. Возможен и обратный переход. На практике чётких границ между этими понятиями нет.

---

⁴ Кандидат политических наук, руководитель Центра региональных проблем Института США и Канады РАН.

Ида Николаевна Куклина⁵: Мне приходилось работать с МККК, и я очень рада участвовать в этой конференции. Вопрос к Н. А. Косолапову. Термин «стабилизация» – динамическая она или нет – имеет много толкований. Многие политические цели на Ближнем Востоке были заявлены именно как стабилизация, но они дестабилизировали ситуацию. То есть «стабилизация» – это термин, маскирующий истинные цели. С другой стороны, здесь есть и объективный элемент, потому что слом системы – это дестабилизация. Как же достичь динамической стабильности при том, что всякая стабилизация рождает и дестабилизацию?

Николай Алексеевич Косолапов: Что такое стабильность? Это очень трудный вопрос. Если пытаться давать самое общее определение стабильности, я бы назвал это ситуацией, когда мы контролируем время, а не время контролирует нас. Если у нас есть время на то, чтобы собрать информацию, подумать над решением, мобилизовать ресурсы, начать осуществлять решение, мы психологически воспринимаем ситуацию как стабильную. Если у нас почему-либо нет такой возможности, мы воспринимаем ситуацию как угрожающую, нестабильную, даже если по объективным параметрам она вполне стабильна.

Что такое динамическая стабильность? Это способность своевременно осуществлять какие-либо назревшие перемены – упорядоченные перемены, введённые в русло правил игры, а желательно и в русло права.

Статическая, охранительная стабильность, направленная на то, чтобы сохранить статус-кво и не допустить перемен, оказывается способом подрыва самой себя и приводит к тому, что динамика обеспечивается конфликтными средствами. Если система обладает способностью к разумному, обоснованному, рациональному саморазвитию – а такие системы мыслимы и нередко встречаются на практике – тогда мы получаем картину динамической стабильности.

Олег Сергеевич Бондаренко⁶: Говоря о войне как о крайней форме конфликтной ситуации, вы отметили, что в некоторых случаях война ставит перед собой целью уничтожение оппонента. Согласно международному гуманитарному праву, термин «уничтожение» довольно-таки серьёзен. Поэтому именно с точки зрения международного гуманитарного права и военного дела, я хотел бы уточнить: что вы вкладываете в понятие «уничтожение»?

Владимир Георгиевич Барановский: А мне кажется, что термин «уничтожение» вообще может быть оспорен. Далекое не всегда речь идёт о войне на уничтожение.

Николай Алексеевич Косолапов: Уничтожение есть уничтожение. Это убийство. Можно говорить об уничтожении как материальном, так и культурном. Но прежде всего речь идёт об уничтожении человека – совокупности или категории людей.

---

⁵ Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

⁶ Начальник отдела по связям с силовыми структурами/правового отдела, Региональная делегация МККК в Российской Федерации, Беларуси, Молдове и Украине

Напомню, что в XX веке изобретены два вида геноцида (до XX века, на мой взгляд, геноцида не было, а резали друг друга просто по наитию) – на национальной и социальной почве. Никакие изобретения в истории не проходят бесследно, и так или иначе через какое-то время они повторяются. Опасность повторения вещей такого рода вполне реальна. Гуманитарное право не допускает такого, оно говорит: «Этого не должно быть». А при такой формулировке получается, что мы признаём: на практике оно иначе. Меня, как аналитика, интересует: как же оно на практике, и почему так? Я согласен с тем, что гуманитарный подход запрещает уничтожение, и правильно делает. Но, простите меня, что же такое война, как не уничтожение?

Александр Иванович Шумилин⁷: Я весьма впечатлён выступлением Николая Алексеевича. Я, в свою очередь, перейду непосредственно к региону Ближнего Востока и попытаюсь показать, как этот регион воспринимается у нас, в России. Существует расхождение между восприятием происходящего в арабских странах в России и в странах Запада. Во многом это связано с рядом мифов, которые бытуют, в основном, в России. Один из них заключается в том, что те события, которые мы наблюдаем в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии, Йемене в последние годы, были вызваны определённого рода воздействием извне. Иногда говорится прямо о провокациях со стороны Соединённых Штатов. Миф о внешнем воздействии делится на две части: вторая версия гласит, что всё это вызвано Саудовской Аравией и Катаром. Эти версии создают определённые проблемы и препятствуют тем реалистическим шагам, которые предпринимают наши уполномоченные по проведению внешнеполитической линии.

Но чем же всё-таки вызваны события в арабских странах? Для меня – а я провёл в упомянутых мною странах немало лет – очевидно, что все эти события вызваны исключительно внутренними процессами, связанными и с экономическими, и с социальными проблемами. Но главным образом, с политическими. Мы привыкли, что социально-экономическая проблематика в странах Запада улаживается с помощью политических средств. Проблема, с которой столкнулись арабские страны, – политико-социальная. Социальные проблемы существовали там всегда, но никогда не было никаких предпосылок для их столь резкого обострения и выплёскивания наружу. Доминанта политического фактора (например, чудовищные фальсификации на выборах в Египте, повлекшие за собой волну недовольства) стала очевидной. Без преобразования политической сферы в сложившейся ситуации нельзя было обойтись. Но правящие кланы не давали хода этим преобразованиям. И кто вышел на улицы? Средний, продвинутый и в значительной степени образованный класс. И только вслед за ним пошли миллионные толпы обиженных.

Очень важно подчеркнуть, что фактор исламизма, о котором так много говорят, добавился – в виде исламистских организаций – позднее. Эти организации стали вплетаться в ткань протестного движения, пытаясь постепенно приобщиться к ним и, по возможности, перехватить инициативу. Я считаю, что им это не совсем удалось в ходе протестных движений. Зато им это удалось в ходе тех вполне демократических преобразований, которые начались уже по завершении основной, «горячей» фазы протеста. Уже в ходе выборов и реформ исламистские организации обречены на

---

⁷ Доктор политических наук, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН.

электоральный успех, поскольку они исповедуют идеологию консерватизма, «сдобренного» популизмом. Этот успех ждёт их не столько в городах, сколько в провинциях. Разумеется, в среде людей не слишком образованных эксплуатация религиозной тематики является эффективным инструментом получения голосов. Тем не менее, мы видим, что и в Египте, и в Тунисе победа умеренных исламистов не столь убедительна, как это порой представляется.

Второй миф, который бытует не только в России, но и на Западе, говорит о том, что эти события породили и продолжают создавать наиболее благоприятные условия именно для исламистских группировок. В России в публичном пространстве доминирует идея о том, что «Арабская весна» превратилась в «арабскую зиму», и победили в ней радикальные исламисты. На самом деле всё обстоит не совсем так.

Всплеск фактора религии в политике очевиден (не исключение и Россия). Но в арабских странах именно исламисты смогли представить себя в качестве жертв репрессивных режимов, против которых был направлен гнев всего народа. Но во всех этих странах в результате выборов к власти пришли отнюдь не радикальные исламисты, а вполне умеренные. Того же типа, что и, например, Р.Т.Эрдоган в Турции. Я вижу улыбки на ваших лицах: действительно, как отличить радикальных исламистов от умеренных? А очень просто: умеренные исламисты исповедуют примерно ту же доктрину, что и радикалы, но они готовы действовать в рамках политической системы, согласованной между всеми политическими силами, - то есть в рамках демократической системы. Радикал-исламисты отвергают такую систему в целом и ратуют за установление исламской республики, которая исключает наличие других партий, кроме религиозных. Власть умеренных исламистов ограничена и не тотальна, а конфликт между ними и радикалами силён. В Ливии на высшем уровне исламисты вообще никак не представлены. Они активны на среднем уровне и «на поле боя» – там с ними борются властные структуры, пытаясь интегрировать эти ещё остающиеся вооружёнными группировки в официальные армейские структуры.

Понимание реальной ситуации важно для видения данной проблематики, для создания информационной инфраструктуры, для проведения соответствующей политики. Например, если считать, что в Сирии Б.Асаду противостоят одни террористы, с кем тогда проводить мирную конференцию? Нет, террористы – это очень незначительная часть оппозиционного движения. Само это движение началось как мирное – с требованием либерализации политической системы. Требование отставки Б.Асада сначала вообще исключалось. Но это движение было кроваво подавлено войсками Б.Асада, что и дало толчок к гражданской войне.

Очень важно иметь в виду, что в ближневосточной модели конфликта преобладает та схема, при которой одна из сторон навязывает конфликтное поведение как способ достижения своих целей или как способ стабилизации ситуации. На начальной стадии конфликта нельзя говорить о равной ответственности обеих сторон.

Ида Николаевна Куклина: Не могли бы Вы кратко охарактеризовать внутреннюю расстановку сил в оппозиции на сегодняшний день?

Александр Иванович Шумилин: Вопрос непростой. Для точного ответа необходимо располагать разведывательной информацией. Но, в целом, известно, что

новая сирийская коалиция, в отличие от предыдущих комбинаций оппозиции, включает в себя представителей и внутренней, и внешней оппозиции. Главный тезис, который, пожалуй, разделяют все: переговоров с Б. Асадом быть не может, речь может идти только о его уходе.

Момент, когда Россия, США и Европа могли бы принудить стороны к тому, чтобы сесть за стол переговоров, упущен. Этот момент можно обозначить как первую половину 2011-го года. Тогда, при наличии явного нежелания стран Запада повторять ливийский сценарий в Сирии, можно было приложить усилия и достичь такого результата.

По поводу Женевы: миф это или нет? Я думаю, что определённые шансы есть, но только в том случае, если со стороны Б. Асада будет найдена схема представительства на этой предполагаемой конференции (прямое представительство невозможно: никто из оппозиции не уполномочен с ним переговариваться). Нужно найти опосредованных людей. Приблизительно та же проблема существует и у оппозиции: некоторые её представители готовы идти на переговоры с людьми второго эшелона из истеблишмента Б. Асада, но они ещё не получили на это мандат от коалиции. Конечно, внутри коалиции существует напряжение. Она всё больше становится политическим органом, и ей, как и всегда в таких случаях, противостоит военный орган – руководство Сирийской свободной армии. Другая линия напряжения – между руководством оппозиции и радикальными группировками внутри неё (и примкнувшими к ней).

Григорий Григорьевич Косач⁸: Я хотел бы начать с того, что сам термин «исламизм» вызывает у меня глубокое внутреннее раздражение. Поэтому я остановлюсь на проблеме ислама в политике.

События «Арабской весны» стали трансграничным феноменом, оказав серьёзное воздействие на весь регион, который вновь подчёркивает одно из своих важных качеств – национальный политолог однажды назвал его «политически зыбким и текучим геополитическим пространством». Политические события «Арабской весны» вне всякого сомнения были революцией. Это определение не кажется преувеличением, даже если иметь в виду то, что их участники в разной степени прибегали к насилию; инициаторы и их продолжатели не предложили каких-либо значимых проектов общественного переустройства; революции не привели к слому или упразднению существующих структур и институтов управления. Но есть несколько принципиальных обстоятельств, которые кажутся мне важными и необходимыми:

- эти события в беспрецедентной мере информационно, социально, институционально расширили политическое пространство не только тех стран, где они произошли, но и всех государств, которые составляют арабский геополитический регион;
- вызвав к жизни процессы политической и социальной трансформации, эти события придали истинный смысл человеческому достоинству миллионов людей;

---

⁸ Доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ.

- эти события создали новую региональную реальность, которая, конечно же, проходит этап серьёзных трансформаций. Она выражается в появлении новых политических режимов, в становлении новых партийных структур и изменении регионального соотношения сил; меняется идентичность арабского геополитического пространства; подвергается трансформации внешняя политика государств, которые составляют это пространство, природа союзов, существующих в этом пространстве.

Наиболее существенная причина этих изменений – выход на авансцену арабской политики и рост влияния тех политических сил, которые, вне зависимости от исходных мотивов, апеллируют к исламской доктрине.

«Арабская весна» вызвала к жизни цепную социальную реакцию. Суть её состояла в том, что те, кто инициировал революционные изменения (люди, по тем или иным причинам ощущавшие себя выброшенными за пределы политической жизни), втянули в происходящие события огромные массы людей с абсолютно иными представлениями о жизни, о сути существования государства. На «романтическом» этапе революции аморфный лозунг освобождения от гнёта тирана сменился призывом к справедливости, который был почерпнут из исламской доктрины и предложен религиозными активистами. Сам призыв к справедливости есть соответствие реалиям и ценностям глобального мира. С другой стороны, поскольку ислам в арабском мире всегда рассматривался в качестве элемента национальной идентичности, постольку соответствующий вопрос можно поставить и в более широком аспекте: не является ли обращение к идее исламской справедливости попыткой найти в религиозной доктрине соответствие реалиям современности? Или интерпретировать представления этой доктрины в духе потребностей современного мира? Ответ на этот вопрос очень важен.

Дополнительно возникает вопрос о том, кто собственно является носителем этой идеи исламской справедливости. Исламский пейзаж многообразен. Многообразны и отношения между составляющими этого пейзажа. Он неоднороден, и включает в себя тех, кого обычно квалифицируют как течения политического ислама – салафитов, джихадистов, суфийские тарикаты (которые, кстати, остались в стороне от развивавшегося политического процесса). Ислам – как и любая другая доктрина, которая становится орудием политики – инструментален. Когда его сторонники говорят, что ислам – это решение (что и предполагает построение основанного на шариате государства), они говорят это ещё и потому, что иные варианты «национального возрождения» (этот термин применительно к арабскому региону принадлежит В.В.Наумкину) – арабский национализм, политический и хозяйственный либерализм – потерпели крах в своём претворении в жизнь. В силу этого приход исламской доктрины в политику – лишь новая попытка найти решение откладывавшихся задач вписывания в современный мир – сколько бы последователи этой доктрины ни говорили о цивилизационной самобытности того геополитического пространства, в рамках которого они действуют.

Движение «Братьев-мусульман» – египетское течение, которое появилось в конце 20-х гг., а его многочисленные страновые отделения с течением времени, естественно, обрели характер национальных политических структур – новая сила государств арабских революций и арабского мира в целом. Представители

политического ислама перешли от этапа политической оппозиции или существования в условиях жёсткого подполья к этапу политической власти. Это очевидно для Египта, Туниса, Марокко. Но эта перспектива ещё не достаточно ясна в случае Йемена, Сирии, Ливии.

Почему политический ислам пришёл к власти? Он опирался на образ мученика годов репрессий, на огромную благотворительность, которая была развита «Братьями-мусульманами» и аффилированными с ними партиями, на доступную широким группам религиозно-политическую риторику. Существует немало египетских, тунисских заявлений деятелей светской направленности, которые откровенно и открыто говорят о том, что не умели говорить с людьми. Они использовали непонятный этим людям дискурс. «Когда люди были устремлены в революцию, мы говорили с ними на вестернизированном языке государственности. Отсюда – проигрыш». Но, так или иначе, на фоне «Братьев-мусульман» в различных странах арабского мира сегодня все светские националистические левые партии кажутся незначительными. Проведённый в середине декабря истекшего года в Египте референдум по новой конституции продемонстрировал, что если где-то светские силы и смогли добиться успеха, это был только Каир. Увы, этого не произошло даже в Александрии.

С другой стороны, январские выборы 2012 г. в Народное собрание (нижнюю палату – *Ред.*) египетского парламента, а впоследствии и в его верхнюю палату, продемонстрировали несомненный успех салафитов. Они стали второй силой после Партии свободы и справедливости. Египетский салафизм в то время подвергся быстрой и коренной трансформации: были отброшены религиозные спекуляции и рассуждения, они руководствовались исключительно прагматизмом. Египетская ситуация показала, что по такому же пути идут (или могут пойти) салафиты Йемена, Туниса, Иордании и Марокко. Это может означать, что в разрозненном салафитском движении различных стран региона будет всё более проявляться активистское направление, которое сочетает обращение к наследию благородных предков и устремлённость к политической и институциональной деятельности.

Джихадистские группировки в равной мере предлагают вернуться к наследию благородных предков, но используют для этого методы абсолютного насилия. Конечно, в той или иной степени эти группировки апеллируют к Аль-Каиде. Но сегодня они не кажутся сплочённым полюсом политического действия. В ходе последних событий они поставили себя вне логики революционного развития, стремясь лишь углубить конфронтацию между исламистами и светскими участниками политического процесса и призывая к немедленному созданию построенных на шариате государств. Сегодня влияние идей джихадистов в обществе сужается. Некоторые последователи вооружённого джихада (в частности, в Иордании и Марокко) начинают склоняться к использованию мирных методов борьбы.

Но нынешние успехи партий политического ислама и салафитов, которые, скорее, соперничают друг с другом, отнюдь не доказывают их окончательную победу. Структура «Братьев-мусульман», действующих в различных странах, далека от внутреннего единства (это в равной мере относится и к салафитским организациям). Они, конечно, демонстрируют высокую степень политического реализма и гибкости. Но уже сегодня в Египте от «Братьев-мусульман» стремятся отойти некие силы. Уже

сегодня появляются тенденции к «постбратско-мусульманскому» развитию в Египте. По мере того как проблемы, стоящие перед страной, будут усиливаться, и в зависимости от того, насколько партия власти окажется способна решать эти проблемы, давление на неё будет усиливаться. Но салафиты пока ещё далеки от того, чтобы принять правила демократической игры.

Приход партий политического ислама во власть в арабском мире будет способствовать исламизации арабо-израильского конфликта. Мне представляется, что в результате на основе деятельности религиозных институций сможет сформироваться религиозный региональный проект – в противовес арабскому национальному проекту. Это обстоятельство в свете событий в Сирии и в свете участия в этих событиях Хезболлы ставит вопрос о росте противопоставления иранскому шиизму суннитской версии ислама, которая рассматривается в качестве арабской национальной матрицы. При этом действия Ирана в качестве внешнего игрока на поле арабского мира превращают суннитско-шиитские противоречия (которые определяются устремлённостью местных шиитских меньшинств к повышению собственной роли в сфере местной политики) в противоречия, которые способны к ещё большей эскалации в обозримом будущем.

Наконец, приход к власти сил, апеллирующих к исламу, может поставить вопрос о воскрешении конкуренции между двумя основными осями арабского мира – осью монархий, всеми силами стремящихся не допустить распространения последствий «Арабской весны» на свою территорию, и осью новых республик.

Революции «Арабской весны» поставили вопрос о том, насколько в дальнейшем возможно существование централизованных государств. Эти революции во многом обнажили проблемы, связанные с историческими условиями ныне существующих арабских государств, возникавших едва ли не исключительно на основе мощного европейского вызова, но не на основе внутренних тенденций. Всегда существовавшие в этих государствах линии этнических, конфессиональных, регионалистских расколов, сохраняющиеся элементы трайболизма позволяют говорить о возможном превращении их в федерации или конфедерации – в полиэтничные или поликонфессиональные политические образования.

Насколько способны местные элиты, которые представляют интересы различных существующих в регионе этносов и конфессиональных групп, к достижению взаимопонимания, направленного на реализацию такой трансформации, которая исключит распад ныне существующих государств? Сегодня ответ на этот вопрос остаётся открытым.

Владимир Георгиевич Барановский: Вопрос по поводу Вашего заключительного вывода: на уровне ощущений – кажется ли Вам вероятным сохранение статус-кво государств на территории Большого Ближнего Востока, или эта структура будет меняться, государства будут распадаться, от Ирака ничего не останется, возникнет курдская проблема?

Григорий Григорьевич Косач: Ощущения у меня скорее заздравные, чем заупокойные. Любая политическая сила регионального, этнического, конфессионального характера видит в ныне существующем государстве естественную

территорию своей деятельности. Подтолкнуть государство к распаду такой силе будет очень трудно.

Дискуссия по первому заседанию

Вениамин Викторович Попов⁹: Мне кажется, что тезис первого докладчика о том, что конфликтность в XXI веке возрастёт, очень справедлив. Но мне представляется, что в ближайшее время главные оси конфликтов будут проходить по линии культурных различий. Я отнюдь не сторонник теории С. Хантингтона, но жизнь показывает, что именно эти различия будут лежать в основе многих кризисных ситуаций. Цивилизационный разлом будет углубляться. События развиваются «год за три», быстро меняется соотношение сил между разными цивилизациями.

В связи с этим – несколько замечаний о Ближнем Востоке. Профессор Г. Г. Косач очень хорошо говорил о том, почему происходит такой подъём политического ислама. Я бы хотел привлечь ваше внимание к тому, что главным рубежом в этом феномене был 1967-й год, когда в течение шести дней маленький Израиль наголову разбил армии сразу трёх арабских государств – Египта, Иордании, Сирии. Шок от этого поражения был настолько огромен, что люди не могли его осознать. Элита не смогла объяснить происходящее, но ответ дали исламисты. Они сказали: «Дело в том, что мы идём по пути претворения различных импортированных теорий. Разные «-измы» типа демократизма, коммунизма, социализма – это не наше. Всё дело в том, что мы отвернулись от Аллаха, и за это Бог нас наказал. Если мы вернёмся на путь праведный, то всё будет хорошо». Последующий период – это возвращение на этот путь. Естественно, повышение цен на нефть, которое произошло в 70-х гг. и дальше, способствовало тому, что нефтяные монархии (особенно Персидского залива) могли выделять огромные деньги на развитие этих исламистских тенденций. И это только начало процесса. Впереди нас ждут конфликты между умеренными исламистами и набирающими силу салафитами.

Главным во всех событиях «Арабской весны» я считаю цивилизационный момент. По существу это означает, что население отказалось от тех проектов, которые предлагались прошлыми правителями – от вестернизации. Они считают, что модернизацию общества нужно проводить по своему собственному разумению. Для них это путь исламизма. И мы ещё станем свидетелями многих восстаний.

Николай Алексеевич Косолапов: Как бы вы определили более чётко и приземлённо тот процесс, о начале которого Вы говорили?

Владимир Георгиевич Барановский: В арабском, мусульманском мире мы видим разные тенденции. С одной стороны, это протест против вестернизации. Но посмотрите на то, что сейчас происходит в Турции. Это протест против отказа от вестернизации, против возвращения к архаическим нормам.

---

⁹ Кандидат исторических наук, посол МИД РФ по особым поручениям, директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ.

Вениамин Викторович Попов: Мы присутствуем при первой фазе этого процесса. Будет ещё несколько этапов. Сейчас идёт поиск хрупкого баланса сил между светскими и религиозными элементами. Это очень ясно видно на примере Египта, и ещё ярче – на примере Туниса. Тунис был абсолютно светской страной, и ее первый президент считал, что ислам – это оковы на пути развития (он был поклонником К. Ататюрка). Когда-то, выступая на телевидении в месяц Рамадан, он выпил стакан воды. Весь Тунис был в шоке: как это понимать? Тогда и появилась Нахда – то движение, которое сейчас пришло к власти. Но Тунис – светская страна, где женщины (а здесь женщины – важнейший элемент) получили огромные права, почти европейские. Вернуть тунисцев обратно будет очень трудно. Неслучайно Нахда (являющаяся примерно разновидностью «Братьев-мусульман» – наверно, самой демократичной организацией из исламистов) нащупывает какой-то свой путь развития. И она первая столкнулась с салафитами. Они были вынуждены пойти на прямые действия против салафитов, то есть просто бросать их в тюрьму, чтобы обеспечить порядок. Сейчас они находятся в альянсе с двумя светскими партиями. Этот альянс хрупок, и соотношение сил изменится ещё неоднократно, пока они не поймут, что без какого-то определённого равновесия им невозможно будет модернизировать страну. На это уйдёт время, и это будут практически потерянные годы.

В Турции – тот же процесс. К. Ататюрк придерживался тех же взглядов, он встал на путь вестернизации и одержал значительную победу. А потом пришла исламистская партия, которая стала проводить «ползучую исламизацию». Баланс между этими силами будет устанавливаться в течение какого-то времени. Я думаю, это займёт 10-20 лет.

Всё-таки главное – это цивилизационные различия. Они всё больше будут определять суть событий. Здесь архиважна внешний фактор. Ярче всего мы увидим это не на примере Турции, Ирана или арабских стран, а на примере Европы. Там будет гораздо более выражено столкновение между разными культурами. Мы и сейчас это видим. А дальше будет ещё хуже, ведь нет никакой теории, которая помогла бы решить эти противоречия.

Александр Иванович Шумилин: Применительно к Турции надо учитывать важное обстоятельство: конфликт произошёл не по причине противостояния между светскими и исламистскими силами. Причина – политическая. Стало понятно, что Р. Эрдоган решил узурпировать какую-то часть власти, наметилась тенденция к ужесточению режима. Именно поэтому против Р. Эрдогана выступила и часть происламистски настроенных сил.

Владимир Георгиевич Барановский: Конечно, на Ближнем Востоке происходят грандиозные события. Но мы неслучайно начали нашу конференцию с попытки обозначить некий общий фон, проследить за более общими тенденциями. Давайте не будем забывать о том, что похожие по размаху, по последствиям, по движущим силам изменения происходили в нашей истории. Я имею в виду европейскую историю. Мы прекрасно помним о Тридцатилетней войне между католиками и протестантами – религиозной войне. Говорилось, что геноцид –

порождение XX века, но Варфоломеевская ночь – это ли не пример геноцида в отношении определённой категории людей? Европа знала геноцид, хотя не называла его этим термином. Но Европа знала и другое – то, что постфактум позволяет нам сказать, что преодоление таких конфликтов возможно, продвижение по связке «враги – партнёры – союзники» осуществимо, такого рода вещи имели место. Сейчас говорить о противоречиях между католиками и протестантами в Европе с точки зрения конфликтности – абсурдно. В историческом развитии всё меняется, меняется кардинальным образом. Мне очень понравилась формула стабильности, которая здесь прозвучала: когда мы контролируем время, а не оно – нас. Большой вопрос: есть ли запас времени, который позволит осуществить эту стабильность? Есть ли запас времени у арабов? У Израиля – до того, как Иран обретёт ядерное оружие? Ведь это, по их мнению, экзистенциальная угроза Израилю, повод для решительного применения военной силы. На кону – серьёзные вещи, которые прямо соотносятся с темами, которые мы обсуждаем. Это не теоретические, но практические вопросы. Однако нельзя упускать из виду исторический бэкграунд.

Второе рабочее заседание.

Оказание гуманитарной помощи, урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке: международное и региональное участие

Роберт Мардини¹⁰: Я расскажу о вызовах, с которыми мы сталкиваемся в ходе нашей гуманитарной деятельности в Сирии, о наших возможностях и перспективах.

Конфликт в Сирии длится уже два года, и сейчас на наших глазах его динамика меняется. Правительство применяет всё более жесткие меры, оппозиция становится всё более радикальной. Вооружённая оппозиция склонна к фрагментации, что усложняет проблему взаимодействия с ней. Внешний и региональный факторы усиливают своё значение. Война уже захлестнула всю территорию Сирии, очевидным стало участие в конфликте Хезболлы. «Красная линия» применения химического оружия – вопрос чрезмерно политизированный. Заявления Вашингтона по этому поводу оказывают влияние на хрупкий баланс в сирийском кризисе. Участвовавшие в последние два года инциденты – в Турции, Ираке, Иордании, Израиле, на Голанских высотах, в Ливане – свидетельствуют о региональном масштабе этого конфликта. Всему этому противостоят попытки собрать конференцию в Женеве с целью урегулирования ситуации.

Конечно, одним из главных вопросов является гуманитарный: необходимо облегчить участь гражданского населения. Что до оценки гуманитарной ситуации в Сирии, то она находится на грани катастрофы. Вы все в курсе имеющихся данных: более девяноста тысяч человек убито, 4,2 миллиона составляют перемещённые лица (и они не просто вынуждены переселиться единожды – им приходится постоянно менять места проживания). Наши сотрудники рассказывают, что люди на протяжении двух лет

---

¹⁰ Глава управления оперативной деятельности в странах Ближнего Востока, МККК, Женевы. Перевод с английского Борисовой М.В.

мигрируют внутри страны со всеми своими пожитками. Количество беженцев достигло 1,5 миллиона человек, и оно продолжает расти. Нарушения гуманитарного права, за которые ответственны обе стороны конфликта, происходят систематически и повсеместно. Всё это является предметом большого беспокойства для Комитета Красного Креста. Нападения на больницы, медперсонал продолжаются, несмотря на наши бесконечные воззвания к сторонам конфликта и тем государствам, которые могут напрямую оказать влияние на участников войны – России, Ирану, США, Франции, Великобритании. Но на деле никакого улучшения не происходит. Ко всему этому добавляется масштабное разрушение городов, инфраструктуры, системы здравоохранения (которая, кстати, находилась на высоком уровне до начала конфликта), ухудшение санитарных условий и проблема доступа к чистой воде, электроэнергии. Дополнительную нагрузку в связи с потоком беженцев несут соседние страны.

К сожалению, гуманитарные вопросы также политизированы. Нас нередко не пускают туда, куда нам нужно попасть для оказания гуманитарной помощи. Доступ к горячим точкам крайне затруднён. На севере страны есть территории, постоянно находящиеся под контролем оппозиционных сил. На юге и востоке властвуют правительственные силы. Но линия фронта постоянно перемещается, и очень сложно составить карту военных действий. До начала конфликта дорога от Дамаска до Алеппо занимала у нас 4 часа. Сейчас это в лучшем случае двое суток. Нам приходится пересекать до сорока контрольно-пропускных пунктов – как правительственных, так и оппозиционных. С некоторыми оппозиционными группировками мы уже знакомы, другим нужно объяснять, кто мы такие, и почему нельзя препятствовать оказанию гуманитарной помощи.

Несмотря на ресурсы, мобилизованные ООН, неправительственными организациями, сирийскими добровольцами, разрыв между предоставляемой гуманитарной помощью и потребностью в ней увеличивается. Обеспечение безопасности нашего персонала и волонтеров остаётся главной проблемой. Двадцать добровольцев из Сирийского Красного Полумесяца были убиты при исполнении своих обязанностей – такие вещи недопустимы с точки зрения международного гуманитарного права. Сейчас мы не способны предотвратить подобные инциденты, но в МККК работают упорные люди, и мы продолжаем переговоры со сторонами конфликта. Условия, в которых работают наши команды, таковы, что полностью исключить риск невозможно. Красный Крест не гарантирует полную безопасность. И нам приходится всё время соизмерять риск, на который мы обрекаем людей, с тем, какой результат даст их работа. Мы готовы рисковать, если это поможет населению.

Наша работа основана на реальном присутствии в кризисной зоне. Мы выстраиваем отношения с повстанцами, с силами безопасности, чтобы иметь возможность работать в зоне конфликта, и это – замкнутый круг: выстроить хорошие отношения возможно только работая непосредственно на местах, но чтобы работать на местах, нужно иметь к ним доступ. Безусловно, мы соотносим риск с уровнем подготовки наших волонтеров, стараемся воздействовать на ситуацию так, чтобы она максимально благоприятствовала нашим сотрудникам. Наша деятельность носит сетевой характер: мы налаживаем отношения с разрозненными силами оппозиции, с соседними государствами (Ливан, Иордания), устанавливаем диалог с защитниками

режима Б. Асада. Нам необходимо подключить к своей работе всех участников конфликта. В этом нет никаких политических мотивов – только гуманитарные цели.

Недавно мы пришли к выводу о необходимости удвоить гуманитарную помощь Сирии. На данный момент Сирия – крупнейший получатель нашей помощи, хотя в сравнении с потребностью эта помощь недостаточна. До конца года мы намерены потратить ещё 500 млн долл. Мы удвоим поставки продовольствия, предметов первой необходимости, на 70% увеличится медицинская составляющая помощи. Кроме того, вдвое будет увеличен бюджет операции в Иордании, Ливане – на 50% (в том числе и на сирийских беженцев).

Что касается проблемы водоснабжения, то оно не должно прекращаться, в том числе и в центрах, организованных для перемещённых лиц, в школах. Мы следим за работой водоочистительных заводов. С сентября 2012-го года мы поставляем химикаты для очистки воды. Мы рассчитываем, что к концу года 15 млн человек получат доступ к воде благодаря нашей деятельности.

Новое направление в нашей работе – утилизация отходов. Коммунальные службы во многих районах не работают, мусор накапливается, а это уже прямая угроза санитарной обстановке в стране. В данной области мы работаем совместно с местными структурами.

В Сирии действуют мобильные команды медицинской помощи, организованные Сирийским Красным Полумесяцем, которому мы оказываем поддержку. Команды передвигаются на больших пикапах, оснащённых всем необходимым медицинским оборудованием. Они действуют в зоне столкновений, помогая раненым.

На региональном уровне главная роль принадлежит структурам ООН и правительствам стран, принимающих беженцев.

Елена Суреновна Мелкумян¹¹: Я буду говорить о двух региональных организациях, которые сейчас, с моей точки зрения, играют очень важную роль в разрешении тех конфликтных ситуаций, которые имеют место быть. Это Лига арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Залива. Эти две региональные организации, конечно же, различны и по своему весу в мировой политике, и по тому, насколько они могут оказывать влияние на общую ситуацию. Тем не менее, создалась такая ситуация, что они действуют совместно, а Лига арабских государств опирается на те решения, которые принимаются в рамках Совета сотрудничества. Почему так произошло? После начала «Арабской весны» и падения режимов в Тунисе и Египте произошло изменение баланса сил в арабском регионе. Египет, который традиционно играл одну из лидирующих ролей, был занят своими собственными внутривосточными проблемами. Возросла роль Саудовской Аравии. Опираясь на своих партнёров в Совете сотрудничества, она попыталась превратить Лигу арабских государств в более действенную, эффективную структуру, которая могла бы реально оказывать влияние на развитие региональной ситуации. И это действительно произошло.

ЛАГ была создана в 1949 г. – это организация с долгой историей, но она никогда не была по-настоящему влиятельной. А в последнее время ей удаётся формулировать

---

¹¹ Доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ.

позиции, которые воспринимаются именно как позиции региональных игроков, и не считаться с ними никто из ведущих сил, которые участвуют в разрешении этих конфликтных ситуаций, конечно, не может. Почему произошло такое изменение в балансе сил региона? Мне кажется, это связано прежде всего с тем, что арабские монархии (особенно монархии Персидского залива) смогли подтвердить стабильность своих режимов. Да, в этих государствах происходили протесты – но не во всех. Протестными движениями были охвачены только Бахрейн, Кувейт и Оман – причём в разной степени. В Саудовской Аравии, Катаре, ОАЭ не было массовых протестов. Это позволило правящим элитам этих государств выступить в роли инициаторов принятия решений на общеарабском уровне.

Действовала очень любопытная схема: решения принимались вначале на уровне субрегиональной организации – Совета сотрудничества, – которая объединяет шесть государств региона; затем, пользуясь тем, что все они являются и членами ЛАГ, эти решения выдвигались там, находя одобрение и поддержку этой более влиятельной организации. Модели, которые были опробованы в данном случае, были различны в зависимости от того, как развивались события в той или иной стране. Когда начались волнения в Йемене (соседствующем с Саудовской Аравией и потому пользующемся особым вниманием), была выдвинута инициатива Совета сотрудничества по разрешению сложившейся там конфликтной ситуации мирным путём. Эта инициатива позднее была поддержана ЛАГ и оформлена как её резолюция. Такая модель разрешения конфликтной ситуации была успешной. Действительно, удалось относительно бескровно передать власть от президента, против которого, в основном, и были выдвинуты требования митингующих, вице-президенту. Затем были сформированы новые органы власти. Такую модель хотели распространить и на другие страны, но, к сожалению, этого сделать не удалось. Ливийский вариант развития событий был иным. Когда началась военная стадия, в которой разгорелось противостояние между правительственными войсками и повстанцами, именно Совет сотрудничества предложил ввести бесполётную зону для защиты гражданского населения. Это решение нашло поддержку и в рамках ЛАГ; не было противоречий и в Совете безопасности ООН: была принята резолюция, позволившая реализовать эту идею.

Наиболее активное участие ЛАГ и Совет сотрудничества принимают в событиях в Сирии. На первом этапе Совет сотрудничества призывал президента страны прекратить кровопролитие, начать переговоры с оппозицией. Был сделан акцент на гуманитарной катастрофе, которая происходит в Сирии. Когда произошла эскалация конфликта, режим Б.Асада был признан нелегитимным. Были предприняты определённые шаги, направленные на то, чтобы оказать поддержку оппозиции. Совет сотрудничества был инициатором постановки вопроса о лишении доверия режима Б.Асада. Это привело к тому, что ЛАГ заморозила членство Сирии. На следующем этапе ЛАГ сформировала миссию арабских государств, которая начала действовать на территории Сирии, пытаясь добиться прекращения огня и начала переговоров. Но эта миссия не была успешной. Тогда ЛАГ начала оказывать поддержку оппозиции. Последний саммит, на котором членство в Лиге получили представители оппозиционной коалиции, стал завершением той деятельности, которую предпринимала ЛАГ.

Какие цели преследуют государства Залива – Саудовская Аравия и её партнёры? Мне представляется, что, главным образом, это – стремление не допустить хаоса, сохранить геополитическую структуру арабского региона в том виде, в котором она сформировалась. Государства Залива успешно развиваются, у них есть перспективные планы, которые они хотели бы претворять в жизнь. В условиях нестабильности и дезинтеграции им не удастся осуществить эти планы.

Ещё один крайне существенный в данной ситуации фактор – Иран. Иран стал главным противником всех государств Совета сотрудничества. Враждебные отношения уже декларируются вполне открыто. Поскольку Сирия является союзником Ирана и пользуется его активной поддержкой, государствам региона очень важно не допустить усиления Ирана, не допустить того, чтобы Иран через шиитские меньшинства, которые присутствуют по всему региону, распространял своё влияние.

Конечно, в рамках Совета сотрудничества существуют и страновые различия: каждое государство проводит свою политику, преследуя личные интересы. Но в целом они действуют скоординированно, они способны выработать общие позиции для претворения их в жизнь при помощи Лиги арабских государств.

Виктор Анатольевич Наденин-Раевский¹²: Дорогие коллеги очень не плохо осветили проблемы региона и отдельных государств, что существенно облегчает мою задачу. Речь пойдёт о двух неарабских игроках региона – Турции и Иране. Обе страны имеют и специфику, и нечто общее. Общее сказывается в том, что амбиции двух этих государств достаточно велики. Грандиозны, если уж на то пошло. Второе: оба государства – но в разной степени – сейчас находятся на пути внутренней идеологической трансформации. В большей степени Турция, в меньшей – Иран. Почему я вынужден упомянуть об идеологической трансформации? Потому что обе страны крайне идеологизированы: идеологиями определяются их амбиции, их внешняя политика, их проникновение во весь регион, их желание руководить.

Сложные процессы, которые происходят в Турецкой Республике, я застал в самом их начале, посетив Всемирный фестиваль турецких олимпиад. Сто сорок стран-участниц! Это грандиозное мероприятие было испорчено теми ребятами, которые, по словам Р.Т.Эрдогана, «защищали несколько деревьев». Тем не менее, он уехал в Тунис, а события развивались дальше. Турецкое телевидение освещало их минимально. Те, кто попытался показывать больше, получили неприятности – вплоть до лишения лицензии. Но «Аль-Джазира» показывала всё это подробнейшим образом. На следующий день после фестиваля мы пошли в книжный магазин в Анкаре: развороченные мостовые, остаточный запах газа... Те протесты начались в первую очередь в связи с запретом на алкоголь. У нас, в России, когда запретили продажу алкоголя с 22 до 10, никто не вышел на демонстрации. А у них это посчиталось наступлением на светский характер государства. Это было для них самым серьёзным аргументом.

Но если мы думаем, что страна раскололась на две части – верующих и маловерных – это не совсем так. На демонстрации протеста против Р. Т. Эрдогана вышли и те, кто за него голосовал; вышли люди, которые соблюдают все положенные по Корану вещи. Эти люди *всё равно* хотят жить в светском государстве. Такова реальность Турции, и никуда от этого не деться. Но таких людей не большинство. По

---

¹² Кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

опросам общественного мнения, Р. Т. Эрдогана поддерживает больше половины населения страны. Однако в августе прошлого года 80% турок высказалось против вмешательства в Сирии. Из них 60% против вмешательства, даже если это вмешательство будет осуществлять НАТО. Парадокс! При этом Р. Т. Эрдоган, казалось бы, соединяет несоединимое в своём идеологическом имидже. С одной стороны, это возвращение к исконному прочтению ислама (в его понимании; ведь турецкий ислам – это не саудо-аравийский ислам, тут сильно влияние суфийских орденов, идей Джелялеddина Руми), трансформация в сторону мягкого, толерантного ислама. Это не просто исламизм. Это попытка соединить несоединимое: ислам и национализм, включая элементы пантюркизма. Они отрицают, что идут по этому пути, но по факту всё именно так. Откуда идеи неоосманства? Они считают его самым прогрессивным шагом в Турции в середине XIX века... Но для турок это шаг вперёд, а для арабов – оскорбление, напоминание об Османской империи. Они не хотят признавать главенство турок, тем более что турки узурпировали звание халифа.

Таким образом, вся турецкая политика (в том числе и в Сирии) была завязана на идеологию – желание быть первой страной в исламском мире, быть вместе с исламским миром. Отсюда – отказ от союза с Израилем (по крайней мере, формальный).

В Иране процессы были несколько иными. Но и там к исламизму начал присоединяться националистический проект. Да, против этого выступает всё руководство Исламской Республики, включая аятоллу. Он – главный в стране, а не президент. Здесь Ахмадинежад и обжёгся: он попытался взять на себя ту часть власти, которая ему не принадлежит. А там жёсткое разделение ветвей власти, система сдержек и противовесов очень хорошо выверена. Гражданскому президенту указали, где его место. Но Ахмадинежад сделал для иранцев одну крайне важную вещь, которую сейчас вряд ли отметут: он начал продвижение к возрождению элементов иранского национализма. Он стал воскрешать память о том, какой была Персия ранее. Началось восстановление памятников. Раньше этого здесь не было. Поднять боевой дух, соединить исламское и национальное – это очень сильный шаг в его политике. Но даст ли аятолла этому процессу развиваться – сказать трудно.

Эта попытка соединить исламское и национальное в Турции и Иране – первые шаги в исламском мире. Мне кажется, рано или поздно национальные элементы придут и в другие регионы.

Ни Турция, ни Иран, по-видимому, не хотят раздувания конфликтов, но их вмешательство в региональные дела не позволило успокоить разбушевавшиеся стороны. Наоборот: это вмешательство подбрасывает новое топливо в каждый из разгоревшихся конфликтов. А сейчас разговор о четырёх тысячах иранских стражей, которые якобы будут направлены в Сирию, – не думаю, что это укрепит потенциал мирного решения проблемы. Но можно ли её решить? Сесть за стол переговоров и договориться трудно. Но приведу пример Таджикистана: тоже было тяжело в своё время... но договорились. И остановили кровопролитие. Не будем оставлять надежду.

Дискуссия

Александр Иванович Шумилин: Мой вопрос – господину Мардини. Красный Крест, как мне представляется, работает в Сирии в более благоприятных условиях, чем

организация Human Rights Watch, которая работает по системе найма персонала на местах. Как действует Красный Крест? Есть ли у Вас свой персонал из Европы? Если он значителен, есть ли жертвы среди этого персонала?

Роберт Мардини: Да, у МККК имеется свой международный персонал в Сирии, это 25 человек. Более 90 сирийцев было нанято Красным Крестом. Также мы работаем с волонтерами из Сирийского Красного Полумесяца – 9 тысяч человек на всей территории Сирии. Как я уже говорил, те 20 человек, убитых при выполнении своей миссии, были сирийскими добровольцами. Среди персонала МККК жертв не было. Хотя в ноябре 2012-го года при пересечении линии фронта был обстрелян наш автомобиль. К счастью, никто не пострадал.

С Human Rights Watch мы работаем по-разному. Мы развиваем конфиденциальный двусторонний диалог со сторонами конфликта. Мы говорим с ними в жесткой форме, но это не становится достоянием общественности. Мы действуем так, чтобы сохранить доступ в зону конфликта – к раненым и пленным. Human Rights Watch действует открыто, привлекая внимание к случаям нарушения прав человека. Они не занимаются работой на местах. Таким образом, я думаю, деятельность МККК и Human Rights Watch имеет взаимодополняющий характер.

Григорий Григорьевич Косач: Господин Мардини, существует достаточно много информации относительно того, что бойцы Свободной сирийской армии могут проходить лечение в израильских медицинских центрах. Насколько это реально? Сотрудничаете ли вы в данном случае с Красной Звездой Давида?

Роберт Мардини: Это очень деликатный вопрос. Согласно международному гуманитарному праву, более не воюющие участники боевых действий заслуживают должного ухода. Но обеспечить его на территории Сирии крайне проблематично. На севере страны МККК работает над этим в шести госпиталях, но этого недостаточно. В некоторых случаях бойцы ССА пересекают границу и отправляются на Голанские высоты, а власти Израиля берут на себя заботу о них. Такие раненые имеют возможность вернуться в Сирию. Мы сотрудничаем с Красной Звездой Давида в рамках нашей деятельности на территории Израиля. Но мы также работаем и с палестинскими организациями.

Антуан Белер¹³: Важно отметить, что в западных организациях, занимающихся гуманитарными вопросами, часто работают не только европейцы, но и жители стран-получателей помощи. Есть ли тенденция к интернационализации рекрутинга в подобных организациях (особенно по сравнению с ситуацией двадцатилетней давности)?

Нана Александровна Гегелашвили: Имеется ли согласованность в деятельности региональных и международных сил? Если да, то, как вы её достигаете?

---

¹³ Дипломатический представитель организации «Врачи без границ» на Ближнем Востоке.

Роберт Мардини: Конечно, есть. Гуманитарный кризис вышел за пределы Сирии. Мы используем наши региональные ресурсы – особенно в плане логистики. В начале кризиса продовольствие закупалось на местных рынках, где качество и цены отличались друг от друга. В настоящее время мы закупаем продовольствие в Омане и Ливане. Нам необходимо диверсифицировать наши транспортные маршруты, потому что кризис распространяется, и мы должны избежать блокирования поставок. У нас также много офисов в Сирии – некоторые из них были атакованы, но благодаря тому, что у нас есть дополнительные офисы, удаётся продолжать непрерывную деятельность.

Александр Иванович Шумилин: Могли бы Вы подтвердить такой факт: команды Красной Звезды Давида проникали на территорию Сирии для оказания помощи в пострадавших под ударами сирийской армии городах, делая это под видом Красного Креста (говоря местным, что они евреи, но не из Израиля)?

Роберт Мардини: Нет. Не могу подтвердить такую информацию. Но мы должны понимать, что все соседние с Сирией страны так или иначе задействованы в конфликте, пытаюсь предотвратить его распространение на их территории. Израиль – одно из тех государств, которые в этом преуспели. Израиль боится возникновения нестабильности в Иордании – это стало бы для Израиля большой проблемой. Но последствия сирийского кризиса Израиль успешно контролирует.

Антуан Белер: Каким образом Катару в последние несколько лет удаётся играть важную роль посредника на Ближнем Востоке?

Елена Суреновна Мелкумян: Действительно, внешняя политика Катара представляет большой интерес. Она всегда была крайне неординарна. Катар выступает в роли посредника и в то же время устанавливает тесные отношения с Израилем. И при этом принимает у себя представителей наиболее радикальных палестинских организаций. Политика Катара сегодня направлена на повышение его региональной роли. Катар считает, что его положение в мировой экономике не соответствует тем возможностям, которые он получил в политической сфере. И он пытается изменить эту ситуацию, проводя такую многовекторную, а иногда и противоречивую политику. Катар всегда находится в центре внимания. Он не желает быть каким-то маргинальным государством, которое никого не интересует.

Роберт Мардини: Специалисты по Ближнему Востоку говорят, что, несмотря на огромное желание Турции и Ирана воздействовать на политику региона, они никогда не добьются в этом успеха, поскольку не являются арабскими государствами. Как Вы полагаете, может ли усиливающаяся конфронтация между суннитами и шиитами поменять правила игры?

Виктор Анатольевич Надеин-Раевский: Хороший вопрос. Получается, именно так. Из-за этого раскола ни одна сторона не сможет укрепиться в качестве доминирующей силы. Турки претендовали на эту роль, но у них и ислам немного другой, и прошлое иное, при том что арабы не любят вспоминать Османскую империю.

Это мешает Турции. Хотя популярность Р. Эрдогана на арабской улице одно время была крайне высокой.

Иран смог добиться популярности только однажды, когда он выступил в роли чуть не единственного защитника палестинцев. Но Иран не может стать лидером на Ближнем Востоке, потому что это – шиитское государство. В глазах суннитов шииты – однозначно враги. Таким образом, у каждой из этих двух стран имеются существенные ограничения к тому, чтобы стать лидерами всего исламского мира.

Борис Викторович Ионов¹⁴: В прошлом столетии, в 30-е гг., во время войны Италии с Эфиопией, Италия применила химическое оружие, а МККК только наблюдал за этим, собирая данные. Однако когда Лига Наций запросила эти данные для рассмотрения и принятия решений, МККК отказался это сделать. Если похожая ситуация будет иметь место в Сирии, как поведёт себя МККК сегодня?

Роберт Мардини: Вопрос применения химического оружия в Сирии крайне политизирован. Но международное гуманитарное право даёт совершенно чёткую инструкцию: применение химического оружия запрещено. И это не обсуждается. На данный момент МККК не располагает доказательствами применения химического оружия в Сирии. Если такие доказательства появятся, они будут переданы в соответствующие органы. В Сирии мы имеем доступ ко всем районам, но не постоянно. И мы не присутствовали в тех местах, где, вероятно, было применено химическое оружие. Поэтому мы не располагаем информацией из первых рук.

Григорий Григорьевич Косач: Я бы хотел прокомментировать выступление господина Надеина-Раевского. Хочу заметить, что в принципе соединение национализма и ислама – вещь дозволенная. Более того, в арабском мире этот процесс начался значительно раньше, нежели в Турции и Иране. Тому есть немало доказательств.

Об отношении к Османской империи. В Египте (крупнейшей стране арабского мира!) 30-х годов местные националисты исходили из того, что они продолжают рассматривать себя в качестве граждан Османской империи.

Не так давно наследный принц Саудовской Аравии посетил с официальным визитом Турцию. Обсуждались различные вопросы, в том числе и военные. Более того, Саудовская Аравия совместно с Турцией участвовала в военных манёврах, включая авиационную и проч. сферы. И как же в Саудовской Аравии заговорили о золотом веке в отношениях между королём-основателем и последним турецким султаном!

Роберт Мардини: Я хотел бы вернуться к вопросу о химическом оружии – чтобы вы имели представление о том, как функционирует МККК. Я говорил, что в основе нашей деятельности – конфиденциальный двусторонний диалог. Но эта конфиденциальность не безусловна. В таких случаях, как применение химического

---

¹⁴ Руководитель управления гуманитарного сотрудничества Российского государственного гуманитарного университета

оружия – когда ситуация выходит за определённые рамки – МККК оставляет за собой право предать это гласности.

Антуан Белер: Как Вы считаете, может (и должна) ли Россия – как и многие другие государства – делать больше в сфере гуманитарной помощи Сирии?

Роберт Мардини: Ситуацию в Сирии не исправить одной только гуманитарной помощью. Необходимо политическое решение. Но пока этого решения нет, международное гуманитарное право должны уважать не только непосредственные участники конфликта, но и все прочие страны. В международном сообществе есть несколько государств, способных оказать прямое воздействие на стороны конфликта, и Россия – одно из них. Если они просто настоят на соблюдении международного гуманитарного права, неприкосновенности работников медицинских служб, уважении к эмблеме Красного Креста, это уже станет весомой поддержкой гуманитарной миссии в Сирии. Но я уверен, что они могут сделать больше.

Третье рабочее заседание. Будущее государств «Арабской весны» (сценарии)

Игорь Васильевич Следзевский¹⁵: Революционные события 2011 года привели к образованию в Тунисе и Египте режимов переходного типа, сочетающих элементы политического плюрализма и монополизации власти, ограничения произвола власти и борьбы за политическое господство. Переходный тип политических режимов по природе своей нестабилен. Его неустойчивое состояние не может быть долговечным, баланс правящих сил подвержен быстрым изменениям, тогда как согласование политических целей и интересов носит скорее временный характер.

Не устоявшийся характер новых режимов в Тунисе и Египте проявился уже на первых после событий 2011 года свободных выборах высших органов власти. Победу на этих выборах – Учредительного собрания в Тунисе в октябре 2011 г., Конституционной Ассамблеи и президента страны в Египте в январе и мае-июне 2012 г. – одержали исламистские партии: «Ан-Нахда» («Возрождение») в Тунисе и политическое крыло ассоциации «Братья-мусульмане» «Партия свободы и справедливости». Успех исламистов на выборах обозначил изменение их роли в политическом процессе. Из стойкой, бескомпромиссной оппозиции правящему (секулярному) режиму они превратились в составную часть правящей элиты Туниса и Египта, несущей ответственность за экономическую и социальную политику своих стран, выбор внешнеполитических союзников, решение финансовых проблем с международными кредитными организациями. Возможности политического маневрирования у руководства исламистских партий значительно увеличились, но вместе с тем перед ними возникла серьезная политическая дилемма: либо позиция политического прагматизма, ориентация на ближайший успех в конкуренции с секуляристскими партиями и связанный с этим риск растворения в «коридорах» «безбожной» власти, либо курс на преобразование власти и общества в соответствии с

---

¹⁵ Доктор исторических наук, зав. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН.

идеологическими постулатами исламизма и вытекающая отсюда возможность раскола общества и масштабного внутривластного конфликта. В Тунисе позиции исламистов, пришедших к власти, ограничиваются многопартийным характером правящего режима. Признание этих ограничений проявляется в политике сотрудничества партии «Нахда» с другими партиями правящего блока. В то же время у многих сторонников светской политической системы приверженность «Нахды» секулярным нормам демократической политической системы по-прежнему вызывает сомнения.

В Египте победа исламистских сил на парламентских и президентских выборах обеспечила переход в руки Партии свободы и справедливости законодательных и исполнительных функций. Но это не стабилизировало политический процесс в стране, а скорее усилило политический раскол внутри египетского общества и правящего режима. Перед лицом массовой поддержки исламистских партий военные не могли не признать легитимность избрания президентом М. Мурси, однако сохранили властный ресурс. Этот ресурс обеспечивают, во-первых, контроль военных над значительной частью египетской экономики, что превращает египетскую военную элиту в мощную группу экономических и политических интересов; во-вторых, самостоятельное политическое положение военной верхушки, обеспечиваемое в немалой степени широкой военной помощью, которая предоставляется Египту США. Отставка, по решению президента, наиболее видных военачальников, включая министра обороны Х. Тантави, начальника генерального штаба С. Анана, не привела к установлению контроля М. Мурси над армией; скорее, это был результат предварительных договоренностей между военной верхушкой и исламистскими лидерами о разделе властных полномочий после смещения президента Мубарака: умеренные исламисты получили возможность сконцентрировать в своих руках высшую исполнительную и законодательную власть и приступить к реформе конституции, а военные сохранили контроль над силовыми структурами и органами судебной власти. На уровне общенационального политического процесса позиции Партии свободы и справедливости ограничивает начавшаяся на фоне успеха исламистов мобилизация анти-исламистских сил – убежденных сторонников сохранения в Египте светского политического режима.

Не идя на разрыв с секулярными политическими системами Туниса и Египта, новое исламистское крыло правящей верхушки этих стран практически сразу после прихода к власти начало придавать большое значение религиозной легитимации своей деятельности. Духовные и политические лидеры победивших партий демонстрируют свою верность исламскому проекту и поддерживающим его силам.

К середине 2012 г. стало очевидно, что исламизация «сверху» политического и правового пространства не укрепляет позиции умеренных исламистов по отношению к блоку светских сил, но, напротив, ставит их в зависимость от настроений арабской улицы и от действий более радикальных исламистских группировок. В организации и действиях исламистских движений все большую роль начали играть процессы исламизации «снизу» - форсированного внедрения и навязывания обществу исламского образа жизни под контролем и давлением исламистских активистов. Ведущие позиции в этих процессах заняли представители радикального (салафитского) ислама, ставшие мощной группой давления на государственную власть и умеренных исламистов. Под

давлением салафитов, «Нахда» выступила за включение радикально настроенных исламистов в органы государственного управления, армию и полицию. В Египет из Афганистана, и Пакистана вернулись многие члены экстремистских (джихадистских) мусульманских группировок.

Судьба правящих режимов в Египте и Тунисе зависит от способности политического класса этих стран обеспечить хотя бы минимальную стабильность политического процесса, устойчивость и легитимность избранных органов власти без вмешательства военных. Очевидно, однако, что уровень стабильности гражданского правления под давлением исламистских сил и протестных выступлений молодежи падает. В Египте эта тенденция проявилась уже в середине 2012 г., после того, как Конституционный суд признал недействительными результаты парламентских выборов конца 2011 – начала 2012 г. и, соответственно, отверг новый вариант Конституции, разработанный новым парламентом, Президент М. Мурси назначил новые парламентские выборы на осень 2013 г. Пока трудно говорить о кризисе правящего режима в Тунисе, однако создание после убийства Ш. Белаида, лидера левой партии «Народный фронт Туниса», непартийного, «технократического» правительства, которое должно снять напряжение в обществе и обеспечить проведение легитимных парламентских и президентских выборов, говорит об угрозе раскола политического класса и в этой стране. В Египте, к лету 2013 г., недовольство политикой президента М. Мурси достигло таких масштабов, что поставило под угрозу существование правящего режима и вновь вывело на передний план египетской политики руководство египетской армии как особую группу интересов. Египетские военные были готовы уступить власть М. Мурси как победителю президентских выборов, но при условии, что новая гражданская власть сохранит существующий порядок распределения власти и влияния, собственности и материальных благ. Как представители одной из крупнейших групп интересов военные непосредственно заинтересованы в сохранении политической стабильности. Неспособность правящей исламистской партии к решению этой задачи привела к ясно выраженной дестабилизации правящего режима – смещению военными президента М. Мурси и его аресту. Этот шаг военных граничит с политическим переворотом и чреват перерастанием нестабильности египетского режима в политический кризис.

Перспективы правящих режимов в Тунисе и Египте зависят от множества внутренних и внешних факторов. Но в условиях нарастающей политической нестабильности определяющее значение приобретают два фактора: отношение населения к существующей власти и ее эффективность – способность осуществить необходимые перемены в политической жизни без разрушения своих структур, без раскола внутри общества и правящей элиты, что может создать угрозу целостности и самому существованию государства. В Тунисе и, особенно, в Египте оба фактора пока действуют в направлении усиления политической дестабилизации. Не проведены даже минимальные социально-экономические и политические реформы, не обеспечен необходимый механизм агрегации интересов и требований исламистских и светских сил, не произошло значительного снижения протестных настроений в обществе, без чего, даже в условиях регулярного проведения политических выборов, невозможна трансформация крайних позиций в умеренные. Возможности демократического процесса в обеих странах не исчерпаны, однако, налицо сохранение и даже расширение

базы различного рода радикальных движений левого и правого (прежде всего, исламистского) толка. В Египте не обеспечена необходимая стабильность демократического процесса, гарантом стабильности власти по-прежнему остается армия. Дестабилизирующее действие этих факторов приобретает цивилизационную глубину и широкий региональный контекст, благодаря открытому конфликту секулярного и исламского проектов преобразования тунисского и египетского обществ.

Однозначная оценка перспектив правящих режимов в Тунисе и Египте в подобных условиях вряд ли будет правильной. Возможны различные варианты их эволюции с разными последствиями для общества и государства, для легитимности/нелегитимности власти. На наш взгляд, пространство возможных изменений этих режимов очерчивают два варианта их вероятной эволюции. Первый вариант – продолжение и даже возможно обострение борьбы за власть между конкурирующими группами правящей элиты в сочетании с ростом протестной активности арабской улицы, но без возникновения прямой угрозы существующим режимам политической власти. Данный вариант наиболее вероятен в случае успешного проведения парламентских и президентских выборов в Египте и Тунисе и ослабления исламистских сил, особенно их радикального фланга. Второй вариант – обострение политической борьбы на разных уровнях общественной жизни с возникновением непосредственной угрозы правящим режимам. Ключевыми условиями этого варианта являются дезинтеграция государственной власти, прежде всего раскол в ее силовых структурах, и упадок легитимности режимов в результате блокирования демократического процесса, частой и насильственной сменяемости политических лидеров, продолжения массовых столкновений и перерастания мирных форм борьбы в вооруженные, парализа нормальной экономической жизни. Логика этого сценария предполагает возникновение непримиримой оппозиции, открытое вмешательство в политический кризис внешних сил и – возможно – начало вооруженной борьбы с правящим режимом. Так или иначе, но риски и угрозы политической дестабилизации в Тунисе и Египте, скорее всего, будут нарастать.

Ирина Яковлевна Кобринская¹⁶: Вы сформулировали как дилемму: либо М. Мурси идёт на уступки военным, либо военные усилят власть насильственным путём. Вообще это не дилемма, поскольку итог всё равно один. То есть вы полагаете, что усиление военных неминуемо. А насколько это плохо? Может быть, тогда возникнет некое подобие турецкой модели, а исламские силы окажутся под контролем военных?

Игорь Васильевич Следзевский: Я думаю, что турецкая модель в современном арабском мире носит гипотетический характер, потому что исторические и международные условия существенно изменились. Мне кажется, что даже приход военных к власти в Египте – а это вполне реально – не придаст дополнительной легитимности в условиях социально-экономического кризиса, массовой политизации населения, раскола египетского общества. Скорее всего, военных поддержат бюрократические силы: старый аппарат, кадры Национал-демократической партии – то есть те силы, которые шли за свергнутым тоталитарным режимом Мубарака. Но арабскую улицу этот вариант в полной мере не устроит, даже если военные пообещают

---

¹⁶ Заместитель директора по научной работе Центра ситуационного анализа РАН.

восстановить порядок и провести реформы. Самое главное, как мне кажется, у военных сейчас нет достаточных политических и экономических ресурсов для проведения таких реформ. Скорее, это приблизит ситуацию к гражданской войне.

Владимир Муртузович Ахмедов¹⁷: События «Арабской весны» стали серьезным вызовом для различных отрядов политического ислама в арабских странах Ближнего Востока. Этому способствовал тот факт, что «Арабская весна» знаменовала в практическом плане возвращение политики в широкие массы населения этих стран и их активное участие в политическом процессе.

Многими учеными, политологами, экспертами, как на Западе, так и в России, происходившие в регионе события были восприняты как усиление позиций политического ислама, как стремление его различных отрядов к захвату власти в этих странах, их быстрой исламизации и утрате светского характера правления в них. Подобные трактовки и характеристики были отчасти верны и имели под собой определенные практические основания. Тем более, что в последнее время все настойчивее выдвигались требования представителей так называемого политического ислама легализовать и расширить свое участие в политической жизни арабских стран. В отдельных странах региона представители различных отрядов политических движений ислама еще накануне арабских революций продемонстрировали возможность прихода к власти как мирным, демократическим путем (Турция, Партия справедливости и развития, 2002 г.), так и с помощью силы (Газа, ХАМАС, 2007 г.). Однако это вовсе не означало, что движения политического ислама способны были удерживать власть на протяжении достаточно долгого времени или что они могли справиться с решением поставленных революцией сложных внутренних и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации. Военный переворот в Египте 30 июня 2013 года, в результате которого был свергнут ставленник «Братьев-мусульман» президент Египта М. Мурси, наглядно продемонстрировал данное обстоятельство.

В то же время, на наш взгляд, подобные суждения и оценки нельзя считать однозначно верными и уж тем более окончательными. Спровоцированные «Арабской весной» социальные и политические процессы в арабских странах еще далеко не завершены, а их результаты для движений политического ислама, их будущего места и роли в постреволюционных арабских странах окончательно не определены. Непрестанно волнения в Египте, разброд и шатания в армейской среде, явно обозначившееся стремление салафитской партии Ан-Нур укрепить свои позиции во власти, равно как и массовые демонстрации в поддержку М. Мурси, его возвращения на пост президента служат тому явным доказательством.

К тому же различные отряды политического ислама, чья идеология базируется на сочетании богатого культурно-исторического, религиозного наследия арабов и современных идеологических, политических воззрений, выступают не только за возрождение ислама, с целью превращения арабо-исламского мира в равноправного

---

¹⁷ Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

участника мировых процессов. Прежде всего, они борются друг с другом за утверждение своей трактовки определения смысла ислама в современных условиях.

В этой связи некоторые лидеры этих движений еще до революционных событий в регионе стали пересматривать традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности. Они не говорили об установлении шариата как основы государственного управления и были гораздо больше озабочены сегодняшним положением в Египте, Сирии, Ливане, Палестине и Ираке. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических, общеарабских позиций, защищая идеи социальной справедливости и равенства, которые формируются на секулярных, а не только религиозных основах. В этом смысле по многим параметрам эти движения смыкались с государственным политическим исламом, который ассоциировался с действующим режимом. То есть с тем политическим исламом, который был приспособлен государственной властью в каждой арабской стране в подходящей для конкретного режима форме в целях идеологического обеспечения интересов внутренней и внешней политики.

Именно этот отряд политического ислама стал первым объектом воздействия «Арабской весны». В тех странах, где произошла революция, позиции официального государственного ислама, оказались, если не окончательно подорваны, то существенно ослаблены в плане воздействия на основные внутривластные процессы.

Возникший политический вакуум в ряде арабских стран, особенно в тех, где революции сопровождались острыми вооруженными конфликтами и гражданскими войнами (Ливия, Йемен, Сирия), стал заполняться некоторыми отрядами политического ислама, в том числе и теми, которые принято именовать «такфиристскими» или «джихадистскими». В то же время, как показал опыт их действий в Саудовской Аравии (1979 г.), Египте (1981 г.), Ливане (2007 г.), эти движения, как правило, не имеют широкой социальной базы поддержки. Они решают ограниченные задачи на коротком промежутке времени и с этой точки зрения имеют ограниченную перспективу в постреволюционный период.

Значительно больший потенциал в постреволюционный период имеет, на наш взгляд, политический ислам, чью социальную базу составляют средние слои населения, занятые бизнесом, торговлей, финансами, другими видами экономической и коммерческой деятельности. Именно в этом сегодня остро нуждаются арабские государства, терпящие колоссальные людские и материальные потери в результате прошедших и продолжающихся революций на Ближнем Востоке.

Виталий Вячеславович Наумкин¹⁸: Кое в чём я не согласен с моими коллегами. Ни в коем случае нельзя говорить о том, что режимы утратили легитимность. Наоборот, они приобрели легитимность, потому что прибегли к выборным технологиям. Это, может быть, единственное достижение «арабского пробуждения» (я предпочитаю такой термин).

---

¹⁸ Член-корреспондент РАН, профессор, директор Института востоковедения РАН.

Я не согласен, что происходит кризис арабской национальной идентичности. Наоборот, арабская идентичность растёт в силу тех событий, которые произошли на Арабском Востоке.

Если уж говорить о проблемах, которые несёт с собой начавшаяся трансформация упомянутых здесь стран, важно заметить, что этот процесс не завершён. Это долгоиграющий процесс, он затронет, наверно, и те страны, которые избегли потрясений – Марокко и Иорданию. Хотя, на мой взгляд, Иордания сегодня уже втянута в сирийский конфликт и вряд ли устоит. Конечно, кризисные явления наблюдаются и в странах Залива – даже таких мощных, как Катар. Эта страна имеет ВВП на душу населения, в четыре раза превосходящий американский, – это серьёзно. Но смена власти, которая там происходит, может привести к смене курса и пройти не так уж безболезненно. Кризис смены власти пришёл и в Саудовскую Аравию, где на вершине власти находятся люди, которые могут посоревноваться друг с другом в степени дряхлости. Я думаю, это тоже будет болезненный процесс, исход которого неизвестен.

Здесь совершенно справедливо говорилось об исламизации. Я как-то употребил такой термин – «великая исламистская революция». Сегодня, мне кажется, дело идёт к кризису исламизма на Ближнем Востоке. Резко поднимают голову антиисламистские силы. Не факт, что идущая шариатизация, например, Туниса, будет успешной. Тем более там резко ухудшилась криминогенная обстановка, экономическая ситуация. Ситуация в Египте просто ужасная. Правда, скоро ожидается подписание договора о займе у МВФ, но, если условия диктует МВФ, я не уверен, что Египет сможет справиться с этими деньгами. Деньги Египту дают и саудиты, и катарцы. Конечно, Египет тут же разорвал отношения с Сирией и призвал к установлению бесполётной зоны. Нечто подобное надо делать и России... Мы проводим «бесплатную» внешнюю политику, а бесплатной внешняя политика не бывает. Вопрос только в том, нужно нам это или нет.

Как известно, визит Мурси в Россию прошёл очень благополучно: он предложил несколько интересных позиций, связанных со строительством АЭС, газовыми проектами, инвестициями, попросил немаленький кредит (2 млрд долл.). Не знаю, какая будет реакция с нашей стороны. Но я всегда считал, что нам надо устанавливать тесный контакт с политическим исламом, учиться с ним взаимодействовать и дружить. Но здесь ограничителями выступают те процессы, которые развиваются на постсоветском пространстве, в том числе и в самой России. Мы уже имеем несколько сот боевиков из России, воюющих в Сирии. Да и сам сирийский кризис, по которому мы никак не можем договориться ни с Западом, ни с арабскими странами... При всех издержках этого конфликта мы, во всяком случае, проявили последовательность нашей политики. Это сложный конфликт; я думаю, он дестабилизирует весь субрегион, в который входят Ирак, Ливан, Иордания. Он уже затронул Турцию. Один турецкий чиновник сказал мне, что цена, которую Эрдоган заплатит за сирийскую политику, будет очень высокой. И так может быть.

По поводу наших интересов. На самом деле наш главный стратегический партнёр – это Турция, а вовсе не Сирия. Но мы заявили о себе, и без России принимать какие-либо крупные действия в регионе на данный момент очень сложно. Гуманитарная ситуация являет собой катастрофу. Число смертей близится к половине

числа убитых в Ираке после введения туда войск коалиции. Не будем забывать, что там было убито двести тысяч человек. Не будем забывать, что число беженцев из Ирака в соседние страны превышает число беженцев из Сирии. Надо избегать двойных стандартов: войска коалиции, которые взяли под контроль Ирак, ничего не смогли сделать для обеспечения безопасности населения. Из почти полутора миллионов христиан Ирака осталось примерно четыреста тысяч.

Может случиться дальнейшее обострение ситуации. То, что делают наши партнёры, близоруко. Может быть снова применена трёхступенчатая тактика, когда сначала идёт довольно неразумное вооружение оппозиции, потом введение бесполётной зоны и непосредственное военное вмешательство. Более того, Сирия представляет собой арену столкновения стран Залива и Ирана. Сегодня Иран вступает в какую-то новую эпоху, но я бы не стал преувеличивать значение избрания реформиста президентом страны. Сегодня его главная задача – нормализовать отношения с Западом, убедить Запад вернуться к шиитскому проекту, который они начали в 2003 г., фактически превратив Иран в ведущую региональную державу. Иран благодарен Ираку за это. Если американцев удастся убедить отойти от суннитского проекта, произойдут некоторые изменения, которые, в том числе, создадут некую нишу и для нас. Но на российско-иранском направлении, я считаю, нам вообще ничего делать не нужно: у нас есть весьма ограниченный круг взаимодействия, наше сотрудничество не очень развито в экономической сфере. Нас устраивает политика Ирана в Центральной Азии и на Кавказе. К тому же, Иран является неким противовесом джихадизму. Другого такого противовеса на Ближнем Востоке нет.

С Турцией наши отношения развиваются по восходящей линии. Время показало, что разногласия по Сирии не повлияли на них. А происходящее в Турции, по моему мнению, должно несколько охладить турецкое руководство. Неслучайно сегодня США в качестве площадки под антисирийскую акцию используют Иорданию, а не Турцию.

Нормализация и развитие наших отношений с арабскими силами будет зависеть от того, насколько мы будем щедры в экономических связях – прежде всего в предложениях финансировать, кредитовать целый ряд проектов в арабских странах. Окажет влияние и ситуация в Сирии. Увенчается ли успехом инициатива по проведению мирной конференции? Сценарий распада Сирии будет иметь серьёзнейшие последствия для всего региона и, как считают некоторые мои коллеги, приведёт к концу системы национальных государств на Ближнем Востоке. Я так не считаю. Я думаю, Сирия ещё будет держаться.

Александр Иванович Шумилин: Меня насторожил тезис о том, что Иран можно рассматривать в качестве противовеса джихадизму. Ведь если уйти от суннитской терминологии и заменить «джихадизм» на «экстремизм», это вызывает сомнения, ибо главными соратниками Ирана являются крайние экстремистские группировки. Всегда ли слово «последовательность» имеет положительную коннотацию? Не приведёт ли последовательность в российской политике в отношении Сирии к утрате позиций России в арабском мире в целом?

Виталий Вячеславович Наумкин: А чего там терять? О каких позициях вы говорите?

Александр Иванович Шумилин: Я имею в виду политические и экономические позиции. Эмираты – это вооружения, Саудовская Аравия – контракты по нефти, Египет – поставка продовольствия и т.д. Это экономические моменты, но важнее – политическое присутствие. Термин «последовательность» любят употреблять некоторые наши коллеги, которые считают: «Либо Асад, либо арабский мир». То есть якобы Асад важнее для нас, чем арабский мир.

Виталий Вячеславович Наумкин: Начнём с джихадизма. Идея джихада – суннитская.

Да, Иран поддерживал ХАМАС. А сегодня ХАМАС стоит на пороге признания его легитимной политической организацией. Сегодня палестинцы будут договариваться о создании технократического правительства, где не будет представлен ХАМАС. Возможно, это скоро произойдёт. Я же не сказал, что Иран – белый и пушистый. Я сказал, что Иран – главный враг суннитского джихадизма. Хезболла воюет ведь не с Америкой в Афганистане – она воюет с джихадистами в Сирии.

Сегодня сохраняется заинтересованность Запада в Иране как силе, без которой достичь стабилизации в Афганистане после ухода оттуда сил коалиции будет невозможно. Поэтому сегодня американцы объявили, что они готовы к прямым переговорам. Это огромный сдвиг. Пусть никто не питает иллюзий насчёт нового президента Ирана – тем не менее, работать будут. Также без Ирана не достичь стабильности в Ираке. Соответственно, роль Ирана очень велика. И дело вовсе не в его ядерной программе, а в региональной политике. Если региональная политика Ирана станет более сдержанной, проблема уйдёт с повестки дня. Если же Иран признает Израиль, ему принесут ядерное оружие на блюдечке с голубой каёмочкой. Так же как признали ядерную Индию, ядерный Пакистан...

Последовательность. Я уважаю Вашу точку зрения по этому вопросу. У меня она другая. Сирия – это расколота страна, где огромная часть населения поддерживает правящий режим. Если завтра будут выборы, то кого выберут? – Б. Асада, больше некого. Это вывод не мой, а западных разведслужб, данные которых выплёскиваются в интернет. Б. Асад остаётся популярным лидером, армия в тяжелейших условиях остаётся сплочённой, никакого дезертирства нет – это чепуха. Расколотую страну нужно объединять. Военной победы здесь не будет.

Нана Александровна Гегелашвили: Каковы перспективы российско-турецких отношений с учётом постоянно растущих амбиций обеих стран на Большом Ближнем Востоке? У России и Турции есть общие интересы, общие цели. Но со временем их может стать меньше. Что будет тогда?

Виталий Вячеславович Наумкин: К сожалению, я не вижу никаких амбиций со стороны России на Большом Ближнем Востоке. И даже на Малом. С точки зрения Турции – да, безусловно, есть большие амбиции. Я уважаю турецкое руководство за то, что у него есть своя программа. Это люди, которые чётко опираются на определённый электорат, знают, чего хотят. Они ещё не всё озвучили.

Вся политика Ближнего Востока основана на символах, это классическая символическая политика. Но мы живём в мире прагматизма, так что, я считаю, что объединяющие нас экономические интересы играют ключевую роль. Неслучайно наша риторика очень примирительная. Проблем нет. Нам не за что бороться. Единственное, что может создать проблемы, если Турция решит вмешиваться в наши внутренние дела на Кавказе. Но пока этого не происходит.

Ида Николаевна Куклина: Некоторые проблемы для меня так и остались неясными. Пять моделей воздействия конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке: Ирак-первый, Ирак-второй, Афганистан, Ливия и Сирия. Первый конфликт в Ираке был решён по старой схеме, до того, как кончился биполярный мир. И это принёсло свои плоды: Ирак ушёл из Кувейта. Все остальные конфликты – несмотря на то, что всё там происходило под эгидой ООН – рождают не надежды, а большие сомнения по поводу будущего этих стран.

Что касается Сирии, дальнейшее развитие событий абсолютно невозможно предсказать. С другой стороны, мы говорим о последовательной позиции России (и, соответственно, Запада). Эта последовательная, выдержанная позиция уже привела к ста тысячам жертв, как оценивает ООН. И ведь целый мир не знает, что делать дальше. Тупиковость ситуации – это ложка дёгтя в той оптимистической картине, которую вы нам нарисовали.

Виталий Вячеславович Наумкин: Вы совершенно правы. Есть разнородное реагирование международного сообщества, которое не выработало какой-либо единой парадигмы. Сегодня есть масса предложений и по реформированию системы международного права, ООН и т.д.

Когда я говорю о нашей последовательности, я имею в виду вовсе не ориентацию на поддержку Б. Асада, а на поддержание баланса и на выход к национальному диалогу. Идею конференции Запад поддержал, и это большое достижение. Без российско-американской роли на Ближнем Востоке ничего не решить. Посмотрите, при всех всплесках напряжённости в наших двусторонних отношениях, никому в голову не пришло предложить как-то ограничить наше содействие американцам в афганском вопросе. Афганистан сейчас – это ключевой вопрос. Кроме того, мы совсем не говорили о роли Китая, а ведь его экономическое присутствие становится настолько мощным, что оно неизбежно перерастёт в политическое. Например, Таджикистан неуклонно превращается в экономический протекторат Китая, если не сказать больше.

Владимир Георгиевич Барановский: Такая безумная мысль... а может быть и нужно отдать это всё Китаю – пусть разбирается? Какую роль может играть Китай в этом регионе?

Ирина Яковлевна Кобринская: Ну, это уже вопрос для следующей конференции.

Николай Алексеевич Косолапов: Суммировать всё многообразие точек зрения, нюансов, которые были здесь озвучены, традиционным способом мне очень трудно. Поэтому я сформулирую несколько групп вопросов, которые, на мой взгляд, потребуют большего исследовательского внимания в предстоящие годы.

Было высказано несколько позиций, в отношении которых у участников наблюдалась высокая степень согласия:

- 1) Число и сложность конфликтов будут возрастать в обозримом будущем – как в мире, так и на Ближнем Востоке. А это значит, что потребность в той деятельности, которой занимается Красный Крест, будет увеличиваться. В этом плане есть какая-то определённая ясность. А вот перед исследователями, занимающимися Ближним Востоком, возникает много вопросов.
- 2) Ближний Восток проходит через период глубокой внутренней всесторонней трансформации: эволюция ислама, взаимоотношение религии и светских властей, проблема модернизации светского государства и т.д. Несколькими выступающими особо подчёркивалось, что это только начало процесса. Иными словами, мы должны ждать его продолжения и усложнения. Мы должны ждать результатов, которые сейчас невозможно предсказать. Особенность этого процесса в том, что язык, менталитет и ислам делают Ближний Восток во многом «вещью в себе». Ближний Восток – интроверт. Глобальное влияние очевидно, но специфика духовных компонентов жизни на Ближнем Востоке погружает этот регион в его собственные переживания, обуславливает его собственный выбор пути.
- 3) Революции на Ближнем Востоке исходят от достаточно состоятельных людей, от развития сознания и психики, а не от бедности. Источником недовольства послужила местная буржуазия. Это интересно. Посмотрите на историю России: наши революции тоже двигались отнюдь не бедностью, а теми слоями, которые поднялись за последние десятилетия, но не получали возможностей для своей политической самореализации. Нечто подобное происходит и на Ближнем Востоке.
- 4) Политические амбиции стран и элит стран, которые, может быть, невелики по традиционным критериям территории, населения и т.д., но непропорционально велики по экономическим критериям. Политические амбиции новых экономических игроков будут сказываться всё сильнее не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах.

Общее впечатление от дискуссии состоит в следующем: примерно тысяча лет европейской истории со всеми её конфликтами, войнами, эволюцией христианства и проч. свалена сегодня на Ближнем Востоке в один котёл и переваривается там за несколько десятилетий. Регион развивается одновременно по всем направлениям. Различие же заключается, по-видимому, в том, что Европа в силу общего развития мира прошлых веков сама варилась в собственном соку и втягивала мир в свои проблемы. Ближний Восток же сегодня испытывает сильнейшее влияние извне. Если это так, то начало процесса, о котором шла речь, диктует нам то, что наши критерии оценок происходящего должны быть долговременными, нацеленными на значительную перспективу. То, что происходит в Сирии сегодня, и чем это закончится завтра, важно. Но гораздо важнее, куда выходит этот процесс в перспективе минимум 25 лет.

Переориентация с оценки и прогнозирования сегодняшних политических событий на оценку и прогнозирование долговременных тенденций была бы очень интересной. Один из принципов прогноза-2030, выпущенного нашим институтом, заключается в том, что определять предстоящее развитие будут тенденции, происходящие в сфере идеологии. Пожалуй, на Ближнем Востоке эта идея смотрится наиболее актуальной, и она обещает наиболее интересные научные результаты.

ТЕЗИСЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ УЧАСТНИКАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

Н. А. Косолапов

Конфликты начала XXI-го века: особенности, вызовы, перспективы

История богата примерами как всевозможных войн, так и внутренних смут и бунтов, дворцовых переворотов и революций, внутриэлитных разборок, в которых соперничающие группировки натравливали друг на друга разные слои населения. Ничего принципиально нового нет и в том, что участники внутренних конфликтов стремятся (изначально или по ходу борьбы) заручиться внешней поддержкой. А внешние силы, преследуя собственные интересы и цели, часто поддерживают таких участников, провоцируют их и нередко сами создают в странах-потенциальных противниках и/или конкурентах свои «пятые колонны».

Вооруженные противоборства неизменно окрашивались в местнические (родоплеменные, клановые, земляческие), религиозные (конфессиональные) и/или националистические тона: желание переделить в свою пользу совокупный территориально-экономический пирог выглядит благороднее и императивней, будучи прикрыто высокими словами о борьбе за Веру, Справедливость и Истину, за права народов, а в последний век – за права человека. Тем более что все перечисленное сплошь и рядом нуждалось и продолжает нуждаться в защите.

На этом историческом фоне события и процессы начала XXI века на Ближнем Востоке уникальны в нескольких отношениях.

Во-первых, глобализация открыла возможности как для объективного, так и для преднамеренного теснейшего сочетания во времени, взаимоналожения и взаимопереплетения всего названного выше – различных типов противоборств, их движущих сил, мотивов, целей и интересов, политико-идеологических и иных обоснований, мотивировок и пр. Следствие и результат – клубок противоречий, который в принципе невозможно распутать, потянув только за один – любой – из торчащих во все стороны концов (в противном случае это уже было бы сделано).

Во-вторых, Большой Ближний Восток¹⁹ (включая в него пространства от Северной Африки до Ирана, объединенные их географической сопредельностью в сочетании с наличием и значимостью здесь фактора ислама; далее – ББВ) – регион, объемлющий многообразие как этносов, конфессий, цивилизаций, так и социально-исторических укладов – от родоплеменных до постиндустриального. Все это на достаточно ограниченной территории с трудными климатическими условиями (т.е. вопросы физического выживания не потеряли здесь остроты) и при высокой удельной плотности населения в зонах, пригодных для жизни и ведения хозяйства (в отличие от плотности на территории в целом).

В-третьих, со времен Александра Македонского, если не раньше, ББВ остается регионом пересечения не только острых внутренних противоречий, но и специфических интересов, направленных как из региона вовне, так и – особенно в последние 150 лет – из внешнего мира на этот регион. Здесь возникали и рушились

---

¹⁹ Это понятие используется здесь сугубо в географическом смысле и никак не коррелирует с американской политической концепцией ББВ как Greater Middle East.

первые праимперии, из войн и на основе которых рождались сам ББВ, а позднее – христианская и исламская ветви цивилизации. Крестовые походы, европейский колониализм, а в XX веке – борьба против него, соперничество ведущих мировых держав, смена миропорядков, и наконец, в последние двадцать лет, прессинг глобальной «демократической миссии» и встречная волна исламского радикализма – все это оставило неизгладимый след в опыте и памяти народов региона, в особенностях их эмоционального строя.

Следствие и результат: в событиях 2000-х и особенно 2010-х годов на ББВ легко обнаруживаются бунты масс и мятежи элиты, дворцовые перевороты и народные революции, интересы и прямые акции внешних сил, фанатизм масс и дикая стихия этноконфессиональных войн на уничтожение. Политкорректность требует называть происходящее «конфликтом» (или совокупностью конфликтов), но диетический термин не вяжется с поеданием «демократической оппозицией» внутренностей убитых сторонников правительства: мода сыроедения на Западе, да и в России еще не дошла до столь продвинутой фазы.

С одной стороны, события последних лет на ББВ еще раз показывают всем на Западе и на Востоке, что революция, сколь бы благородной она ни была по истокам ее гнева и по ее помыслам – это всегда кровь, грязь и мерзость, это долгий разгул аморализма и жестокости, сгусток преступлений, десятилетия последующего сведения счетов, это осложнение развития страны и повышение его социальной цены, гарантия места в лучшем случае в середине мировой иерархии экономических потенциалов. А в условиях глобализации это скорее всего еще и тормозящий эффект по отношению ко всем, кого затрагивают (прямо или косвенно) потрясения 2000-х гг. на ББВ и их последствия – т.е. к странам ЕС, к России, не исключаю, что в условиях глобализации даже к США и Китаю.

С другой, насчитывающие более полувека усилия ООН, а также разных неформальных ассоциаций государств и политиков не привели к прекращению или хотя бы затуханию конфликта в регионе ББВ – напротив. Этот факт дает нам основания предположить, что *не оправдал себя принципиальный подход*, когда-то заложенный в основание подобных усилий – *ориентация на урегулирование конфликта, причем непременно политическими средствами*. Ясно, что многих участников ближневосточных взаимодействий не устраивают и не устроят ни урегулирование, ни упор на политические средства вместо вооруженной борьбы. Их бы устроила даже не победа – тут им грозит молниеносное практическое и политическое банкротство, и скорее всего они это сознают, – но консервация вооруженных противоборств на неопределенно долгий срок и легитимация этого положения, как минимум международное смирение с ним.

Здесь и обретает актуальность сугубо научная, казалось бы, проблема *операциональной*²⁰ типологизации конфликтов и научно внятного различения явлений (и соответственно, понятий) конфликта и войны.

Цели урегулирования, решения, разрешения конфликтов требуют ответа прежде всего на вопрос, с кем из участников конфликта это делать, как влиять на их мотивацию, а также ко всем ли типам конфликтов приложим подход, априори

---

²⁰ Т.е. научной по критериям и методу ее построения, но нацеленной на ее как научное, так и прикладное (политико-практическое, иное) использование.

ориентирующий на политические средства их прекращения. Ответ на названные и производные от них вопросы предполагает наличие типологии конфликтов и конфликтного поведения на базе политико-психологических, а не формальных (правовых и пр.) критериев. Такая типология была предложена мной в первой половине 1990-х гг.²¹ на основе анализа конфликтов конца 1980-х – начала 1990-х на пространстве бывшего СССР. Разумеется, она не заменяет, а дополняет собой иные типологии в этой области.

1. Конфликт и война: общее и различия, подходы к типологизации

Существует много типологий войн и особенно конфликтов. Как правило, исходный критерий типологии – связь того и другого с институтами государства и его политического устройства. Соответственно, говорят о войнах гражданских (внутреннее переустройство государства), межгосударственных и национально-освободительных и сепаратистских (два последних типа – войны за обретение государственности). Конфликты делят по административно-правовому критерию на внутривосточные и транснциональные, т.е. выходящие за границы минимум одного государства; по критерию используемых средств – на насильственные и ненасильственные, вооруженные и невооруженные; по критерию заявляемых целей – на межнациональные, религиозные, идеологические и др. Заметим, что ни один из названных критериев не является строго психологическим и, таким образом, способен лишь минимально обращаться (или не обращается вообще) к вопросам мотивации, культурно-психологических особенностей, психологических характеристик участников конфликта.

В практике международных отношений понятия конфликта и войны часто используются как синонимы, особенно если в конкретном случае имеет место вооруженная борьба, «смазывающая» различие двух этих явлений. Подобное словоупотребление может быть искренним, произвольным; или намеренным, рассчитанным на получение желаемого политического и/или информационного эффекта. Затрудняет научную типологизацию и получившая распространение в последние 15-20 лет практика переустройства государств номинально с опорой на внутренние силы, но при решающей роли (а не просто поддержке) внешних сил, использующих при необходимости вооруженные формы борьбы (случаи Ливии, Сирии; в какой-то мере и Египта; ранее – реконструкция бывшей СФРЮ).

В рамках дискуссии на нашей конференции меня интересует типичная для БВВ (и ряда других регионов, не исключая постсоветского пространства) связка «*конфликт-война*», когда два эти явления многократно переходят друг в друга, создавая специфическую *социальную экологию «война как образ жизни*». Эта экология обладает высокой внутренней устойчивостью, она доминировала на протяжении известной нам истории. Отсюда следует, что современные поиски урегулирования конкретных конфликтов должны в какой-то их части включать и историческую «сверхзадачу»

---

²¹ См.: Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства и современная конфликтология (Статья первая) / Мировая экономика и международные отношения. М. 1995. № 10. С. 5-17; *его же*. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии (Статья вторая.) // Мировая экономика и международные отношения. М. 1995. № 11. С. 36-48; *его же*. К построению политико-психологической типологии конфликта // Российская американистика в поисках новых подходов. Материалы V научной конференции Ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 17-18 июня 1997 г. М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 88-108.

эволюционного перехода к такой экологии, в которой война на какой-то период, скорее всего, сохранится, но должна будет терять функции *образа* жизни.

Вопрос, кого – личность или организацию – считать основным субъектом конфликта. Понятно, что без участия конкретного человека никакие война или конфликт невозможны. Однако что касается их начала и/или последующего хода, просматриваются две модели: личность начинает конфликт (что возможно, как правило, только в жестко авторитарных структурах); конфликт продолжается потому, что существует достаточное число людей, лично заинтересованных в его сохранении; конфликт начинается, продолжается и завершается по инициативе и при определяющей роли организации – государства, этноконфессионального и/или политического движения, террористической ячейки и т.п. В данной статье в центре внимания будут организации как субъекты конфликта, а предлагаемая типология конфликтов относится прежде всего к этому типу участников (хотя ее основные положения применимы и к личности как субъекту конфликта).

Мои последующие рассуждения о типологии конфликтов выстроены в рамках идеи и методологии *веберовской «идеальной модели»*. В реальной жизни явления и процессы, о которых пойдет речь, сплетены друг с другом, нередко переходят друг в друга «вперед» и «назад». Установить между ними какие-то жесткие границы чрезвычайно трудно. Однако в целях анализа такие границы не только возможны, но и абсолютно необходимы.

Исходная точка моего анализа – понятие *взаимодействия* (интеракции). По критерию степени совпадения целей и интересов участников можно выделить *четыре принципиально разных типа взаимодействия*: (а) *сотрудничество* – когда цели и интересы всех участников данного взаимодействия в основном или полностью совпадают; (б) *партнерство* – когда интересы и цели участников различаются таким образом, что удовлетворение одних участников возможно только при условии достижения целей и интересов других; (с) *конфликт* – когда цели и интересы различаются так, что достижение целей и интересов одних участников возможно лишь посредством некоего (большого или меньшего – по масштабам и/или по интенсивности используемых средств) ущемления целей и интересов других; и (d) *войну* – когда цели и интересы участников не просто различны, но взаимно противоположны в такой мере, что эта противоположность обосновывает и требует ведения борьбы не просто на победу (что бы под ней ни понималось), но нередко и на уничтожение противника (исторически – прежде всего физическое, сейчас скорее экономическое, социально-политическое, иное).

Таким образом, если конфликт – это игра с ненулевой суммой, то война – всегда с нулевой; и понятия «конфликт» и «война» не синонимы, они обозначают по форме нередко схожие, но по сути и содержанию качественно разные явления. Суть различий не столько в характере интересов и целей участников, но прежде всего в тех социальных функциях, которые объективно выполняют война и конфликт.

Война имеет место между сторонами, которых ничто не объединяет, кроме крайней степени вражды. Объединение это дихотомично: «свои» и «чужие». Ни первых, ни вторых не может быть в отсутствие оппонента. Противоборствующие стороны в войне всегда выступают по отношению друг к другу как «чужие» – не просто «другие», но именно «чужие», враждебные. «Свои» остаются каждые в

соответствующих лагерях. «Чужих» надо или уничтожить, или принудить к безоговорочному подчинению. Действия, направленные на достижение подобных целей, требуют нанесения врагу ощутимых материальных и человеческих потерь – т.е. больших или меньших физических разрушений. В отношении «чужих» не действуют вообще или действуют лишь по минимуму моральные и иные нормы, принятые между «своими»; а ход войны (особенно если она затягивается) разрушает остатки человечности и стимулирует развитие форм жестокости.

Как следствие, война завершается на материальных, нравственных и политических руинах. Поэтому война сама по себе ничего не создает, в «чистом» виде она *расчищает пространство для последующих качественных перемен.*

В *конфликте* стороны объективно объединены – хотя субъективно как правило считают себя разъединенными, противостоящими – некими реалиями и/или желаемым будущим, которые, однако, не устраивают хотя бы одну сторону такого взаимодействия. «Свои» и «чужие» в конфликте есть; но те и другие живут и/или действуют (вынуждены действовать) в рамках некоей более широкой общности: общих ценностей (Запад), религии (ислам), одного государства (при гражданских конфликтах), которое надо все-таки сохранить, чтобы нормальная жизнь после конфликта снова стала возможной; в мире начала XXI века – во все более целостной системе международных отношений, гуманитарных норм и пр.

При конфликте тоже необходимо принуждение оппонента к желаемому поведению, но достигаемое без использования чрезмерных, тем более крайних средств и не предполагающее его физического устранения (хотя и допускающее в ряде случаев изменение его политико-организационных форм). Важно, что цель принуждения в этом случае – именно желаемое поведение (в широком его смысле), а не безоговорочное подчинение: первое обеспечивает предпосылки возможности перехода к партнерству или сотрудничеству, второе чревато бунтом или вспышкой реванша, едва принуждающая сила немного ослабнет.

Выход из конфликта – т.е. из ситуации, в которой одну или все стороны что-то настолько остро не устраивает, что толкает их к конфликтному поведению – в изменении самой этой ситуации и/или ее связей с окружающей социальной средой. Подобное изменение всегда предполагает некоторую трансформацию существующих политико-организационных форм, институтов и/или создание новых. Поэтому *конфликт всегда что-то видоизменяет или создает*, это его главная социальная функция. И по этой причине конфликт не может вестись на уничтожение оппонента: если подобное происходит, то конфликт переходит в войну, и результатом оказывается не появление нового качества, но расчистка места под реставрацию старого качества в новых формах.

Предельно абстрагируя, правомерно сказать, что *война трансформирует сетевые структуры; конфликт выстраивает и/или изменяет иерархические.* На практике жесткой границы между этими явлениями нет, чаще всего имеет место некое их взаимоналожение.

Война и конфликт в идеальном смысле обоих понятий – крайние формы *негативных* (по их непосредственному течению, но не по конечным и тем более долговременным следствиям и результатам: Вторая мировая война – страшная трагедия по ее процессу и цене; но как осуждать уничтожение гитлеризма?) социальных

взаимодействий. Однако между этими относительными крайностями лежит обширная «серая зона» переходов конфликта в войну и обратно, имеющая особо большое значение применительно к динамике событий на ББВ.

По ходу борьбы возможна и нередко происходит трансформация части «своих» в «чужих» и наоборот – какой-то части прежних «чужих» в новых «своих». Превращение части бывших «своих» в «чужие» особенно вероятно в условиях неопределившегося (затяжного) социально-политического поворота (напр., Египет) и заметно повышает риск перетекания изначально гражданского конфликта в гражданскую войну. Напротив, перетекание бывших «чужих» в новые «свои» может привести к трансформации войны в конфликт, и возможно, даже к постепенному затуханию последнего (Чечня после 2005 г.).

Однако если вооруженная борьба длится годы и десятилетия, и подобные перетекания происходят неоднократно, результатом оказывается социальная экология, которую можно назвать «война как образ жизни». Ее специфика в том, что моральными и социальными нормами даже относительно мирного времени оказываются таковые войны. Нет необходимости доказывать, насколько вторые отличаются от первых. «Чужой» предстает здесь только и исключительно врагом. У «чужого» есть в принципе шанс перейти в категорию просто «другого», а со временем, возможно, и «своего». Психологическая дистанция от «врага» до «чужого», видимо, гораздо дальше, чем от «чужого» до «своего». Убийство же врага даже в период временного перемирия – дело, в глазах достаточно многих на ББВ, благое и заслуживающее одобрения.

С этой точки зрения особенность событий и процессов в регионе ББВ еще и в том, что различные участники этих процессов живут по отношению к войнам и конфликтам в регионе как бы в разных историко- и политико-психологических измерениях. Одни и те же события и участники кому-то представляются войной, а кому-то – конфликтом; кому-то просто «чужими», а кому-то – «врагами». Т.е. между участниками процессов в ББВ нет единообразия даже в трактовке типа тех негативных взаимодействий, в которые они вовлечены. Пока это так – а так это будет, видимо, еще долго – рассчитывать на эффективность политических урегулирований трудно: для одних такое урегулирование – выход из конфликта, для других – не более чем временные передышка или перемирие, за которыми можно и нужно начинать новые бои в продолжающейся войне.

Конфликт и война – не стихийные бедствия. Они всегда результат неких решений, выбора, делаемых преднамеренно и осознанно. Принятие решений на конфликт или войну означает, что или они представляются принимающим их людям более предпочтительными, даже оптимальными; или все иные видимые альтернативы воспринимаются этими людьми как по тем или иным причинам – религиозным, идеологическим, психологическим, другим – неприемлемые.

Принятию решений на конфликт или войну всегда предшествует период (нередко длительный) накопления фрустраций и конфликтности, вызревания политико-психологической готовности к конфликту. В большинстве случаев на этом этапе есть теоретическая возможность предотвратить соскальзывание к крайним формам и средствам конфликта (сложнее предотвратить перерастание начавшегося конфликта в войну). Но в условиях социальной экологии «война как образ жизни» период накопления фрустраций и конфликтности как бы исчезает: сама жизнь оказывается

одной непрерывной фрустрацией, и вспышка насилия может произойти в любой момент от любой случайной искры.

Смысл предлагаемой политико-психологической типологии конфликтов в том, чтобы попытаться сформулировать теоретическую основу под диагностику историко- и политико-психологических характеристик субъектов и участников²² не только отдельного конфликта, но и такого клубка войн и конфликтов, как ББВ.

2. Подходы к политико-психологической типологизации конфликтов

В центре типологии – представление о конфликте как историко- и политико-психологически целостной системе безотносительно к ее административным, государственным и прочим *формальным* границам²³. Эти факторы придется учитывать, когда дойдет до реального урегулирования конфликта и политико-правовой «упаковки» такого урегулирования. В предварительном анализе эти факторы чаще всего только мешают.

Поскольку предлагаемая типологизация мыслилась как операциональная, т.е. рассчитанная прежде всего на практическое ее использование, за критерии типологизации приняты главные признаки поведения субъекта в конфликте – такие, как характер его целей (рациональные или иррациональные), склонность действовать прямо и открыто или прикрываясь различными ухищрениями, заинтересованность в скорейшем завершении конфликта или в его затяжке, мера и характер осознанности вступления в конфликт и участия в нем. Далее – ряд описательных схем («моделей»), дающих представление о рассматриваемой типологии и методах ее построения в конкретных ситуациях.

Конфликт обычно начинается одним из двух способов (используемыми иногда одновременно и во взаимосвязи): а) все участники взаимодействия сознательно делают ставку на конфликт как наиболее отвечающую их целям, интересам, побуждениям форму поведения; или б) это делают только один или несколько участников, но таких, которые обладают практической способностью навязать конфликтные формы поведения всем остальным.

При сознательной намеренной ставке на конфликт первостепенное для более углубленной его типологизации значение обретают такие факторы, как цели и задачи данного конфликта с позиций его инициатора/-ов и его прочих участников, а также избираемые инициатором/-ами формы и стратегии ведения конфликта. На сочетании этих критериев возможны несколько принципиально разных вариантов политико-психологических типов конфликта.

I. *Конфликт как стратегия и способ достижения некоторых реальных, рациональных, измеримых целей.* Вопросы о том, насколько целесообразно для данного субъекта стремиться к конкретным его целям, насколько они для него достижимы, насколько оправданы неизбежные при этом жертвы и издержки и т.п., имеют подчиненное значение. Для типологии существенно, что цель в принципе реальна, измерима; что на любом этапе конфликта характер цели позволяет в принципе сказать, достигнута она или нет, приближается к ней или отдаляется от нее тот или иной актор;

---

²² Субъекта отличают наличие собственных интересов, целей, воли в конфликте или войне. Участником последних можно стать и помимо собственной воли.

²³ Границы неформальные – этнические, конфессиональные, нравственные и т.п. – учитываются через их психологическое выражение и в нашем анализе рассматриваются как определяющие.

позволяет сопоставить понесенные или вероятные издержки и полученную или потенциальную отдачу.

Т.е. в данном случае мы имеем дело с *рациональным* конфликтом, с более или менее холодным, продуманным расчетом (конечно, качество расчета и тем более его нравственная сторона – в каждом случае вопрос отдельный). К достижению целей подобного рода обычно в принципе ведут несколько путей, в том числе не обязательно конфликтных или же допускающих использование диапазона форм, способов, средств конфликтного поведения. На каждом этапе можно в принципе оценить, какие формы поведения более отвечают целям и возможностям субъекта как на этом этапе, так и в конфликте в целом.

Рациональный конфликт может подразделяться на три типа в зависимости от того, насколько в его ведении со стороны инициатора/-ов совпадают мотивы и мотивировки²⁴ участия в конфликте.

I-1. *Прямое открытое противоборство*. Суть его в том, что стороны признают свое участие в противоборстве, прямо называют своего оппонента, достаточно полно и подробно излагают перечень своих встречных претензий и требований. Такая стратегия конфликта возможна и оправдана, если на стороне его инициатора/-ов не только соотношение сил, но и моральные грани проблемы и предмета конфликта, а также, желательно, политико-психологические симпатии и поддержка весомой части общественного мнения. Такой конфликт поддается политическому урегулированию при готовности к этому его участников (прежде всего инициатора/-ов) и до тех пор, пока в ходе него не затронуто личное и/или политическое достоинство, («лицо», Я-концепция) минимум одного из участников и тем более пока не пролита кровь. В то же время открытость конфликта делает политическое и персональное «лицо» его инициатора и прочих участников особо уязвимым и дает их политической оппозиции в своих странах дополнительные возможности для давления лидеров участвующих в конфликте сил.

I-2. *Неявное, но осознанное противоборство*. Эти конфликты возникают, когда стороны сознают, что участвуют в противоборстве, которое ведут вполне намеренно, целеустремленно и не случайно. Однако по каким-то причинам они хотят, вынуждены скрывать или не признавать публично сам факт противоборства и/или свое участие в нем, избегая до поры до времени выдвигать ясный и полный перечень претензий и требований к оппоненту. Причин тому может быть много: резкая диспропорция сил; желание не прогадать и одновременно не слишком рисковать, избежать худшего; намеренная «игра не по правилам»; применение морально осуждаемых или противозаконных средств и способов борьбы и т.д. В зависимости от конкретного сочетания таких причин неявное противоборство распадается на *два политико-психологических подтипа*.

I-2 а. *Манипулируемый конфликт* ведется при дефиците возможностей воздействия на все факторы конфликтного отношения, при неспособности и/или нежелании одной из сторон идти на прямое противоборство или чрезмерно раздувать

---

²⁴ Мотив – реальное побуждение субъекта к действиям, возникающее под влиянием его состояния и/или внешних причин. Мотивировка – вербальное объяснение причин и целей предпринимаемых действий, даваемое в психологических (самооправдание, ретроспективная рационализация, компенсаторика и др.), а также политических и иных целях. В политике и особенно в конфликтах – тем более в конфликтных узлах типа ББВ – мотивы и мотивировки могут не совпадать и даже резко расходиться друг с другом.

конфликт, переходить к прямому противоборству, демонстрировать свое участие в конфликте, свою заинтересованность в определенном его исходе; или при заинтересованности в длительном затягивании конфликта безотносительно к его реальным и/или потенциальным результатам и последствиям.

«Манипулирование» означает, что у реального инициатора/-ов конфликта нет возможностей или заинтересованности более жестко контролировать «свою» сторону конфликта либо главным приоритетом является сокрытие собственной заинтересованности, участия в конфликте и/или его результатах.

Такой конфликт поддается политическому урегулированию только при достижении интересов и целей его инициатора/-ов (как сильнейшей стороны в конфликте, который иначе бы и не начался), или под сильным нажимом третьих, внешних сил на манипулирующие конфликтом стороны.

I-2 в. *Управляемый конфликт* возможен, если и когда «управляющая» сторона способна регулировать наличие конфликта и степень его интенсивности. Обычно он создается в случаях, когда у управляющей стороны резко недостает или нет совсем иных, позитивных средств воздействия на оппонента (который может не совпадать с другими непосредственными участниками конфликта!) с целью побудить или принудить его к желаемому поведению. Этот тип конфликта становится востребован, когда достижение желаемых целей, результатов важно, даже императивно для инициатора/-ов конфликта; и возможен, когда у них есть достаточно жесткий контроль над действиями непосредственных участников конфликта со «своей» стороны (зависимость последних от получения военной, финансовой и/или иной помощи, жесткая персональная зависимость лидеров непосредственных участников от инициатора/-ов конфликта и т.п.).

По названным причинам конфликты этого типа весьма устойчивы, пока не достигнуты интересы/цели управляющего инициатора/-ов или пока не ослаблены либо подорваны более широкие позиции последних в регионе и/или мире. Ясно, что перспективы политического урегулирования подобного рода конфликтов лишь в минимальной мере зависят от их непосредственных участников. Однако при определенных обстоятельствах конфликты этого типа способны переходить в разряд неконтролируемых, открывая «окно» для формирования экологии «война как образ жизни».

I-3. *Тщательно маскируемое противоборство*. Одна из его сторон ведет прямой, осознанный, преднамеренный конфликт по отношению к другой или другим, прилагая, однако, особые усилия к тому, чтобы скрыть от внешнего мира и от другой стороны сам факт своих действий и/или их конкретные содержание, цели и направленность. Требование сохранения действий в тайне столь важно, что иногда при нарушении секретности иницирующая сторона может отказаться от дальнейшего продолжения своих действий или конфликта в целом. Сторона-объект такой политики может при этом совершенно не догадываться о том, что против нее ведется конфликт; либо знать сам факт, но не знать оппонента и его конкретных целей; либо не располагать политически ценными доказательствами своего знания. Целью маскируемого противоборства является ослабление оппонента и/или провоцирование в нем желаемых долговременных социальных, политических, персональных мутаций. В таком противоборстве, в свою очередь, также можно выделить два его подвида.

I-3 а. *Подрывные действия*, ранее проводившиеся по каналам спецслужб, но в условиях глобализации могущие иметь финансовый, экономический, иной характер (в особо значимых случаях все перечисленные меры воздействия сводятся в один координируемый комплекс). Этот тип конфликта отлично и полно по сравнению с другими описан в литературе. Иницилирующая сторона прибегает к подрывным действиям, когда не опасается открытого возмездия в случае разоблачения (такое возмездие не допускается соотношением сил и статусов сторон и/или конкретными интересами их правящих элит).

I-3 б. «*Удушение в объятиях*»: стороны или как минимум одна из них не просто отрицают наличие конфликта, но публично декларируют наличие самых добрых намерений и целей по отношению к фактическому оппоненту; совершают политические и иные жесты, долженствующие все это подтвердить; но при этом осознанно и целенаправленно ведут противоборство скрытыми средствами, методами и приемами. В публицистике политику подобного рода часто называют «византийской». Конфликты такого типа наиболее удобны для использования во внутристрановых и глобальных отношениях, где есть и в целом не нуждается в доказательствах принадлежность сторон к общей целостности (polity), от имени и ценностей которой и делаются соответствующие заверения.

Эти конфликты крайне сложны для урегулирования потому, что стороны отказываются и/или не могут без серьезных для себя негативных политических последствий, – признать наличие конфликта. В той мере, в какой урегулирование возможно, оно достижимо только средствами и методами тайной дипломатии, надежно гарантирующей прямым участникам урегулирования сохранение их политического «лица» и личной безопасности.

Конфликты рассмотренных выше типов по их природе не могут достигать крайних, наиболее опасных форм, не переходя во внешне «иррациональное» противоборство. Если такой переход все же происходит, мы имеем дело уже с качественно иным типом конфликта (см. ниже). Важно подчеркнуть, однако, что рациональность природы и содержания конфликта не гарантирует автоматически возможности его политического урегулирования. В ряде случаев рациональность выступает императивом, требующим продолжения и интенсификации конфликта, его территориального и/или социального и проблемного расширения.

Но существуют также и другие типы конфликтов.

II. *Конфликт как самоцель* возникает и поддерживается, когда хотя бы один из ведущих его субъектов озабочен не столько достижением некоторых рациональных целей, сколько преследованием целей идеологического и/или политико-психологического происхождения и порядка. Сложность и опасность подобных конфликтов в том, что сам субъект может при этом совершенно искренне не осознавать подлинные причины и цели своего конфликтного поведения. Такой субъект не только склонен считать самого себя совершенно невиновным в конфликте, но и, как правило, рассматривает другую сторону в качестве источника некоего тотального, всеобъемлющего, высшего Зла.

Конфликт как самоцель всегда произведен от предрасположенности субъекта к конфликтному поведению как особенности, характерной для данного субъекта вообще или на определенных этапах его внутренней эволюции. Внешне порождаемые данной

особенностью субъекта конфликты иррациональны или тяготеют к иррационализму. Но иррационализм этот внешний, кажущийся: если принять в расчет внутренние психологические потребности, заставляющие вести себя подобным образом, то поведение такого субъекта рационально объяснимо – ему психологически важны не столько конфликт и его результат, сколько сама возможность вести себя конфликтно. Урегулирование подобных конфликтов весьма сложно и должно обращаться не только и не столько к конфликту, сколько к его глубинным историко-, социально- и политико-психологическим и культурным первопричинам, обусловившим склонность субъекта к конфликтному поведению или острую потребность в нем.

Здесь тоже возможны конфликты нескольких подтипов в зависимости от конкретных вызывающих их причин.

II-1. *Конфликтное поведение и конфликт как самоидентификация.* Его первопричины лежат в специфике механизмов групповой идентификации и самоидентификации. Применительно к политике и международным отношениям эта специфика связана со становлением и/или качественными сдвигами в сознании и самосознании этнических и конфессиональных групп, социальных и политических сил, движений, партий. Конфликт здесь – не только, а иногда и не столько способ заявить о себе, отвоевать для себя какое-то место под солнцем и в политике, сколько способ, иногда (особенно поначалу) единственный для соответствующего социума осознать себя, свою самоценность, свои интересы, сплотиться перед лицом реального или искусственно создаваемого оппонента. Конфликты, не успевшие вырваться за пределы относительно ограниченных территориально-политических, этноконфессиональных рамок, позднее часто сами сходят на нет, когда цикл самоидентификации оказывается пройденным. Вырвавшиеся же способны принимать хронические формы и затягиваться подчас на многие десятилетия, если новая самоидентификация социума не получает политического оформления из-за препятствия внешних сил или по причине ее иллюзорности, неосуществимости в реальной жизни. В последнем случае конфликт может обретать особенно радикальные формы и затягиваться на годы и десятилетия (пример – стремление религиозной секты построить некое общество и государство на основе своих весьма экзотических идей и принципов).

II-2. *Конфликтное поведение как следствие потребности в получении психологической компенсации* мощных историко- и социально-психологических комплексов: реальной или воображаемой национальной, конфессиональной и иной униженности; чувство «исторического неудачника»; военные, политические, социальные поражения и их духовные последствия; всевозможные фобии, предрассудки; социопсихологическая специфика отдельных идеологий, религий, учений; равно как и всевозможные комплексы собственного превосходства над другими группами, народами, странами. Главное, возникает достаточно сильная, способная иметь социальные и политические выражения и последствия потребность «доказать» что-то себе и/или другим, притом имеющая отчетливо выраженные патологические параметры.

В реальном времени психика, вызывающая потребности подобного рода, не поддается изменениям на статистически значимом уровне²⁵. Как следствие, конфликты,

---

²⁵ Под «реальным временем» мы в данном случае понимаем периоды, не превышающие средней продолжительности жизни поколения в данных стране, культуре. Слова «статистически значимый

возникающие на этой основе, способны длиться десятилетиями и веками, переходя под влиянием жизненных условий и обстоятельств из острых фаз в латентные и наоборот. В случае их латентности конфликты данного типа могут легко и быстро активизироваться в интересах текущей политики.

II-3. *Конфликтное поведение как следствие типа и содержания социо-исторической и/или политической роли.* Обычно оно производно от специфики религии или идеологии, особенно когда они воспринимаются и выражаются через призму фанатичных, экстремистских, догматических сознания и поведения. Так, религиозный фанатик должен любой ценой насаждать свою веру не только потому, что таковы его склад ума и психология, но и потому, что в противном случае он рискует утратить статус активного, беспощадного «борца за веру». Точно также революционеры или политические экстремисты, не совершающие подобающих действий, тоже рискуют утратить свой соответствующий образ, престиж, место в кругу единомышленников, а возможно, и в политической жизни вообще. Для одних подобные психология и поведения – нечто, унаследованное генетически и/или социально. Этот тип психики неисправим: невозможно сделать религиозного или идеологического сектанта-догматика рационально мыслящим и действующим человеком. Конфликты, движущими силами которых являются люди и лидеры подобного плана, можно только капсулизовать.

Но соответствующие роль и тип поведения могут избираться осознанно. В таком случае это игра, подавляемая силой внешних обстоятельств.

III. *Статусные конфликты* занимают в политике и международной жизни промежуточное место между рациональными (I) и условно иррациональными (II), сочетая черты тех и других. С одной стороны, искомый статус – величина, обычно измеримая и в этом смысле отвечающая критериям рациональности. Им может быть признание суверенитета и независимости, членство в национальных и/или международных организациях, дипломатическое признание и т.п. Когда искомый статус имеет формальный характер, не составляет труда определить, получен он данным субъектом или нет, насколько продвинулся субъект к его обретению.

С другой стороны, мотивы, по которым данный субъект домогается того или иного статуса, часто иррациональны и полностью подпадают под случаи конфликтов категории (II). Трудности урегулирования конфликтов, возникающих на основе стремление политических сил и движений к обретению того или иного статуса, обусловлены не только тем, что субъект может требовать «луну с неба» и искомый статус объективно не может быть предоставлен; но и тем, что субъект в силу иррациональности его мотивации, а подчас и типа психики в целом, нередко органически неспособен поверить в то, что он уже обладает искомым статусом (особенно если статус имеет неформальную природу и выражение).

Кроме того, политически определяющим моментом является то, ищется ли существует ли желаемый статус в рамках существующей внутристрановой и/или международной системы, либо за их пределами или даже в их отрицание. В первом случае вероятность и потенциал возможного конфликта зависят от того, насколько

уровень» означают, что психология отдельных людей и групп может, разумеется, освобождаться от потребности в рассматриваемой компенсаторике. Однако совокупные масштабы подобных изменений еще не ведут к раскрепощению от них психологии социума, культуры в целом.

готова конкретная политическая система (устройство государства, международный порядок) интегрировать назревшие, здравые и легитимные перемены. Во втором конфликт вероятен, но его политическое урегулирование в принципе возможно путем усиления способности соответствующей политической системы к интеграции нового и разумного. В третьем конфликт неизбежен, его политическое урегулирование представляется крайне маловероятным.

Еще раз подчеркиваю, что в регионе ББВ мы имеем дело не с каким-то одним из описанных (или иных) типов конфликта, но с их взаимоналожением и переплетением. Полное прекращение конфликтов в регионе в обозримом будущем нереально. Практически возможным и целесообразным представляется подход, акцентирующий (а) сокращение масштабов вооруженной борьбы до возможно более низкого уровня, (б) развитие региона и каждой из его составных частей в сторону снижения внутривострановой и региональной конфликтности и (с) замену вооруженной борьбы социально приемлемыми формами конфликтов.

3. Вызовы и перспективы

Если в целом справедливы высказывавшиеся в литературе оценки, что на протяжении каждого века в войнах и конфликтах «расходуются» 4-4,5 процента живущего в этом веке населения (В. Цымбурский), то *XXI-й век может оказаться самым кровопролитным в истории* просто в силу ожидаемой численности населения планеты. Это означает, что задача реального ограничения крайних форм конфликтов выходит на первый план.

Функция политической глобализации – создание политической системы (т.е. более или менее формализованной иерархии) глобального мира, а не просто очередного сетевого миропорядка, как бывало в прошлом. Эта функция предъявляет спрос на конфликты по трем взаимосвязанным направлениям: политическое и/или социально-экономическое переустройство государств извне, сопряжение внутривострановых и транснациональных процессов, обеспечение расширяющегося диапазона глобального управления.

При этом сами *конфликты как явление никуда не уйдут*. Более того, они необходимы для появления и закрепления нового во всех сферах жизни. Речь о том, чтобы минимизировать разрушительный потенциал конфликтов и напротив – максимизировать потенциал созидательный. А для этого важно перевести конфликты в социально приемлемые формы, как уже давно сделано в развитых странах в отношении, например, конфликтов трудовых. Несомненно и то, что в обозримой перспективе на ББВ и в мире в целом в условиях глобализации – динамика которой может ускоряться или замедляться, но которая как явление скорее всего тоже уже никуда не уйдет – мы будем в подавляющем большинстве случаев иметь дело с конфликтами не «чистых» типов, но крайне сложными, в истоках, течении и последствиях которых будет наблюдаться взаимоналожение всех рассмотренных (не исключено, что и ряда новых) типов конфликтности.

Поэтому решение названных выше задач политической глобализации потребует *управления формами и оптимизацию масштабов конфликтов* по критерию их макросоциальной приемлемости. Видимо, придется признать, что некоторые виды и типы конфликтов в принципе не могут быть урегулированы политическими средствами. В отношении таких конфликтов нужна скорейшая разработка

международных мер и механизмов их применения, направленных на их быстрое и эффективное силовое (военно-полицейское) предупреждение и подавление, с последующим обязательным преданием международному суду лиц и структур, ответственных за развязывание такого рода конфликтов и за совершаемые в ходе них преступления. Политический и правовой задел под институты силового миротворчества в международных отношениях есть; необходимо придать ему реальную эффективность. Государствам, элитам и правящим группам предстоит понять, что использование «своих сукиных сынов» в эгоистических и частных целях и интересах в длительной перспективе подрывает сами основы какого бы то ни было международного порядка, возвращая международные отношения в состояние хаоса и «дикого поля».

Если и когда система оптимизации форм и масштабов транснациональных конфликтов (на ББВ и в наиболее конфликтогенных регионах мира) будет создана, *конфликты могут стать средством и институтом обеспечения и поддержания динамической стабильности* глобальной системы отношений.

Идея *институционализации форм и методов разрешения конфликтов* в целях создания и развития транснациональных институтов и долговременных стабильности и развития социума не нова и не столь оригинальна, как это может показаться в приложении к проблемам ББВ. Такова существующая уже десятки веков судебная система. Вынесение определенных типов дел на рассмотрение судов сформировало сами суды, что с течением времени привело к появлению и развитию права, судебной и арбитражной систем (в том числе международных), институтов прокуратуры и защиты. Гражданские, уголовные, экономические конфликты не исчезли; но создание системы их решения сделало эти конфликты приемлемыми и почти безвредными для общества, стало фактором правовой, политической и социальной стабильности (при условии эффективной работы судебной системы).

Аналогична по ее макро- и историко-социальным функциям и система разделения властей в демократическом государстве. Суть ее не в разделении обязанностей законодателя, исполнителя и арбитра (такое функциональное разделение властей существует при любой диктатуре), но в поддержании постоянного *намеренного и регулируемого политической культурой* конфликта в их взаимоотношениях – конфликта, который замыкается в пространстве взаимоотношений трех ветвей власти и не захлестывает общества, а избавляет его от риска насильственных столкновений на почве неизбежной конфликтности. Тем самым и здесь достигается долговременный эффект стабильности (при возможности отдельных периодов дестабилизаций).

А. И. Шумилин

Особенности политической трансформации стран «Арабской весны»

Спустя два года эксперты продолжают осмыслять суть и последствия произошедшей в арабских странах политической трансформации, именуемой «Арабской весной» или «Арабским пробуждением». Сами события, равно как масштаб и глубина трансформации политической жизни в Египте, Тунисе, Ливии и Йемене, оказались неожиданными не только для России, но и для всех крупных держав, присутствующих в этом регионе. Вместе с тем, сегодня становится очевидно, что США и страны Евросоюза проявляют более высокий уровень адаптивности к изменению в регионе, чем Россия. Это можно объяснить следующими факторами: а) реалистичным (адекватным) восприятием происходящего (без мифологии); б) глубиной вовлеченности в экономические и военные сферы этих стран (финансово-экономической привязкой); в) гибкой идеологической конструкцией, лежащей в основе политических подходов западных государств («демократизация желательна и неизбежна»); г) наличием влиятельных союзников в регионе – таких как Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, обладающих потенциалом воздействия на исламистские сообщества.

Выделим первый из упомянутых факторов – реалистичное восприятие большей частью западных аналитиков происходившего, а именно – причин политических потрясений, основных движущих сил, содержания процессов, нацеленных на поиск вариантов стабилизации ситуации в новом политическом контексте. С их точки зрения, политическое содержание происходившего сводилось к протестам в основном среднего класса, образованных страт общества против системы авторитарного и диктаторского правления. В этом отношении, заметим, оценки западных аналитиков, равно как и подходы США и Евросоюза к проблеме, существенно различались с оценками, преобладавшими в российском истеблишменте: большая часть последнего склонялась к тому, что политические потрясения в арабских странах были вызваны целенаправленными усилиями («провокациями») США и Евросоюза в рамках так называемой «стратегии управляемого хаоса».

При том, что дискуссии в экспертном сообществе продолжаются, сегодня уже можно более доказательно говорить о природе массовых движений в указанных арабских странах, более точно и взвешенно применяя термины и формулировки, что принципиально важно в смысловом и политическом отношениях. На наш взгляд, определительный термин «революционный» можно применять к событиям «Арабской весны» в основном для характеристики масштабов политической трансформации общества, изменения политического ландшафта, связанного с выходом в легальное политическое поле ранее запрещенных исламистских организаций. Но он вряд ли уместен для характеристики процессов в социально-экономической сфере, равно как и в сфере внешнеполитической. Вряд ли оправданно называть радикальными («революционными») преобразования элитных групп: в том или ином виде, но представители прежних элит присутствуют сегодня в элитах обновленных, не говоря уже о бюрократическом аппарате и генералитете. Достаточно явственно проявился феномен расширения спектра участия политических сил при устранении прежних правящих кланов (семей) и при внедрении демократических (выборных) процедур. Пока эти процессы трудно назвать устойчивыми, но именно они являются

системообразующими во всех указанных странах. Поэтому, на наш взгляд, правомерно употребление термина «Арабская весна» как наиболее адекватно отражающего содержание массовых протестов, их *установку на демократизацию* всей общественно-политической жизни в этих странах, ликвидацию монополии одной правящей партии или группы кланов.

Заметим, что еще со времен событий в Праге 1968 года слово «весна» в политической контексте сопрягается со стремлением граждан к демократическим преобразованиям. Подчеркнем также, что не доминирование одной политической силы, а *коалиции различных сил* (в парламентах и правительствах) становятся важнейшей характеристикой процесса политической трансформации этих стран. Другая его характеристика – отход всех участников правящих коалиций от их идеологических позиций *в пользу прагматизма*. Это распространяется на все сферы деятельности правительств и обновленных элит (включая и умеренных исламистов). Но особенно ярко продемонстрировали прагматизм правительства Египта и Туниса в подходе к израильско-палестинскому вооруженному противостоянию в ноябре 2012 года: они ограничились выражением «исламской солидарности» с ХАМАС, приступив к посредническим усилиям в урегулировании с Израилем. Подобный прагматизм стал возможным и благодаря серьезному расколу в исламистском сообществе всех указанных стран на умеренных исламистов, готовых действовать в рамках демократических процедур, сохраняя функционал демократических институтов (по примеру турецких исламистов), и на радикалов, большая часть которых ушла в оппозицию к умеренным – либо вернувшись де-факто на полулегальное положение, либо участвуя в политической жизни, но с мало скрываемой целью положить конец демократии западного типа и ввести в стране режим «исламской республики». К радикальным исламистам несомненно следует причислять салафитов.

Если в Ливии после свержения режима Каддафи процесс строительства государственной и политической системы был по сути начат с нуля (создание партий, введение институтов выборов, формирование правительства большинством членов Всеобщего конгресса, создание свободных СМИ, выстраивание новой системы отношений между тремя основными регионами страны и т.д.), то в Египте, Тунисе и Йемене речь шла о наполнении новым содержанием уже существовавших институтов и процедур. Механизм политических преобразований в этих трех странах выглядит так: а) устранение правивших семейных кланов; б) допуск в легальное поле ранее запрещенных политических сил (в основном умеренных исламистов); в) установление прозрачных, недискриминационных избирательных процедур при усилении надзорно-арбитражных функций судов и избиркомов всех уровней, а также армейской верхушки (в Египте – Высшего армейского совета, ВАС); г) формальное устранение правительственной цензуры в сфере информации. При снижении накала гражданского противостояния в этих странах право на участие в политической жизни не только получили новые игроки, но сохранили его и большинство представителей прежних правящих элит (за исключением наиболее одиозных фигур павших режимов и при роспуске прежних правивших партий). В Египте и Тунисе сработал эффект «отсроченного гражданского общества» (в основном сформировавшегося при достаточно активном воздействии США и Евросоюза еще при режимах Мубарака и Бен Али, но ограничивавшегося последними). В Йемене в целом сохранена политическая

система с сильными трайбалистскими особенностями, сложившаяся при Абдалле Салехе.

Для сравнения заметим, что в этих трех странах не произошло «зачистки» элитных групп предыдущих режимов по сценарию исламской революции в Иране 1979 года, где полностью было искоренено присутствие шахских элитных групп во всех сферах жизни. Сегодня в большинстве случаев даже видные деятели прежнего режима возвращаются в политическую жизнь, но под знаменами новых партий. Яркий пример тому – Ахмед Шафик, бывший премьер-министром при Хосни Мубараке, с минимальным счетом уступил Мухаммеду Мурси на президентских выборах летом 2012 года. В Йемене президентом стал заместитель ушедшего Абдаллы Салеха. Иными словами, мы наблюдаем *процесс обновления правящих элит в Тунисе, Египте и Йемене* путем прорыва в них ранее находившихся в нелегальном (или полунелегальном) поле исламистских групп. Они, получив большинство на всеобщих выборах, пытаются утвердить свое лидирующее положение, сталкиваясь на этом пути с серьезными ограничителями в виде соперничающих политических партий и групп, армейской верхушки и гражданского общества. Общим поведенческим элементом оказавшихся в верхнем эшелоне власти умеренных исламистов является их стремление действовать осторожно, поступательно с тем, чтобы не провоцировать резкой реакции протеста со стороны общества и политических противников. Важно подчеркнуть также, что реальной (при упомянутых ограничениях) политической силой умеренные исламисты стали только в Тунисе и Египте, где они победили в ходе парламентских выборов. Эта победа, заметим, стала возможной при опоре исламистов на численно преобладающий электорат в провинциях (по сравнению с крупными городами), на отсталые и малообразованные слои населения. Именно в этой среде успешно срабатывали методы политической демагогии и популизма, равно как и эксплуатация образа исламистов как «главных страдальцев» от жестокостей режимов Мубарака и Бен Али.

В Ливии и Йемене исламисты не добились такой победы, но некоторые их представители входят в состав правящих органов на условиях коалиционных соглашений. На наш взгляд, практическое отсутствие исламистов в высших эшелонах власти Ливии и Йемена во многом объясняется традиционным доминированием трайбалистских структур в сознании людей и политической жизни. Это первое обстоятельство. Второе относится в основном к Ливии, где сказывается относительно высокий уровень образованности населения (по сравнению с другими упомянутыми арабскими странами), склонность молодого поколения отделять религию (ислам) от политики, на что отчасти сработал и остаточный эффект навязывавшейся Каддафи доктрины «особого пути», отвергавшей капитализм западного образца, социализм-коммунизм советского образца и исламизм (полное доминирование религиозных догм) саудовского образца. Нельзя отрицать в случае с Ливией и определенного влияния на городское население культуры и традиций по сути соседней (через море) Европы.

Наибольшего успеха добились умеренные исламисты **в Египте**, «взяв» одновременно большинство в парламенте и президентский пост. Однако говорить об их полном доминировании в политической жизни страны не приходится, несмотря на попытки президента Мурси устранить ограничители для его власти. Напомним, что в середине июня 2012 года парламент с преобладавшими в нем умеренными исламистами был распущен руководством ВАС. После победы в июле на

президентских выборах самого Мурси установился временный баланс между ним (исламистами) и ВАС (генералами), а уже в августе Мурси осуществил перестановку в армейском руководстве, чем усилил собственные позиции во власти. Влияние ВАС несколько сократилось, но автономия генералитета и армии как властной структуры сохраняется. Эти действия Мурси, как и его маневры в конце 2012 года с целью навязать обществу во многом исламистский вариант конституции, вызвали новый взрыв протестов в городах («Тахрир-2»). В результате Мурси был вынужден отступить. В июне же 2013 года Высший суд отменил ряд процедур утверждения новой конституции, в результате чего основной закон оказался в подвешенном состоянии.

Высшие посты в «поствесеннем» **Тунисе** распределены по результатам коалиционного соглашения партий, победивших на выборах в Учредительное собрание в октябре 2011 года. Главой Тунисской республики стал *Монсеф Марзуки*, правозащитник, либерал европейского типа, председатель светской партии «Конгресс за республику». Премьер-министр – *Хамади Джебали*, один из лидеров умеренно-исламистской партии Ан-Нахда. Спикер парламента – *Мустафа Бен Джафар*, лидер светской, демократической партии Ат-Такатуль.

Сегодня процесс политической трансформации в самом разгаре в этой стране. Он характеризуется формированием новых элитных групп, адаптацией старых элит к новым условиям, установлением нового баланса политических сил, кристаллизацией внутреннего конфликта между исламистами и светско-демократическим лагерем. Важными игроками в новых условиях остаются и представители прежних политических элит, тесно связанные с бывшей системой. Это прежде всего партийные функционеры, чиновники высшего и среднего звеньев, силовики, бизнесмены, создавшие свои компании при покровительстве режима Бен Али. Свои посты сохранили многие руководители среднего и высшего звена в министерствах, других госучреждениях национального и регионального уровней.

Показательно также, что некоторые бывшие высокопоставленные чиновники пытаются вернуть прежние позиции и привилегии через участие в политической жизни: они сменили прежнюю риторику на демократическую и создают собственные политические партии, дабы вписаться в новую политическую систему. Так, например, Камель Морджан, занимавший при Бен Али посты министра обороны и министра иностранных дел, создал партию «Аль-Мубадара» («Инициатива»), которая объединяет членов распущенной в марте 2011 г. ДКО (Демократическое конституционное объединение – Ред.), выступающих ныне под демократическими лозунгами. Партии даже удалось завоевать 5 мест (из 217) на выборах в Учредительное собрание. Аль-Баджи Каид ас-Себси (бывший член ДКО, временно возглавлявший тунисское правительство после бегства Бен Али) при новой власти также основал партию «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»). Партия ас-Себси, получившая два места в Учредительном собрании, позиционирует себя как центристскую с либеральным уклоном, заявляя о противостоянии «Ан-Нахде». Это стало возможно из-за отсутствия закона о люстрации. Таким образом, уход Бен Али не привел к естественному разрушению коррупционной системы и патронажно-клиентских связей, на которых во многом основывался его режим: политико-экономическая элита в основном осталась либо у власти, либо ушла в тень, либо сменила идеологию и стала выступать за демократию и плюрализм.

Новым властям **Ливии**, похоже, удалось избежать самых драматичных сценариев: страна сохранила свою территориальную целостность, преодолела угрозу масштабных межплеменных столкновений. Несмотря на сохраняющуюся нестабильность в отдельных районах и вылазки вооруженных групп (отдельные серьезные столкновения произошли в октябре 2012 года между племенами Мисрата и Бени Валид), в целом эксперты оценивают как относительно «мягко протекающий» переходный период после свержения режима Муаммара Каддафи. Во многом это объясняется договороспособностью лидеров основных партий и альянсов, победивших на всеобщих парламентских выборах в июле 2012 года (парламент - Всенародный национальный конгресс, ВНС). Главные из этих альянсов два: светский, либеральный «Союз национальных сил» во главе с *Махмудом Джибрилем* (39 мандатов по партийным спискам); и умеренные исламисты из «Партии справедливости и строительства» (их часто называют, как и в Египте, политическим крылом движения «Братья-мусульмане»), имеющие 17 мандатов. Примечательно, что на выборах потерпели поражение радикал-исламисты во главе с Абдельхакимом Бельхаджем (партия «Хизб аль-Ватан», созданная, по имеющейся информации, на катарские деньги). Всего в составе парламента – 200 депутатов, 120 из которых представляют в качестве независимых по сути различные кланово-племенные группы.

Председатель парламента и де-факто глава государства – *Мухаммед аль-Магариф* на протяжении трех десятилетий, находясь в эмиграции, боролся с режимом Каддафи. Будучи лидером Партии национального фронта (создана в мае 2012 года), он сам позиционирует себя как либерал европейского типа (по оценкам экспертов, Магариф представляет крайне либеральное крыло парламента). Важно подчеркнуть, что присутствие в основных государственных ведомствах высокопоставленных чиновников времен Каддафи вызывает растущее негодование и противодействие части группировок, активно боровшихся с режимом «полковника». В последнее время они наращивают давление на органы власти, требуя провести люстрацию и устранить чиновников времен Каддафи. С этой целью они блокировали работу некоторые органы, включая МИД и МВД. Власти, похоже, проявляют готовность удовлетворить часть требований этих антикаддафистских группировок, настаивая при этом на их полной интеграции в формирующиеся силовые структуры Ливии.

Йемен – особый случай в ряду рассматриваемых арабских стран: сочетание таких факторов, как экономическая разруха, угроза территориальной дезинтеграции и превращения в опорную базу «Аль-Каиды», обусловили повышенное внимание к судьбе Йемена со стороны соседних арабских монархий, а также и Соединенных Штатов. Важно подчеркнуть, что *решение о механизме и содержании политической трансформации там было выработано и продиктовано йеменским элитам извне* (Саудовской Аравией, монархиями Залива и Соединенными Штатами). Этот механизм был принят противоборствующими сторонами в самом Йемене. В результате Абдалла Салех (северянин) покинул президентский пост, а его место занял его же заместитель Абед Раббо Мансур Хеди (южанин, из провинции Абьян). В конце февраля 2012 года в результате прошедших выборов Хеди получил новую и вполне убедительную легитимность в общенациональном масштабе.

Обретя полноту прав, новый президент провел реструктуризацию правительства, армейской верхушки и части губернаторского корпуса в провинциях. Пытаясь

установить межплеменной и политический баланс на свой манер, Хеди уволил и некоторых «лоялистов Салеха», что привело к волне беспорядков. В результате некоторые кадровые решения ему пришлось пересмотреть, но все равно президенту удалось обновить свою опорную базу, назначив на важные посты (особенно в системе государственной безопасности и разведки) выходцев из его родной провинции Абьян.

В новом раскладе сил особое значение приобретает фигура главы правительства: им остается назначенный еще Салехом лидер светской оппозиции Мохаммед Басиндва (также выходец из южных провинций Йемена). Этот политик был членом правящей партии до начала 2000-х годов, министром иностранных дел Йемена в 1993-1994 годы. В середине нулевых годов он объявил себя оппонентом президента Салеха, позиционируясь в качестве независимого политика. Басиндва считается одним из инициаторов протестного движения в начале 2011 года. Сегодня он руководит *коалиционным правительством с участием шести партий*, ранее сформировавших оппозиционную коалицию «Лика муштарака». В ней преобладают две силы – партия умеренных исламистов «Ислах» («Йеменское движение за реформы») и Йеменская социалистическая партия, в основном представляющая южные провинции страны. Особенность наиболее влиятельной партии «Ислах» в том, что в ее составе несколько достаточно противоречивых группировок: сторонники умеренных «Братьев-мусульман», сторонники салафитов и ряд племенных групп. В марте 2012 года в стране была создана первая самостоятельная салафитская партия («Партия верного пути»), которая, однако, пока не признана всеми разрозненными салафитскими группами в стране. По всей видимости, в этой партии объединились наиболее радикально настроенные активисты салафитского движения. Одной из отличительных особенностей этой партии можно считать призыв к диалогу, а, следовательно, и к примирению с «Аль-Каидой», что создает напряженность в ее отношениях с центральным правительством и партиями, входящими с правительством. Этих радикал-салафитов можно считать главным оппонентом правительства и наибольшей угрозой умеренному вектору политического развития страны.

Таким образом, несмотря на усиление позиций и влияния исламистских группировок, к властным структурам и легальным выборным процедурам доступ получили только умеренные исламисты («Ислах»), противовесом которым становятся активно организующиеся и связанные с «Аль-Каидой» радикал-салафитские группы (часть относительно умеренных салафитов входят в партию «Ислах»).

Как видно из вышеприведенного материала, выстраивание системы политических сдержек и противовесов при одновременном налаживании избирательных процедур стало действенным способом снижения уровня политической напряженности в странах «Арабской весны». В результате выборных процессов на данном этапе заметно преобладают партии умеренно исламистского толка, которые, однако, не получают мандат избирателей на единовластное правление, а вынуждены идти на коалиции с другими партиями, включая и светские, либеральные. Легитимность новых правящих структур в этих странах на данном этапе практически не подвергается сомнению как политической оппозицией, так и со стороны США и Евросоюза. Причина достаточно понятна: система сдержек и противовесов пока работает – попытки лидеров некоторых ветвей власти (например, президента Мурси в Египте) незаконно расширить свои полномочия наталкиваются на противодействие

других ветвей власти и уличные протесты в городах. Для всех упомянутых внутренних и внешних акторов важно выстраивание и укрепление новой системы на демократических началах. Именно эта система и выборные процедуры могут стать залогом легитимного обновления элит в будущем.

Г. Г. Косач

«Арабская весна»: между демократическими преобразованиями и исламом в политике

События «Арабской весны» (вне зависимости от вызвавших их причин, состава участников развивавшихся внутренних конфликтов либо их итогов) стали трансграничным феноменом, оказав многогранное воздействие на весь регион арабского мира. Последствия этих событий – внутреннее брожение, порой открытое, а порой подспудное (но, в любом случае, имеющее тенденцию к обретению оттенка насилия), противостояние оппозиции и власти, как и (сирийский случай) кровавая гражданская война с возможностью внешней интервенции, есть сегодня реальность региона, еще более подчеркнуто выражающего свое качество, если использовать слова национального исследователя, «политически зыбкого и текучего геополитического пространства».

Однако сама «зыбкость» и «текучесть» этого пространства определялась тем, что политические изменения «Арабской весны» были, вне всякого сомнения, революциями. Это определение не кажется преувеличением, даже если иметь в виду, что их участники (как в недалеком прошлом, так и ныне) лишь в разной мере прибегали к насилию (его уровень в Тунисе и Йемене был значительно ниже, чем в Египте и, тем более, в Ливии, достигнув своей высшей точки в Сирии). Инициаторы этих революций (но в равной мере и те, кто приходил им на смену) не предложили какие-либо значимые проекты общественного переустройства, требуя не столько «свободы», сколько «освобождения от гнета тирана». Эти революции ни в коей мере не привели к слому или упразднению существующих структур и институтов управления. Сохранение низших и средних эшелонов власти – это не только следствие, казалось бы, мощного внешнего давления или открытого вмешательства тех или иных стран региона или существующих в нем организаций (политического в ситуации Йемена, военного в случае Ливии), но и реальность Туниса, ни в коей мере не испытавшего этого вмешательства.

События 2011-2012 гг. стали революциями в силу нескольких принципиальных обстоятельств. Они в беспрецедентной мере (и, по сути дела, внезапно) расширили (информационно, социально и институционально) политическое пространство не только тех стран, где они произошли, но и всех государств, составляющих арабский геополитический регион. Более того, вызвав к жизни процессы политической и социальной трансформации (хотя степень этого процесса и кажется различной не только в отношении, собственно, стран «Арабской весны», но, что естественно, и иных государств арабского мира), эти события придали истинный смысл тому, что по-арабски звучит как *карама* – человеческому достоинству миллионов людей.

Революционные события в арабском мире создали новую региональную реальность, которая, вместе с тем, проходит через этап серьезных трансформаций. Эта реальность выражает себя в появлении новых политических режимов, становлении или усилении новых движений и партийных структур и изменении регионального соотношения сил; идентичность арабского геополитического пространства меняется, как, впрочем, подвергается трансформации внешняя политика составляющих это пространство государств, а также природа существующих в его пределах союзов. Быть

может, наиболее существенной причиной этих изменений выступает выход на авансцену арабской политики и рост влияния тех политических сил, которые апеллируют (вне зависимости от исходных мотивов этой апелляции) к исламской доктрине.

«Арабская весна» вызвала к жизни социальную цепную реакцию. Суть этой реакции состояла в том, что те, кто инициировал революционные изменения – *шабаб*, «молодежь», ввели в политический процесс огромные человеческие массы, оказавшись в стороне от дальнейшего развития событий. Такое развитие событий привело к естественному итогу – вхождение этих масс в политику неизбежно привнесло в нее представления, связанные с иным, чем у открывших им этот путь молодых и образованных людей (семантически *шабаб* – не только возрастная группа, но, что, не менее важно, сообщество, определяющее себя в качестве выброшенного из активной общественной жизни) мышлением, как и иным образом жизни. Это мышление и этот образ жизни в огромной мере определяются исламской доктриной. Выдвинутый этой «молодежью» на «романтическом этапе» (если использовать выражение отечественных исследователей процесса «Арабской весны») революции аморфный лозунг «освобождения от гнета тирана» сменился призывом к «справедливости», который был почерпнут из исламской доктрины и предложен религиозными активистами, ни в коей мере не подвергнувшись сколько-либо существенной детализации ради его превращения в основу для перестройки жизни современного общества.

Однако разве этот призыв не соответствует ценностям глобального мира? Но поскольку в арабском мире ислам всегда рассматривался – что относилось и к ведущим деятелям политических партий и движений прошлого и настоящего, которые очень часто были христианами (*баасизм* тому яркий, но не единственный пример) – в качестве элемента национальной идентичности, постольку этот вопрос можно поставить и в более широком аспекте. Не является ли обращение к идее «исламской справедливости» попыткой найти в религиозной доктрине, соответствие реалиям современности, либо интерпретировать ее представления в духе потребностей современного мира? Этот вопрос не столько естественен, но и оправдан и необходим, – ответ на него более важен, чем концентрация на судьбе деятелей раннего этапа «Арабской весны», поскольку лишь так можно выйти из порочного круга сожалений о неудачной судьбе поколения или политического течения, породившего «арабскую весну».

Однако этот вопрос связан с теми, кто выступает в качестве носителей идеи «исламской справедливости». Исламский пейзаж многообразен (многообразны и отношения между составляющими его элементами) и неоднороден, включая в него тех, кого обычно квалифицируют в качестве течений политического ислама, салафитов, группировки джихадистов и, наконец (оказавшиеся в стороне от развивавшегося политического процесса), суфийские тарикаты. Но, кроме того, ислам, как и любая доктрина, ставшая орудием политики, инструментален. Слова его сторонников о том, что «ислам – это решение», что, собственно, и предполагает строительство основанного на шариате государства, стали реальностью, в том числе, и потому, что иные (предлагавшиеся раньше) варианты национального возрождения (вне зависимости от того, шла ли речь о национализме с его большим или меньшим социальным компонентом либо о политическом и хозяйственном либерализме) потерпели крах в

процессе своего претворения в жизнь. Приход исламской доктрины в политику – всего лишь новая попытка найти решение не решавшихся или откладывавшихся задач вписывания в современный мир, сколько бы последователи этой доктрины ни говорили о «цивилизационной самобытности» того геополитического пространства, в котором они сегодня действуют.

Так или иначе, но ныне политический ислам – это движение «Братья-мусульмане» (египетское течение, появившееся в конце 1920-х гг., и его «страновые» отделения, с течением времени обретшие характер «национальных» политических структур – Партия свободы и справедливости в Египте, Фронт исламского действия в Иордании, Ан-Нахда в Тунисе, палестинский ХАМАС, Партия справедливости и развития в Марокко, движение Ислах в Йемене, движение «Братья-мусульмане» в Сирии). Это – новая сила государств «арабских революций» и арабского мира, в целом, в силу того, что его представители перешли от этапа политической оппозиции (или существования в условиях подполья) к этапу политической власти, что уже очевидно для Египта, Туниса и Марокко, хотя эта перспектива еще недостаточно четка в случае Йемена, Сирии (жестокость подавления этой организации, осуществленного в 1982 г. президентом Хафезом Асадом, так и не сделала ее активным участником нынешнего оппозиционного движения) и Ливии. Впрочем, возможность сохранения власти марокканской Партией справедливости и развития в немалой степени зависит от позиции монарха. Выборы же в Учредительное собрание Туниса продемонстрировали хрупкое равновесие между Ан-Нахдой и ее претендующими на «светскость» соперниками, а деятельность египетского президента Мухаммеда Мурси и законность принимаемых им законодательных актов продолжает оспариваться поборниками сопротивления процессу *ихванизации*.

Тем не менее, вне зависимости от ситуации в той или иной стране, партии и движения политического ислама наиболее значимы и влиятельны, опираясь на значительность своего влияния в обществе, определяемую годами преследований и репрессий, благотворительностью и доступной для широких групп социума религиозно-политической риторикой. На фоне этих партий все светские, националистические и левые партии кажутся незначительными (проведенный 15 декабря 2012 г. в Египте референдум по новой конституции продемонстрировал, что сторонники постреволюционной оппозиции смогли добиться успеха только в Каире, потерпев поражение не только в провинции, но и во втором крупнейшем городе – Александрии).

Январские выборы 2012 г. в Народный совет египетского парламента (а в дальнейшем и в его верхнюю палату – Консультативный совет) продемонстрировали несомненный успех салафитов (представленных партиями Ан-Нур, Аль-Исаля и Партией созидание и развитие), ставших второй (после Партии свободы и справедливости) политической силой страны. Однако наиболее принципиальным аспектом опыта египетского салафизма стала его быстрая и коренная трансформация, определявшаяся не религиозными рассуждениями и спекуляциями, а прагматизмом, когда это исламистское течение вступило в политическую игру, отбросив прежние представления о недопустимости участия в парламентских выборах и создания представляющих его партийных структур. Египетская ситуация показала, что по идентичному пути идут (или могут пойти) салафиты Йемена, Туниса, Иордании и

Марокко. Это может означать, в частности, что в разрозненном салафитском движении различных стран региона будет все более проявлять себя активистское направление, сочетающее обращение к наследию «благородных предков», с одной стороны, и устремленность к политической и институциональной деятельности, с другой.

Джихадистские группировки арабского мира (в равной мере призывающие вернуться к наследию «благородных предков»), в той или иной мере апеллирующие к авторитету Аль-Каиды, не кажутся сплоченным полюсом сегодняшнего политического действия. Эти группировки действуют в Иордании, Ираке, Палестине, Марокко, Йемене и Ливане (организационно это – Организация Аль-Каиды в Ираке, Организация Аль-Каиды на Аравийском полуострове и Организация Аль-Каиды в Магрибе), как и в Сирии (*Джебха ан-нахра*), где они успешно противостоят местному отделению «Братьев-мусульман». Продолжая курс на вооруженное противостояние местным режимам и Соединенным Штатам, джихадистские группировки поставили себя вне логики революционного развития, ограничиваясь стремлением углубить конфронтацию между исламистами и «светскими» участниками политического процесса и призывая к немедленному созданию построенных на шариате государств и полному отказу от демократической игры. Эта ситуация показала главное – резкое сужение влияния этих идей в обществе, когда некоторые последователи вооруженного джихада (в частности, в Иордании и Марокко) начинают склоняться к использованию мирных, а не вооруженных методов борьбы.

Однако нынешние успехи партий политического ислама, а также салафитов (скорее, соперничающих друг с другом, чем выступающих единым «исламистским» фронтом) отнюдь не являются доказательством их окончательной победы. Действующие в тех или иных странах структуры «Братьев-мусульман» (что в равной мере относится и к салафитским организациям) далеки от внутреннего единства, представляя собой все многообразие старых и новых точек зрения на политический процесс; в их рядах представлены, в частности, улемы-традиционалисты и молодые активисты (которые, как и в случае с инициаторами протестных выступлений, называют себя *шабаб*). Создание египетской Партии свободы и справедливости явилось итогом длительного опыта, накопленного этими активистами в годы их предшествовавшей парламентской деятельности, в которую они вступали либо по спискам других политических сил, либо в качестве «независимых». Казалось бы, этот опыт доказывает, что она приняла правила демократической игры, что, тем не менее, сможет стать действительно подтвержденным только в условиях электорального поражения, но не победы.

Разумеется, Партии свободы и справедливости, как, в частности, и тунисская Ан-Нахда, демонстрирует высокую степень политического реализма и гибкости. Но в Египте (стране, опыт которой всегда был существенным для других государств региона) уже возникают признаки того, что можно было бы назвать «этапом после “Братьев-мусульман”», когда появляются более умеренные исламские группировки – партия Васат, отколовшиеся от Партии свободы и справедливости молодежные объединения, роль и значение которых будут возрастать по мере того, как правящая партия будет сталкиваться с многообразными экономическими, социальными и политическими проблемами. В свою очередь салафиты пока еще не кажутся в полной мере принявшими демократическую игру, и их будущее будет, скорее, связано с их

отношениями с Братьями-мусульманами, с тем, станут ли они их союзниками или конкурентами.

Все же, активная (и выглядящая как реально действующая в течение длительного времени) роль исламских политических партий и движений во все еще продолжающем испытывать воздействие революционных изменений арабском мире способна внести и вносит существенные перемены в будущую эволюцию регионального пространства. Став в большей степени, чем раньше, частью системы региональных международных отношений, исламские политические силы не только ставят вопрос о соотношении религии и государства (меняя внутренний политический, а также этноконфессиональный, пейзаж своих стран), но и стремятся расширить сферу своего влияния в пределах всего региона.

Эти силы смогут содействовать «исламизации» арабо-израильской конфронтации. Вероятным итогом их деятельности способно стать формирование религиозного регионального проекта (на основе деятельности религиозных институций и «независимых» законоучителей) в противовес арабскому национальному проекту. Это обстоятельство, в свою очередь, уже сегодня (в свете, в частности, событий в Сирии и участия в них движения Хизбалла) ставит вопрос о росте противопоставления суннитской (рассматриваемой в качестве арабской национальной матрицы) версии ислама и иранского шиизма. При этом действия Ирана в его качестве одного из внешних игроков на поле арабского мира превращает суннитско-шиитские противоречия (определяемые устремленностью шиитских меньшинств к повышению собственной роли в сфере местной политики) в способные в обозримом будущем к еще большей эскалации. Наконец, революции «Арабской весны» реанимировали (но уже на принципиально иной основе) существовавшую еще в эпоху Гамаль Абдель Насера конкуренцию между ведущими блоками арабского мира – республиками («новыми», стремящимися строить себя, в большей мере используя возможности религиозной доктрины) и монархиями, отталкивающимися от интересов, определяемых стратегическими соображениями сохранения регионального статус-кво.

Это означает, в частности, что система региональных отношений в еще меньшей мере, чем ранее, будет централизованной. Она будет вырастать на основе конфликтного взаимодействия многих «центров силы» (включая и негосударственных игроков, в ряду которых исламские организации сохраняют роль важных очагов притяжения) и не содержать какого-либо значимого и организующего эту систему ведущего звена. Для немалого числа арабских политологов эта проблема сводится сегодня к утверждению о том, что будущая арабская система международных связей окажется построенной едва ли не исключительно на принципе недопущения межгосударственных столкновений или мирного сосуществования, способного приобрести оттенок «холодной войны».

Существует, вместе с тем, и иной аспект «политической зыбкости и текучести» арабского геополитического пространства, лишь подчеркнутый революциями «Арабской весны». Он состоит в том, что эти революции поставили вопрос о том, насколько возможно в дальнейшем существование централизованных государств, во многом обнажив проблемы, связанные с историческими условиями их формирования, определявшимися не обстоятельствами внутреннего развития, а едва ли не исключительно мощным европейским вызовом. Всегда существовавшие в этих

государствах линии разломов регионалистского, этнического, религиозного и конфессионального характера (как и сохранение в социальной структуре местных обществ, порой, значительных элементов трайбализма и влияния семейно-клановых групп, что относится не только, в частности, к Йемену, но и выступает в качестве элемента политики, например, в Египте) выдвигают сегодня вперед проблему их трансформации в федерации или конфедерации, в многоэтничные и многоконфессиональные политические образования.

В этой связи встает дополнительный вопрос: а насколько способны местные элиты, представляющие интересы регионов, этносов или конфессиональных групп, к достижению взаимопонимания, направленного на реализацию такой трансформации, исключающей распад ныне существующих государств? Если сегодня ответ на этот вопрос выглядит открытым, то, тем не менее, ислам остается кажущимся едва ли не наиболее адекватным фактором сохранения этими государствами своего территориального единства. Но и это обстоятельство способно вызвать возражения: а способны ли политические носители этой доктрины достичь не только внутрипартийного консенсуса, но и объединить усилия всех соперничающих друг с другом исламских партий и движений, реализуя общенациональные цели развития? Скорее всего, и в отношении этой перспективы стоило бы высказать сомнение.

Е. С. Мелкумян

Деятельность Лиги арабских государств и Совета сотрудничества арабских государств Залива в контексте «Арабской весны»

Региональные организации, действующие на арабском геополитическом пространстве – Лига арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), оказали и продолжают оказывать огромное влияние на пути и методы разрешения кризисных ситуаций, возникших в арабских странах в результате массовых антиправительственных выступлений, получивших название «Арабская весна».

Эти организации различаются по времени возникновения (ЛАГ существует с 1945 г., ССАГЗ с 1981 г.), по своему составу (ЛАГ объединяет 22 арабских государств, шесть из которых являются членами Совета сотрудничества), целям и другим параметрам. ЛАГ, вне всякого сомнения, обладает большим весом на международной арене, так как действует от лица всех арабских государств. В то же время ССАГЗ является более консолидированной организацией с ограниченной сферой деятельности – регионом Персидского залива.

После падения правящих режимов в Тунисе и (что более существенно для арабского региона) в Египте произошли изменения регионального баланса сил. Саудовская Аравия, опираясь на своих партнеров по Совету сотрудничества, стала ключевым игроком на арабском геополитическом пространстве в условиях, когда ведущие государства арабского региона были заняты своими внутривосточными проблемами. Египет, Ливия, Сирия, Иордания - из-за событий «Арабской весны»; Ирак, не восстановивший свою региональную роль после военной операции 2003 г.; Ливан и Алжир, ослабленные длительной гражданской войной. Одним из проявлений этой роли стало то, что Саудовская Аравия и другие члены ССАГЗ способствовали реанимации деятельности ЛАГ и активизации ее роли в разрешении конфликтных ситуаций в арабских странах, охваченных революционным подъемом. В этой связи определение позиций и конкретные направления саудовской (как и ее партнеров по ССАГЗ) деятельности отрабатывались по следующей схеме: на первом этапе обсуждение происходило в рамках Совета сотрудничества, а затем решение, принятое на заседании ЛАГ, оформлялось как официальная позиция арабских государств, что, несомненно, оказывало воздействие на его рассмотрение на международном уровне.

Анализ конкретных ситуаций подтверждает эффективность взаимодействия ССАГЗ и ЛАГ. Так, инициатива по разрешению конфликта в Йемене между президентом и оппозицией была выдвинута Советом сотрудничества, заинтересованным в предотвращении перерастания конфликта в гражданскую войну. Йемен – сосед ССАГЗ, и нарушение его внутривосточной стабильности могло иметь самые негативные последствия для членов Совета сотрудничества. Кроме того, летом 2010 г. Йемен стал источником прямой угрозы для безопасности саудовского королевства, когда зона саудовско-йеменской границы стала театром противостояния с зейдитской сектой хуситов. Вооруженные боевики этой секты, близкой по своим воззрениям к шиитам, проникали на саудовскую территорию. Их действия были поддержаны Ираном. Саудовская Аравия провела успешную военную операцию по вытеснению хуситов из страны.

Йемен, кроме того, участвует в работе некоторых комитетов ССАГЗ, рассчитывая в будущем стать полноправным членом этой организации.

10 апреля 2011 г. в Эр-Рияде состоялось чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств-членов ССАГЗ, на котором была принята «инициатива стран Залива по Йемену». Она содержала предложение президенту Абдалле Салеху уйти в отставку в течение 30 дней после формирования временного правительства во главе с представителями оппозиции, которая, в свою очередь, должна была прекратить все акции протеста. Свои полномочия президент Салех должен был передать вице-президенту до выборов нового президента, при том что ему самому и его семейству гарантировался иммунитет от судебных преследований. Инициатива была поддержана ЛАГ, что облегчило процесс ее претворения в жизнь, хотя для этого потребовалось приложить немало усилий. Этому способствовало и развитие событий в Йемене.

Йеменская оппозиция не была согласна с некоторыми пунктами предложенного Советом сотрудничества плана и продолжила вооруженную борьбу. 3 июня 2011 г. в Сане было совершено нападение на мечеть, расположенную в президентском дворце. Президент получил ранение и отправился на лечение в Саудовскую Аравию. После того как на президента Салеха было оказано давление со стороны Саудовской Аравии и других членов Совета сотрудничества, он согласился покинуть свой пост. В результате ситуация в Йемене была разрешена по сценарию, предложенному ССАГЗ.

Члены ССАГЗ, были также активными участниками разрешения ситуации в Ливии. С первых дней противостояния между властью и оппозиционными силами они жестко критиковали ливийский режим за неправомерное применение силы против мирных граждан.

11 марта 2011 г. ССАГЗ провел экстренное совещание министров иностранных дел стран-участниц, на котором они единодушно выразили свою позицию по Ливии, заявив о нелегитимности режима М. Каддафи и призвав международное сообщество вмешаться для спасения жизней ливийских граждан, против которых правительство использовало авиацию и тяжелые вооружения. 17 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973, объявившую воздушное пространство Ливии бесполетной зоной. Выполнение этого решения взяла на себя НАТО при участии монархий Персидского залива – Катара и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). Прямое военное участие двух государств-членов ССАГЗ в военной операции по свержению режима Каддафи осуществлялось, конечно же, по согласованию с членами этого регионального объединения.

Позиция государств ССАГЗ стала определяющей для ЛАГ, которая только в конце августа 2011 г. смогла выработать совместное решение, связанное с развитием внутривосточной ситуации. 27 августа состоялась чрезвычайная сессия Лиги, на которой была принята резолюция, одобрявшая военное вмешательство в Ливии. А в начале сентября 2011 г. по инициативе арабских стран, в первую очередь государств-членов ССАГЗ, Генассамблея ООН поддержала предложение о предоставлении Переходному национальному совету (ПНС) права представлять страну в ООН.

Сирийский конфликт был в центре внимания всего арабского сообщества, поэтому региональные организации арабских стран обсуждали его на своих совещаниях различного уровня, пытаясь содействовать его разрешению. 12 февраля 2012 г. Совет ЛАГ принял документ, касающийся ситуации в Сирии. Члены ССАГЗ

оказали определяющее влияние на принятые решения. Они касались мирного разрешения сирийского кризиса, проведения политических реформ и сохранения единства страны. Одновременно документ ЛАГ предусматривал введение мер экономического бойкота и прекращение торговых операций с сирийским режимом, за исключением тех, которые прямо касаются сирийских граждан.

Вся ответственность за продолжающееся в стране кровопролитие возлагалась исключительно на правительство Башара Асада. Министры иностранных дел стран-участниц ЛАГ подтвердили приостановку всех форм дипломатического взаимодействия с представителями сирийского режима во всех государствах, а также в международных организациях и форумах, призвав все страны, заинтересованные в недопущении жертв сирийского народа, поддержать меры, предпринимаемые членами Лиги. Кроме того, в документе ЛАГ было подчеркнуто, что масштабное использование насилия в отношении сирийских гражданских лиц, включая женщин и детей, должно рассматриваться международным уголовным правом и требует наказания тех, кто совершает это насилие.

Акцент в позиции лидеров арабских государств, прежде всего, членов ССАГЗ, был сделан на нарушениях прав человека в Сирии и обвинениях в адрес правящего режима, который дискредитировал себя противоправными действиями против своих граждан.

Совет ЛАГ на уровне министров иностранных дел 22 января 2012 г. заявил о «прекращении миссии наблюдателей Лиги арабских стран, действовавшей с конца декабря 2011 г. на основе протокола, подписанного Генеральным секретариатом Лиги и сирийским правительством. Совет ЛАГ обратился к Совету Безопасности ООН, заявляя о необходимости создания миротворческих сил в составе арабских и иных государств для наблюдения за прекращением огня. Документ ЛАГ предусматривал открытие каналов связи с сирийской оппозицией и предоставление ей всех форм политической и материальной помощи.

На заседании Совета ЛАГ выступил министр иностранных дел Саудовского Королевства Сауд Аль-Фейсал. Он напомнил о занятой саудовским монархом в конце 2011 г. позиции в отношении внутрисирийской ситуации. Тогда король Абдалла говорил о том, что от действий сирийского руководства зависит, пойдет ли Сирия «по пути разума или погрузится в пучину анархии». С. Аль-Фейсал заявил, что это руководство «выбрало второй путь – убийство народа и разрушение страны ради сохранения своей власти». Все, что происходит в Сирии, продолжал он, «не заставляет сомневаться в том, что происходящее там является не этнической, конфессиональной или партизанской войной, а целенаправленным коллективным наказанием сирийского народа, навязыванием власти этому народу, далеким от какого-либо оправдания с гуманитарной, этической или религиозной точки зрения». Саудовская Аравия провозгласила свое право действовать самостоятельно. Она открыто заявила о том, что будет поставлять оружие сирийской оппозиции. Эту же позицию занял и Катар.

Все арабские государства высказывались против иностранного вмешательства в процесс разрешения сирийского кризиса и считали, что только сами сирийцы могут решить свою судьбу. Они призывали сирийский режим к взаимопониманию. Как отмечал премьер-министр и министр иностранных дел Катара шейх Хамад Аль-Джасем Аль Тани «сирийская власть должна начать проводить мирную политику». Он также

подчеркивал, что «сирийская власть должна уважать волю народа и считаться с меньшинствами – религиозными или этническими». Он повторил требования арабских государств к сирийскому режиму: «прекращение огня, освобождение всех политических заключенных, свободный доступ в Сирию представителей средств массовой информации, как арабских, так и иностранных, и мирная передача власти».

Позиция ЛАГ постепенно эволюционировала, становясь непримиримой по отношению к режиму Б. Асада. В конце марта 2013 г. в Дохе прошел очередной саммит ЛАГ, принявший декларацию, в которой нашли отражение позиции стран-членов этой организации по сирийской проблеме. Лига окончательно отказалась от контактов с режимом Б. Асада, передав представительство Сирии Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОР) и рассматривая его «в качестве единственного законного представителя сирийского народа до того момента, пока не будут проведены выборы, по результатам которых будет сформировано правительство, которое возьмет на себя всю полноту власти».

На решения, принятые ЛАГ по ситуации в Сирии, оказала влияние речь короля Саудовской Аравии Абдаллы бен Абдель Азиза, которая была зачитана принцем Сальманом бен Абдель Азизом – наследником престола, заместителем премьер-министра и министром обороны. В своей речи саудовский король подверг резкой критике действия правящего сирийского режима, повинного в том, что «все арабские и международные инициативы потерпели провал». Король Саудовской Аравии подчеркнул, что «кризис в Сирии все обостряется по мере того, как правящий режим усиливает свои действия по уничтожению своего народа и разрушению своей страны». Он в тоже время отметил и негативные последствия, оказываемые кризисом в Сирии на стабильность и безопасность в регионе.

В заключительном коммюнике саммита было выражено резкое осуждение эскалации военных действий против сирийского народа, осуществляемое правительственными войсками. Главы арабских государств-членов ЛАГ призвали правящий сирийский режим прекратить кровопролитие и массовые убийства гражданских лиц в Сирии. Они единодушно поддержали сохранение единства сирийской территории.

Саммит в Дохе поддержал разрешение кризиса в Сирии политическими методами, резко осудив использование тяжелого вооружения, военной авиации и ракет СКАД сирийским режимом.

На этом саммите ЛАГ было принято еще одно очень важное решение, позволяющее арабским странам поставлять оружие сирийской оппозиции. Комментируя это решение, министр иностранных дел Катара шейх Хамад бен Джабер Аль Тани подчеркнул, что оно не означает отказ от политического разрешения сирийского кризиса, которое остается главным направлением, поддержанным ЛАГ. Поставки вооружения рассматриваются членами ЛАГ как способ защиты оппозиционные силы в их «неравной борьбе» с превосходящими силами правительственных войск. Этой же позиции придерживался генеральный секретарь Набиль Аль-Араби, участвовавший в совместной с катарским министром иностранных дел пресс-конференции.

На внеочередном совещании министров иностранных дел государств-членов ЛАГ 23 мая 2013 г. обсуждалась инициатива США и России по созыву конференции

Женева-2 для разрешения сирийского кризиса политическими средствами. Участники совещания поддержали эту инициативу, но подчеркнули, что до начала конференции должно быть сформировано переходное правительство Сирии, которое и станет участником переговоров со стороны сирийской власти.

Монархические государства Залива, которые сформировали свое ядро в рамках ЛАГ, содействуя активизации ее деятельности, были заинтересованы в предотвращении хаоса в арабском регионе и достижения там безопасности. Укреплению их позиций способствовал тот факт, что в период массовых выступлений против власти они смогли сохранить свою стабильность. Несмотря на то, что там так же, как и в других арабских странах, происходили выступления оппозиционных сил, поддержанные представителями различных слоев населения, и прежде всего молодежью, они не привели к падению правящих режимов.

Легитимность монархических режимов опирается на историческую традицию и закреплена конституционно. Создание государственности было непосредственным образом связано с властью правящих династий, которые брали на себя ответственность за экономическое благополучие и безопасность народа, проживающего на территории, которую они контролировали. В последние годы в монархиях Залива последовательно осуществлялись реформы, призванные расширить участие граждан в принятии политических решений, определяющих развитие их стран. Во всех странах были приняты конституции, в соответствии с которыми создавались представительные органы власти. Во всех монархических государствах, за исключением Саудовской Аравии, предусмотрено проведение прямых тайных всеобщих парламентских выборов, в которых должны участвовать все граждане страны, и мужчины, и женщины. Расширение участия женщин в политической жизни большинства монархических государств стало еще одной общей тенденцией, свидетельствующей о том, что происходит постепенная демократизация существующих там политических систем.

Подъем антиправительственных акций протеста граждан соседних арабских государств вызвал у правящих элит арабских монархий стремление не только упрочить внутривнутриполитическое положение в своих странах, но и укрепить единство всех арабских государств и способствовать изменению соотношения сил в регионе таким образом, чтобы это отвечало их интересам.

Точка зрения арабских государств, представленная в заключительных коммюнике совещаний ЛАГ, вне всякого сомнения, учитывается при обсуждении сирийского вопроса на международном уровне. Роль региональных государств, их позиции по вопросам, касающимся как отдельных государств региона, так и региона в целом неуклонно повышается. События «Арабской весны», вне всякого сомнения, это подтверждают.

В. А. Надеин-Раевский

Турецкий и иранский факторы: урегулирование или разжигание конфликтов?

Ситуация на Ближнем и Среднем Востоке в последние годы переживает драматические перемены. Так называемые «Арабские революции», как и следовало ожидать, привели к власти в ряде стран в прошлом подпольные группировки, декларирующие «возврат к истинному исламу», перестройку политической и общественной жизни, вплоть до введения в качестве законодательной базы шариата как основы масштабных изменений не только в повседневной, но и общественно-политической жизни арабских стран. Первоначально уверенная победа исламистских партий и движений не оставляла надежд на сохранение светского характера арабских государств, а победа исламистов на выборах в Тунисе, а затем в Египте, казалось, положила конец и прозападному курсу новых правительств, и социальным экспериментам под лозунгами различных течений «арабского социализма».

Крупные внешние игроки региона – Иран и Турция с воодушевлением восприняли эти масштабные политические изменения. Оба ключевых региональных игрока были уверены в нерушимости своих позиций. Однако разница в понимании проблемы Анкарой и Тегераном все-таки существовала.

Народные демонстрации, а затем и падение режимов в Тунисе и Египте получили не только живой отклик политизированных иранцев, но и теоретическое обоснование со стороны духовного вождя нации. В своей проповеди во время традиционной пятничной молитвы в Тегеранском университете 4 февраля 2011 г. рахбар – духовный лидер Ирана – Али Хаменеи отметил, что народные волнения в арабских странах напоминают ему исламскую революцию 1979 года в Иране²⁶. «Нынешние события в Северной Африке, в том числе в Египте, Тунисе и некоторых других странах, имеют особое значение для иранского народа. Это то, что мы всегда называли исламским пробуждением, произошедшим под влиянием великой революции иранского народа»²⁷.

Однако в теоретическом обосновании волны ближневосточных мятежей рахбар увидел и глубокий смысл. «Кара» постигла именно проамериканские режимы, и по мнению иранского руководства, народный гнев действительно карал властителей именно за то, за что и Тегеран всегда обрушивался на своих региональных противников. Аятолла назвал президента Египта Хосни Мубарака, главного противника Тегерана в регионе, «лакеем сионистского режима». Касательно же отстраненного от власти президента Туниса Зин аль-Абидина бен Али, Хаменеи заявил, что последний был зависим от США и ЦРУ²⁸. Впрочем, в речах рахбара прослеживается и более глубокий пласт. Если арабские бунты – это следствие иранской революции, то, соответственно, в Иране ничего подобного произойти не может.

Несколько иной была позиция Турции по отношению к «Арабской весне». С западными союзниками – США, европейскими государствами, блоком НАТО в целом

²⁶ http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=71731.

²⁷ http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=71735.

²⁸ Там же.

отношения Турции к этому времени претерпели определенные изменения. Они постепенно затрагивали не только сферу политики, но и деликатную область военного сотрудничества в рамках НАТО. При этом Турция участвовала в натовских операциях и инициативах, но уже без той безоговорочной поддержки, как это было в условия двухполярного мира.

Например, Турция послала своих военных в Афганистан в рамках натовской операции против афганских талибов, но они выполняли вспомогательные функции и в боевых действиях не участвовали. Анкара участвовала в обсуждении идеи создания единой системы ПРО, но подчеркивала, что она не должна быть направлена против Ирана, Сирии и других государств. Такая постановка вопроса расходилась с точкой зрения Вашингтона и Брюсселя.

В годы правления Партии справедливости и развития (после 2001 года) Турция не только улучшила отношения с Ираном и Сирией, но и вывела их на дружественный и по ряду аспектов на союзнический уровень. С другой стороны, ухудшились отношения Турции с Израилем, которые ранее развивались успешно и в политической, и в военной областях. Турция получала из Израиля современное оружие, а израильские военные лётчики, например, тренировались в воздушном пространстве Турции.

Изменения в турецкой внешней политике вызывали беспокойство как в Вашингтоне, так и в европейских столицах. Правда, в США довольно осторожно комментировали эти новые веяния. Но то, о чем не всегда был готов говорить госдепартамент, озвучивали американские конгрессмены, которые периодически поднимали панику по поводу изменений в политике Турции.

Вместе с тем Анкара продолжала учитывать мнение Вашингтона и руководства НАТО. Однако общая тенденция переориентации Турции «с Запада на мусульманский Восток» отмечалась многочисленными наблюдателями. В основе изменений во внешней политике Турции лежали глубокие внутривнутриполитические процессы. Турецкое общество вступило в сложный период внутренней перестройки и идейной переориентации. Прогрессировал процесс исламизации, который затрагивал всё более широкие слои населения.

Турция была единственной светской страной с преобладающим мусульманским населением, в которой исламские нормы были законодательно ограничены. Однако под влиянием правящей Партии справедливости и развития ислам постепенно начал возвращаться в Турцию. Процесс исламизации турецкого общества сказался на отношениях Турции с США и другими странами НАТО прежде всего в том, что турецкое общество стало более негативно относиться к западным союзникам. На протяжении нескольких последних лет драматично возрастал антиамериканизм турок. Менялось и их отношение к Европейскому союзу. Большинство турецких граждан уже не поддерживает вступление в ЕС, а с другой стороны, в общественном сознании постепенно утверждалась идея необходимости налаживания союзнических отношений с мусульманскими государствами.

Согласно принятым на референдуме 2011 г. поправкам к конституции, духовные лица получили возможность участвовать в работе местных органов власти; из конституции и гражданского кодекса были убраны статьи запрещающие пропаганду религиозных доктрин, а судебные дела против исламистов были прекращены. Такого не было во все годы существования Турецкой республики.

Остается опасность сползания Турции к исламу, причем, гораздо более радикальному, чем тот, которого придерживается Партия справедливости и развития и ее лидер, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Естественно, это вызывает тревогу в кругах турецкого общества, которые придерживаются светских принципов в построении государства. Именно эта часть турецкого общества считает, что принятые в 2011 году поправки к конституции превращают основной закон в документ, который открывает дорогу политическому исламу.

В прошлой турецкой политической жизни важным фактором сохранения светского характера государства всегда являлась армия. Положение о том, что турецкие военные являлись оплотом светского государства, было закреплено в турецкой конституции. Впрочем, и в армии ситуация изменилась. По мнению некоторых отставных турецких генералов, в военные структуры страны проникли люди с исламистскими взглядами. Конечно, на Западе правительству Эрдогана аплодировали за ограничение роли военных в политической жизни страны, ведь с точки зрения западной демократии, удаление военных от власти выглядит красиво. Однако ситуация в самой Турции разительно отличается от западных стереотипов. Процессы политической ломки и идеологической переориентации проходят здесь сложно и болезненно.

Решающую роль армии, которую она играла при прежних режимах, трудно оценить однозначно. Конечно вмешательство военных в политическую жизнь и периодическую «корректировку» деятельности политических партий Европа не считала положительным явлением, но, с другой стороны, армия была гарантом светского характера государства и неоднократно останавливала страну от сползания в пучину гражданской войны. В настоящее время, как утверждают не только отставные, но и действующие военные, исламисты проникли и в ряды армии. Попытки же демократизации политической жизни в соответствии с европейскими стандартами увеличивают шансы исламистов. Опыт Алжира, а теперь уже и других арабских стран показывает: они могут прийти к власти демократическим путём, в результате всеобщих выборов.

С приходом к власти Партии справедливости и развития во внешней политике Турции особую роль стали играть отношения со странами Ближнего и Среднего Востока. Одним из главных внешнеполитических достижений Турции на этом направлении перед началом «арабских революций» стала нормализация отношений Турции с Сирией. На определенном этапе Турция даже попыталась выступить посредником в израильско-сирийских переговорах.

К этой же категории внешнеполитических инициатив относилось и укрепление отношений с Ираном: контракты на поставку иранского газа, соглашения об участии Турции в разработке газовых месторождений на территории Ирана, инициатива Турции по обмену ядерным топливом на турецкой территории (трехсторонний договор Иран-Турция-Бразилия).

Однако новое «восточное направление» турецкой внешней политики вступало в противоречие с турецко-израильскими союзническими отношениями, стало служить помехой в завоевании авторитета в арабском мире, тем более что в последние годы в самой Турции антиизраильские настроения стали превалировать. И это не удивительно:

израильская агрессия против Ливана, операция «Литой свинец» в секторе Газа вызвали массовые протесты в Турции. Власть поддержала эти настроения.

Турецкие власти оказали содействие в подготовке «гуманитарной операции» по прорыву блокады сектора Газа. Израильские ракетные катера атаковали караван из шести судов «Флотилии мира», а израильские спецназовцы высадились на турецком корабле «Мави Мармара». Высадка израильтян встретила сопротивление участников акции, и в ответ на жесткий отпор израильтяне применили огнестрельное оружие. Погибло девять участников акции, в основном турецкие граждане, более двух десятков граждан разных стран были ранены. Израильский МИД доказывал, что «имел право» на силовые действия, поскольку на спецназовцев «напали» участники похода, «возникла угроза» жизни и т.д. Результат операции был вполне предсказуем: отношения Турции и Израиля радикально ухудшились.

Что же касается реакции, то кроме официальных протестов со стороны МИД Турции, правительства, парламента, страну захлестнули массовые демонстрации протеста, на улицы вышли десятки тысяч турок, были попытки захвата израильского консульства в Стамбуле, столкновения демонстрантов с полицией. Антиизраильские настроения, и без того усилившиеся в последние годы, достигли небывалого накала. Похоже, что и премьер Эрдоган, который ожидал неприятностей для «Флотилии мира» в израильских водах, не ожидал столь презрительного отношения Израиля к гражданам единственного союзника в регионе. Национальное самосознание турок израильтянам удалось уязвить как никогда.

Последовали призывы к разрыву дипотношений, из Тель-Авива был отозван турецкий посол, и правительство Турции объявило о свертывании ряда совместных проектов. Соответственно турки отменили и плановые военные учения двух стран. Пострадали и амбициозные совместные проекты. В первую очередь был отложен проект поставки Израилю воды из реки Манавгат (Анатолия). По этому проекту предполагается поставлять в Израиль, испытывающий острую нехватку воды, 5 миллиардов кубометров воды в год в течение 20 лет²⁹. Министр энергетики и природных ресурсов Турции Танер Йылдыз, заявил, что Анкара не будет осуществлять никаких совместных проектов с Израилем, пока тот «не извинится и не выразит сожаление» за эту атаку на турецкий корабль³⁰.

Обострение турецко-израильских отношений некоторые политики и журналисты постарались объяснить желанием Израиля наказать Турцию за сближение с Ираном и переориентацию турецкой внешней политики на восток. Напомним, что в мае 2010 года был подписан трехсторонний договор Ирана, Турции и Бразилии по переработке низкообогащенного иранского урана на турецкой территории и передаче его иранской стороне для использования в гражданских ядерных реакторах. Этот шаг Турции вызвал раздражение в Вашингтоне и резкое осуждение в Израиле и, соответственно, Турция должна была понести наказание.

Впрочем, и сами турки связали операцию против «Мави Мармара» с ответом на стремление Турции действовать в регионе в соответствии с национальными интересами.

---

²⁹ http://www.upi.com/Science_News/Resource-Wars/2010/06/18/Turks-cancel-project-to-sell-Israel-water/UPI-50501276883374/

³⁰ Там же.

Турецкие внешнеполитические инициативы последних лет однозначно расценивались как в ЕС, так и в Вашингтоне, как стремление перенацелить внешнеполитическую стратегию страны с бесполезной, с точки зрения оппозиционных турецких политиков, европейской ориентации, на азиатскую, а, точнее, исламо-азиатскую, и давно вызывали там беспокойство³¹. Похоже, что именно после турецко-бразильско-иранского соглашения по обмену ядерным топливом, а, особенно после резкого ухудшения турецко-израильских отношений, Европа и США усилили давление на своего строптивного союзника.

В то же время США находили объяснение внешнеполитической переориентации Турции. Так министр обороны США Роберт Гейтс утверждал, что если Турция и движется в сторону исламского мира, то это потому, что Европа закрывала перед ней дверь. Гейтсу ответил в интервью «Нью-Йорк Таймс» президент Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу: «Если на то пошло, то Турция стала отворачиваться от своих союзников по НАТО после американской оккупации Ирака и под давлением предыдущей администрации Белого дома»³².

Казалось бы, весь пафос защиты палестинской автономии закончился для Турции исключительно ухудшением отношений с Израилем (к огромному огорчению турецкого генералитета) и непониманием со стороны США. Однако это далеко не так. Турции удалось выставить Израиль в глазах Европы в крайне невыгодном свете, получить небывалую по размаху поддержку в исламском мире, особенно среди арабов, всегда настороженно относившихся к бывшему «центру империи». Крайне важно и то, что Израиль вынужден был пойти на смягчение блокады Палестинской автономии. Таким образом, налицо несомненный успех в реализации стратегической линии турецкой внешней политики: Турция укрепила свои позиции в Ближневосточном регионе и заслужила немалый авторитет в глазах «арабской улицы», осуждавшей собственные власти за «сговор с сионистами» и забвение интересов арабского народа Палестины.

«Арабскую весну» турецкое руководство встретило с воодушевлением: еще бы, рухнул правящий режим в Египте, с которым у Турции отношения были весьма прохладными. После падения правящих режимов в Тунисе и Египте арабские бунты стали охватывать все новые и новые страны Ближневосточного региона. Турецкое руководство оставалось на изначально занятых позициях: поддержка народных революций, борьба за демократизацию общества и т.д. Победа новых сил неизбежно должна была привести к власти родственные турецким неоисламистам политические силы.

Турция активно поддержала ливийскую оппозицию. Одиозный характер режима Каддафи, причастного и к терактам, и к поддержке деструктивных антиправительственных формирований, никогда не пользовался поддержкой Турции, прежде всего из-за союзнических обязательств Турции по отношению к США и НАТО. Свою роль играла и идея «джамахирии», которую никак не могли поддержать ни сторонники Партии справедливости и развития Эрдогана-Гюля, ни их политические противники.

---

³¹ Политолог: Турция сохранит государство, если уйдет из НАТО и откажется от ЕС. www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1297433.html.

³² Цит. по: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1296608.html.

Выступления протестующих не обошли стороной и вполне благополучные страны. Однако правители, оказавшиеся перед реальной угрозой потери власти, постарались смягчить протестные наступления. В «благополучных», в основном нефтедобывающих странах, где-то повысили зарплаты, где-то откровенно подкупили население разного рода субсидиями, а затем самым откровенным образом подавили оставшихся протестантов. Король Саудовской Аравии, например, внес в «копилку народного благополучия» дополнительно 32 миллиарда долларов. В Бахрейне вообще в дело вступили иностранные воинские подразделения из Саудовской Аравии и Эмиратов Персидского залива, взявшие ситуацию под контроль.

Когда волнения охватили Сирию, Турция, только что улучшившая отношения с этой страной, активно поддержала оппозиционеров. Власть сирийского клана алевитов, которых сунниты и мусульманами-то не считают, всегда раздражала традиционного лидера региона – саудитов, предпочитавших и здесь видеть у власти единомышленников. Те же соображения разделяла и правящая Партия справедливости и развития Турции. Иран же, напротив, именно в лице сирийской правящей верхушки видел основную опору своего регионального влияния, как на ливанскую шиитскую «Хизбаллу», для которой именно Сирия была основной опорой, так и на шиитские меньшинства в других государствах региона. Именно эта опора иранцев на режим Асада и оставалась постоянным раздражителем как для внутрирегиональных игроков, так и для ведущих мировых держав, и прежде всего – США.

Понятно, что сирийские сунниты, вроде бы и не обделенные властью, предпочли бы иметь монополию на принятие решений, а наиболее радикальное их крыло вообще пропагандировало установление халифата, причем, желательно не только в самой Сирии. Христиане-марониты, сирийские армяне и другие представители христианских общин вполне обоснованно полагали, что приход к власти исламских радикалов вообще не оставит им шансов на существование. Курды же, поглядывая на положение своих собратьев в соседней Турции, хотя и подумывали о расширении собственных прав, но не готовы были к подрыву стабильности режима.

В начале августа 2011 года арабский мир, точнее, его суннитская часть, предпринял шаги по изоляции Башара Асада. Саудовская Аравия как ведущая «демократическая» сила региона потребовала от режима Асада проведения реформ, которых «требует народ». Саудовский король Абдалла потребовал остановить «машину убийств». «Эскалация дипломатического давления со стороны арабских соседей Сирии последовала через несколько месяцев молчания перед лицом безжалостного подавления народных волнений в Сирии», – писал саудовский правитель. Соответственно Саудовская Аравия отозвала своего посла из Сирии. Ее примеру последовали еще два супердемократических эмирата – Кувейт и Бахрейн. Самое авторитетное образовательное учреждение в суннитском исламе – каирский университет Аль-Азхар, призвал положить конец «арабской и исламской трагедии». Активно зазвучали и голоса осуждения действий сирийского режима и из Анкары. Так, министр иностранных дел Турции Ахмед Давудоглу призвал сирийские власти «немедленно прекратить военные операции против мирного населения»³³.

---

³³ Арабские страны предпринимают шаги по изоляции Асада//<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/b113ccf6-c1d3-11e0-bc71-00144feabdc0.html#axzz1UVMrrL5y>.

После начала сирийских бунтов из всех региональных государств в наиболее сложной ситуации оказалась Турция. Тысячи беженцев стали пересекать турецко-сирийскую границу, и Турция вынуждена была выработать новую политику по отношению, как к сирийским властям, так и к появившимся на политическом пространстве региона разномастным группировкам, оппозиционным сирийскому режиму.

Так, после нескольких лет выстраивания новых дружественных отношений с Сирией турецкий премьер Реджеп Тайип Эрдоган отказался от этого курса. В преимущественно суннитской Турции проживает, по разным данным, от 8 до 12 миллионов «алеви» – единоверцев сирийских алавитов, а также и мусульман-шиитов. Традиционно высокомерное отношение к шиитам всегда было характерно для большинства турецкого населения, уверенного в превосходстве «своего» ислама и относящегося к шиитам как к париям мусульманского сообщества. При такой ситуации сообщения о притеснениях мусульман-суннитов шиитами в соседней стране подняли волну праведного гнева со стороны турецкого населения.

Министр иностранных дел Турции Ахмед Давутоглу выступил с жестким предупреждением в адрес сирийского руководства: «Я обращаюсь к властям Сирии: если операции не будут прекращены, в связи с предстоящими далее шагами говорить будет не о чем. Это мое последнее слово». Эти слова были подкреплены информацией о подготовке турецкой армии к созданию «буферной зоны» для приема сирийских беженцев на территории Сирии, но под контролем турецкой армии³⁴. Такая позиция однозначно привела бы Анкару к конфликту с Тегераном.

Тегеран в свою очередь четко озвучил собственную позицию по сирийскому вопросу. Так, на пресс-конференции в Каире глава Комитета по национальной безопасности и внешней политике Меджлиса ИРИ Алаэддин Боруджерди заявил, что «Иран не допустит, чтобы Сирия стала очередной жертвой политики США», и приветствовал предложенные властями политические реформы в стране³⁵. С не менее воинственными заявлениями выступили и другие представители властей в Тегеране.

В свою очередь президент Сирии Башар Асад во время встречи с главой турецкого внешнеполитического ведомства порекомендовал не вмешиваться во внутренние дела его страны и добавил: «Если вы хотите войны, то вы ее получите. Причем, во всем регионе». Асад предупредил противников, что Сирия также может поддержать шиитов в других странах в борьбе против «арабских режимов»³⁶.

В этой ситуации потребовались определенные шаги навстречу друг другу со стороны региональных держав. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад позвонил по телефону премьер-министру Турции Реджепу Тайипу Эрдогану и предупредил, что считает неприемлемым вмешательство западных стран в региональные конфликты

---

³⁴ Турция выдвинула ультиматум Сирии: грядет региональная война с участием Ирана?//www.regnum.ru/news/polit/1435681.html.

³⁵ Иран не допустит, чтобы Сирия стала очередной жертвой политики США – Боруджерди//http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=74911.

³⁶ Сирия готова начать тотальную региональную войну//www.regnum.ru/news/fd-abroad/iran/1434486.html.

Ближнего Востока. Ахмадинежад прямо предложил решить вопрос Сирии без участия США³⁷.

Громогласные обвинения Башара Асада со стороны турецкого руководства были подкреплены конкретными мерами: Турция активно включилась в борьбу против сирийского режима на стороне «суннитской коалиции» Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива при поддержке США и Запада. Представляется, что турецкое руководство стремилось с одной стороны, взять на себя роль лидера исламского мира, с другой – исполнить роль форпоста НАТО в Восточном Средиземноморье и развеять появившиеся в последние годы сомнения Вашингтона в надежности союзнической роли Турции.

4 октября 2012 г. на закрытом заседании парламент Турции поддержал инициативу премьера Эрдогана и разрешил турецким военным проводить трансграничные рейды в Сирию по приказу правительства, если возникнет такая необходимость. Разрешение было выдано сроком на один год. Следует иметь в виду, что такое решение не является санкцией на развертывание полномасштабных боевых действий. Оно принято по иракскому прецеденту и предусматривает ведение ограниченных операций против противной стороны. В случае с Ираком турецкая армия получила санкции на преследование боевиков Курдской рабочей партии на иракской территории, нанесение артиллерийских и авиационных ударов, как по отступающим отрядам боевиков, так и по местам их дислокации.

Таким образом, Турция активно включилась в борьбу с режимом Асада. Основное снабжение сирийской оппозиции оружием и боеприпасами осуществлялось через Турцию, часть вооружения поступала через территорию Ливана. Кроме снабжения важную функцию осуществляли иностранные советники, которые проводили обучение и подготовку боевых группировок. Крайне важной задачей турки считали организацию всего «сопротивления». Из разрозненных, а иногда и враждующих между собой отрядов и групп, как, например, в случае с исламистами, не склонными к объединению с «неправильными» мусульманами, формировались боееспособные подразделения. Эта работа привела к появлению отрядов оппозиции, пригодных для ведения боевых действий против регулярной армии.

В дополнение к арабским и турецким специалистам, по словам командующего Армией США в Европе и 7-й армией генерала Марка Хертлинга, в Турцию был направлен ограниченный контингент американских военных для организации эвакуационных и разведывательных работ. Несколько ранее США тайно отправили в Иорданию военную рабочую группу из более чем 150 специалистов с целью помочь иорданским вооруженным силам справиться с потоком сирийских беженцев, подготовиться к возможной потере Сирией контроля над своим химическим оружием и к тому, что волнения в Сирии могут перерасти в более широкий конфликт.

Однако сирийский режим оказался прочнее, чем рассчитывала суннитская коалиция. Соответственно потребовались и новые меры по его ослаблению. Турция в одностороннем порядке закрыла свое воздушное пространство для полетов сирийской

---

³⁷ Ахмадинежад предложил Турции решить сирийскую проблему без участия США//www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1438076.html.

гражданской авиации. Территория Турции – это наиболее удобный плацдарм для ведения войны против режима Асада, и западные союзники были не прочь использовать Турцию в качестве главной ударной силы в борьбе с этим режимом. Сама ситуация в регионе не оставляет другой более подходящей возможности ни для суннитской коалиции, ни для НАТО.

Вместе с тем, в самой Турции усилилось сопротивление надвигающейся войне. Впервые за годы правления Партии справедливости и развития, уверенно побеждавшей на всех выборах, в Турции появилось массовое антивоенное движение. В его рядах теперь не только левоцентристы, левые и прочая публика, с которой Эрдоган с Гюлем не особенно считались, но и те слои населения, на которые опирается сама Партия справедливости и развития.

Многочисленные акции протеста под лозунгом «Руки прочь от Сирии» начались с лета 2012 года. Протестующие обвиняли правительство Эрдогана в том, что оно не служит интересам народа, а его политика направлена на реализацию американского плана создания «Нового Ближнего Востока». Протестующие считали, что, подчиняясь желанию США и ряда стран Запада, правительство открыло турецкие границы перед исламскими радикалами, гостеприимно предоставляя им убежище и переправляя их затем на территорию Сирии в нарушении всех норм добрососедства. По данным опросов, 80% турок выступило против одностороннего военного вмешательства в Сирии, а 60% опрошенных были не согласны с операцией даже в случае поддержки НАТО³⁸. Особое беспокойство у европеизированной части населения вызывает опасность ползучей исламизации самой Турции именно под влиянием хлынувших в страну «арабских добровольцев».

Представляется, что изменения в традиционно воинственном общественном мнении самой Турции остановили правительство Эрдогана от прямого вмешательства во внутрисирийский конфликт.

В то же время режим алавитов по своей сути был неприемлем ни для Саудовской Аравии, ни для эмиратов Персидского (Арабского) залива. Само существование этого режима подрывало суннитскую монополию на власть, поскольку алавиты, как и шииты, также непримиримо враждебны по отношению к «узурпаторам власти» в мусульманской умме, то есть к суннитам. Представители шиитской ветви ислама есть в Бахрейне – примерно 70%, немало их и в других эмиратах, да и в стране-хранительнице исламских святынь, Саудовской Аравии – 15% шиитов. Для господствующих в большинстве мусульманских стран суннитов, власть шиитов, как и алавитов – это вызов практически всем суннитским государствам региона. Кроме религиозного фактора, раздражающего правящие верхушки стран региона, есть и светский. Сирия – это светское государство, да к тому же союзник Ирана и противник Запада. Разделавшись с сирийским режимом, будет проще справиться и с Ираном, и с другими его союзниками, например, ливанской «Хезбаллой».

Таким образом, совпали и предпочтения монархических режимов Залива, и устремления Запада. Анкара и Амман собирались создать на севере и на юге Сирии «зоны», в которых будет запрещено появляться сирийским военным и представителям сил правопорядка³⁹. Хотя формально такие зоны планировались для беженцев,

³⁸ Почему светские турки поддерживают Асада?//<http://inosmi.ru/world/20121025/201407635.html>.

³⁹ Турция и Иордания готовятся расчленить Сирию?//www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1469171.html.

покинувших страну из-за преследований властей, основной целью создания таких зон было создание тыловых баз вооруженной оппозиции, обеспечение их защиты со стороны внешних «игроков» и консолидация будущего «правлящего ядра», лояльного к своим спонсорам.

Турция откровенно стремилась играть ведущую роль в «демократизации» Сирии. Именно в Стамбуле в начале октября на встрече представителей сирийской оппозиции был сформирован Национальный совет, к которому согласились присоединиться все ведущие антиправительственные силы страны, в том числе «Братья-мусульмане». Турция активно поддерживала Свободную сирийскую армию (ССА), состоявшую из армейских дезертиров и наиболее радикальных противников режима.

Турция активно использует лозунги «демократии» и защиты прав человека, адресованные сирийскому народу. Вместе с тем турецкая армия с 1984 года вела активные боевые операции против собственных сепаратистов из Курдской рабочей партии. В результате партизанской войны на территории Турецкого Курдистана погибло более 45 тысяч человек. Собственно и права нетурецкого населения, составляющего более половины всех жителей страны, только недавно начали признавать, и то под давлением ЕС.

Турция оказала поддержку и ливийским исламистам в борьбе против режима Асада. Еще 25 ноября 2011 года состоялись переговоры между Переходным Национальным Советом Ливии (ПНС) и Сирийским национальным советом, который попросил у ПНС помощи, а именно поставок оружия и переброски боевиков. Хамеда эль-Магери, представитель Военного Совета Триполи, сообщил, что ливийцы считают себя братьями сирийской оппозиции: «Башар посылал Каддафи оружие во время войны против нас. Среди нас сотни людей, готовых поехать воевать в Ливию или помочь каким-то другим способом». Впрочем, по видимому, ливийские боевики уже подтянуты к будущему сирийскому фронту. Под именем Салема аль-Алвани, небезызвестный исламист Абдельхаким Бельхадж во главе батальона в 700 человек прибыл на турецко-сирийскую границу для участия в террористических атаках непримиримой сирийской оппозиции. В свое время Бельхадж возглавлял террористическую исламистскую группировку «Ливийская боевая исламская группа». В 2004 году был арестован в ходе операции ЦРУ США и МИ-6 и выдан правительству Джамахирии. В 2010 году Бельхадж был помилован режимом Каддафи и выпущен на свободу⁴⁰.

В этой ситуации, как Иран, так и ливанская Хизбалла, могли лишиться единственного союзника в регионе. Впрочем, Иран не собирался покорно ждать своей участи. Тегеран неоднократно обещал в случае нанесения удара по своим ядерным объектам нанести ответные удары по Израилю, американским базам в регионе и нефтяным маршрутам. Иран обещал вступить и за своего сирийского союзника. Эту угрозу конкретизировал командующий воздушно-космическими силами Корпуса стражей исламской революции Ирана генерал Амиралли Гаджизаде. Он открыто

---

⁴⁰ Оружие и боевиков ПНС перебрасывают в Сирию
http://www.mignews.com/news/politic/world/271111_114649_87633.html.

пригрозил Турции нанесением ракетных ударов по американским объектам в этой стране. Более того, генерал заявил, что в случае возможной атаки на Иран, иранские силы в первую очередь нацелятся на элементы системы ПРО НАТО в Турции⁴¹.

В свою очередь иранское руководство отдает себе отчет в антииранской направленности политики «государств Залива и примкнувшей к ним Турции. Иран сумел мобилизовать своего основного союзника в Ливане – Хизбаллу и поддержать сирийский режим. По мнению западных обозревателей, иранцы посылали в Сирию и своих стражей исламской революции для помощи в подготовке сирийских правительственных войск и милицейских формирований, поддерживающих режим Асада.

Таким образом, как Турция, так и Иран, принимают в той или иной степени участие в сирийском конфликте. Вместе с тем обе страны поддерживают дальнейшее развитие арабских революций со всеми их издержками и противоречиями, исходя из понимания, что исламисты являются духовно родственными течениями, как для иранских мулл, так и для исламских модернистов типа Эрдогана. Однако в этом раскладе как одна, так и другая страна столкнулись с неожиданным для них развитием ситуации – началом войны суннитов против шиитов и алавитов, что явно не входило в расчеты как одной, так и другой страны. Углубление этого раскола фактически положило конец надеждам на общеисламское единство.

С другой стороны, победное шествие исламистов столкнулось с сопротивлением светски ориентированной части населения, не готового к возврату к «чистому исламу». В Турции протесты, начавшиеся против сноса парка Гези и жестокости полиции на стамбульской площади Таксим, переросли в массовое движение по всей стране против исламизации и высокомерия власти, неуважения к правам человека. Конечно, положение правительства Эрдогана, опирающегося на несомненные успехи в экономике и относительно высокий уровень жизни населения, остается достаточно прочным, но необходимость договариваться с оппозицией стала очевидной для руководства самой Партии справедливости и развития.

Гораздо сложнее ситуация в Египте, где исламистское правительство не в состоянии справиться с экономическими проблемами. И турецкие протесты с площади Таксим распространились и на египетскую площадь Тахрир, обозначив возросшее сопротивление в мусульманских странах тотальной исламизации. Недавние демонстрации в Тунисе, стране, с которой началась «Арабская весна», показывают уже не совпадение протестного движения по времени и основным движущим силам, а новую тенденцию в исламском мире, где существует пусть и тонкая прослойка современного среднего класса, не желающего возврата к средневековому прошлому.

Вместе с тем, сложившаяся ситуация вызовет появление новых внутренних гражданских конфликтов, которые, к сожалению, не оставят без работы ни правозащитные организации, ни Красный Крест, благородная миссия которого будет крайне востребована в ближайшем будущем.

---

⁴¹ Иран открыто угрожает Турции//www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1471874.html.

И. В. Следзевский

Оценка положения и перспектив правящих режимов в странах «Арабской революции» (Египет, Тунис)

Революционные события «Арабской весны» 2011 года повлияли на условия и характер политического процесса в странах Северной Африки. Наиболее важные сдвиги произошли в Тунисе и Египте, ставших эпицентром протестных движений в Северной Африке. Изменения в политической системе и политической жизни этих стран продолжаются и после падения прежних режимов квазидемократического типа. Эти изменения носят многоплановый характер, затрагивают как формы, так и содержание политического процесса.

Благодаря не спадающей политической активности граждан, резко расширился диапазон форм и возможностей политических действий, политической самоорганизации общества, включая создание партий и массовых движений, стихийную уличную активность и мобилизацию групп интересов. Самостоятельным и важным фактором политического процесса остается политическая мобилизация масс в разнообразных институциональных и неинституциональных формах (от организации политических партий до стихийных акций уличного протеста). Наиболее значимые изменения, с точки зрения политической стабильности, устойчивости правящих режимов и баланса политических сил, произошли в содержании политического процесса – в составе его основных участников, направленности их действий и способности влиять на принимаемые политические решения. Нельзя говорить о разрушении или ослаблении влияния силовых и бюрократических структур власти, эти структуры продолжают оказывать значительное или решающее влияние на текущую политику и порядок принятия главных политических решений, опираясь на материальные, организационные и политические ресурсы, которые они приобрели еще в годы правления авторитарных режимов. Однако общий ход политического процесса в Тунисе и Египте сейчас определяются пестрым и противоречивым сочетанием интересов различных слоев населения – возможностями артикуляции и согласования этих интересов, сведения их к коллективным целям, понятным широким слоям населения и допускающим небольшое число политических альтернатив.

Но при всей сложности форм и содержания политического процесса в Тунисе и Египте в происходящих изменениях выделяется одна составляющая, которая, как кажется, оказывает все большее влияние на политическое положение в этих странах, в том числе и прежде всего на положение и перспективы нынешних, поставторитарных правящих режимов. Эта составляющая – баланс политических сил и интересов светских и исламистских групп, движений, партийно-политических блоков. Речь идет, с одной стороны, о довольно широком спектре левых и либерально-демократических партий и движений, выступающих за сохранение секулярного характера власти и результатов светских реформ, осуществленных авторитарными режимами. С другой стороны – о более сплоченных и организованных исламистских группах и организациях, ставящих под сомнение или отрицающих светские ценности культурной и политической жизни как не соответствующие интересам арабского общества, а главное – не способные изменить их жизнь в лучшую сторону.

«Гамаат исламийя» («исламские ассоциации») давно стали активным и самостоятельным игроком на политической сцене арабских стран. Вместе с

Пакистаном и Малайзией, Египет стал признанным центром исламизма как массового народного движения. Его воплощением стала ассоциация «Братья-мусульмане», созданная в 1928 году и ставшая постоянным оппонентом египетским националистическим партиям. Власти независимого Египта то сотрудничали с «Братями», то преследовали их руководителей. На фоне успеха идеологии насеризма, ставшей главным политическим проектом независимого Египта, призывы «Братьев» в 50-60-е годы XX века к разрыву с современным «безбожным» обществом, с *джахилией* могли показаться уходящим в прошлое наследием старой эпохи. Однако от десятилетия к десятилетию эта исламистская организация укрепляла свои позиции в политическом процессе, объединяя самые разные социальные группы. В 1977 году «Братья-мусульмане» получили большинство голосов на выборах руководства Союза египетских студентов, а в 2005 году, даже в условиях, использования режимом Х. Мубарака мощного административного ресурса, смогли собрать 20% голосов на выборах в национальный парламент. Еще раньше – в середине 80-х годов – в Тунисе исламские ассоциации трансформировались в политическую партию «Движение исламской направленности», переименованную позже в партию Ан-Нахда (Возрождение). Правда, легальное существование этой партии продолжалось недолго – в начале 90-х годов после объявления о ее участии в заговоре с целью убийства президента Бен Али партия была запрещена, и исламисты ушли в подполье.

Очевидна и та основная политическая установка «гамаат исламийя», которая позволяла исламистам долгие годы добиваться политического успеха, не выходя за рамки утопической модели исламского мироустройства. Действенность политического ислама обеспечивала позиция антипода светской власти, привычка воспринимать и представлять политический ислам себя в роли, по выражению А. В. Малашенко, «бескомпромиссной оппозиции, набирающей очки критикой существующих правящих элит»⁴². Выигрышной эту позицию делал сопровождавший проведение либеральных рыночных реформ рост числа неимущих мусульман, в результате чего легко было связать в одно целое исламскую альтернативу идеального общественного устройства и реальные действия социального протеста.

Вместе с тем, характер и перспективы политического процесса в Тунисе и Египте невозможно обсуждать без учета роли, влияния, интересов и позиций оппонентов исламизма – партий и движений, выступающих за развитие в этих странах плюралистической политической системы светского типа. Как и политические установки исламистов, предпочтения и интересы этих сил складывались на обломках идеологии арабского национализма, не сумевшей ограничить, взять под контроль государства нарастание социальных проблем, но являвшейся альтернативным путем отхода от принципов исламского общества. Прочность устремлениям светских сил придавало появление больших групп интересов, ориентированных на ценности рыночной экономики, профессиональной карьеры и образования, на приоритет прав человека и защиты прав трудящихся, на современные формы коммуникаций. В этом же направлении светские силы толкали последствия политики экономической либерализации, начатой в 80-е годы правящими режимами Туниса и Египта. Прозападная в своей основе, эта политика предполагала имитацию демократического

---

⁴² Малашенко А. В. Исламисты хлопают дверью? // Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. С. 442.

процесса, разрыв с исламистским движением и его ценностями. И в Египте, и в Тунисе сохранялись все фасадные формы демократического процесса: всеобщие и формально альтернативные выборы, существование многопартийной системы и парламента, проведение всеобщих и формально альтернативных выборов с участием оппозиции, разделение властей, легальная деятельность профсоюзов и различных общественных организаций.

Победа протестных движений в январе-феврале 2011 г. дестабилизировала политический процесс Тунисе и Египте, разрушив прежний баланс политических сил и резко ослабив авторитарный механизм обеспечения общественного порядка. Власть потеряла прежний всеобъемлющий контроль над политическим процессом; составной и важнейшей его частью стали антиправительственные выступления обездоленных масс городского населения. В Египте появились и быстро усилились молодежные движения, выступившие с требованиями демократических реформ: «6 апреля», «25 января», «Молодежь революции». Лишь в разгар этих выступлений к протестующим присоединились собственно оппозиционные партии и движения, как либерально-демократические, так исламистские. Тем не менее, и в Тунисе, и в Египте организованные политические силы смогли в 2011 – начале 2012 г. установить определенный контроль над политическим процессом, используя для этого механизм выборов, создания межпартийных блоков и договоренности о распределении властных полномочий. В секулярные процедуры демократического процесса оказались втянуты и сторонники исламистской альтернативы, во всяком случае, их умеренная часть, стремившаяся укрепить свое положение с помощью «честных» выборов.

Таким образом, революционные события 2011 года привели к образованию в Тунисе и Египте режимов переходного типа, сочетающих элементы политического плюрализма и монополизации власти, ограничения произвола власти и борьбы за политическое господство. Переходный тип политических режимов по природе своей нестабилен. Его принципиально неустойчивое состояние не может быть долговечным, баланс правящих сил подвержен быстрым изменениям, тогда как согласование политических целей и интересов носит скорее временный характер.

Не устоявшийся характер новых режимов проявился уже на первых после событий 2011 года свободных выборах высших органов власти. Победу на этих выборах – в Учредительное собрание в Тунисе в октябре 2011 г., в Конституционную Ассамблею и президента страны в Египте в январе и мае-июне 2012 г. – одержали исламистские партии. В Тунисе партия Ан-Нахда завоевала наибольшее число мест в парламенте (90 из 217), в Египте Партия свободы и справедливости получила 35% мест в Конституционной Ассамблее, а более радикальная салафитская партия Ан-Нур – 27%. Пост президента Египта, на который претендовали 13 кандидатов, занял М. Мурси, являвшийся одним из лидеров «Братьев-мусульман» и председателем политического крыла этой организации – Партии свободы и справедливости. Правда, этого успеха он добился только во втором туре, победив бывшего премьер-министра А. Шафика, связанного, как считается, с руководством египетской армии и старой бюрократией в политическом истеблишменте Египта.

Успех исламистов на выборах обозначил изменение их роли в политическом процессе. Из стойкой, бескомпромиссной оппозиции правящему (секулярному) режиму они превратились в составную часть правящей элиты Туниса и Египта, несущей

ответственность за экономическую и социальную политику своих стран, выбор внешнеполитических союзников, решение финансовых проблем с международными кредитными организациями. В Тунисе это превращение бывших оппозиционеров в привилегированную властную группировку было закреплено созданием по инициативе умеренных исламистов коалиции парламентского большинства. Наряду с партией Ан-Нахда, в нее вошли «Конгресс за республику» во главе с М. Марзуки (давним противником Бен Али) и «Демократический форум за труд и свободы». Эта коалиция, в составе которой находились умеренные исламисты, сформировала новую исполнительную и законодательную власть Туниса: премьер-министром и фактическим руководителем страны стал представитель Ан-Нахды Х. Джебали (с февраля 2013 г. новый глава правительства А. Лаарейед – также представитель Нахды), президентом, выполняющим главным образом представительские функции, стал М. Марзуки, спикером парламента – председатель «Демократического форума» М. Б. Джафар. В Египте президент М. Мурси, опираясь на массовую поддержку внутри страны и на поддержку внешних сил (США), отправил в отставку руководство Высшего военного совета во главе с маршалом Тантави и фактически взял на себя полноту власти в сфере законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, первые публичные и скоординированные действия исламистов в постреволюционных Тунисе и Египте продемонстрировали, с одной стороны, наличие у них значительного политического потенциала – способности к быстрой политической мобилизации своих сторонников, с другой – готовность исламистов (по крайней мере, их умеренной части) использовать этот потенциал для интеграции в секулярную политическую систему и правящую элиту. Возможности политического маневрирования у руководства исламистских партий значительно увеличились. Вместе с тем перед ними возникла серьезная политическая дилемма: либо позиция политического прагматизма, ориентация на ближайший успех в конкуренции с секуляристскими партиями и связанный с этим риск растворения в «коридорах» «безбожной» власти; либо курс на преобразование власти и общества в соответствии с идеологическими постулатами исламизма и вытекающая отсюда возможность раскола общества и возникновение масштабного внутривластного конфликта. В Тунисе позиции исламистов, пришедших к власти, ограничиваются многопартийным характером правящего режима, что проявляется в политике сотрудничества партии Ан-Нахда с другими партиями правящего блока. В то же время у многих сторонников светской политической системы приверженность Нахды секулярным нормам демократической политической системы по-прежнему вызывает сомнения.

В Египте победа исламистских сил на парламентских и президентских выборах обеспечила переход в руки Партии свободы и справедливости законодательных и исполнительных функций. Но это не стабилизировало политический процесс в стране, а, скорее, усилило политический раскол внутри египетского общества и правящего режима. Перед лицом массовой поддержки исламистских партий военные не могли не признать легитимности избрания президентом М. Мурси, однако сохранили властный ресурс. Этот ресурс обеспечивают, во-первых, контроль военных над значительной частью египетской экономики, что превращает египетскую военную элиту в мощную группу экономических и политических интересов; во-вторых, самостоятельное политическое положение военной верхушки, обеспечиваемое в немалой степени

широкой военной помощью, которая предоставляется Египту США. Отставка, по решению президента, наиболее видных военачальников, включая министра обороны Х. Тантави, начальника генерального штаба С. Анана, не привела к установлению контроля М. Мурси над армией; скорее, это был результат предварительных договоренностей между военной верхушкой и исламистскими лидерами о разделе властных полномочий после смещения президента Мубарака: умеренные исламисты получили возможность сконцентрировать в своих руках высшую исполнительную и законодательную власть и приступить к реформе конституции, а военные сохранили контроль над силовыми структурами и органами судебной власти. На уровне общенационального политического процесса позиции Партии свободы и справедливости ограничивает начавшаяся на фоне успеха исламистов мобилизация антиисламистских сил – убежденных сторонников сохранения в Египте светского политического режима. Начавшуюся мобилизацию этих сил подтверждает небольшой разрыв в количестве голосов, полученных во втором туре президентских выборов М. Мурси (52%) и его противником, бывшим премьер-министром и главным кандидатом от светских сил, поддерживаемых армией, А. Шафиком (48%). Примечательно также, что уже в первом туре президентских выборов лидер партии «Карам» («Достоинство»), объединяющей сторонников насеровских идей арабского социализма, Х. Сабахи, смог собрать 21% голосов избирателей, пришедших на выборы.

Победив, исламисты попытались уйти от жесткого политического выбора между участием в «безбожной» власти, со одной стороны, и отрицанием неисламского общества, *джахилийи* – с другой. Не идя на разрыв с секулярными политическими системами Туниса и Египта, новое исламистское крыло их правящих верхушек практически сразу после прихода к власти начало придавать большое значение религиозной легитимации своей деятельности. Духовные и политические лидеры победивших партий так или иначе демонстрируют свою верность исламскому проекту и поддерживающим его силам. В своем выступлении по итогам парламентских выборов в Тунисе лидер победившей партии Ан-Нахда Р. Ганнуши охарактеризовал эту победу как начало пути к успешному осуществлению исламского проекта, назвав оппонентов Нахды противниками ислама, стремящимися разрушить страну. В Египте лидеры Партии свободы и справедливости, подчеркивая свою приверженность общедемократическим целям и значение свободных и всеобщих выборов как источника легитимности власти, сохраняют, тем не менее, тесные связи с руководством ассоциации «Братья-мусульмане».

Удобным публичным пространством религиозной легитимации власти умеренных исламистских партий внутри правящих секулярных режимов Туниса и Египта стало пространство конституционной реформы. В Египте исламисты возглавили парламентский комитет по разработке новой конституции и добились невмешательства военных в процесс подготовки конституционной реформы. Проект документа, представленный в ноябре 2012 г. президенту Мурси, имел светскую основу, но вместе с тем содержал ключевой принцип исламской идеологии – положение о нормах шариата как основе законодательства страны. В Тунисе основным вопросом конституционной реформы также стал вопрос о закреплении роли шариата как основы национального законодательства. Правда, в отличие от египетской Партии свободы и справедливости руководство Нахды не смогло выработать единую позицию по этому

вопросу. В марте 2012 г. политический совет партии большинством голосов принял решение не включать в конституцию указание на особый правовой статус шариата. Однако 12 членов совета (из 80 участвовавших в голосовании) выступили за признание этого статуса.

К середине 2012 г. стало очевидно, что исламизация «сверху» политического и правового пространства не укрепляет позиции умеренных исламистов по отношению к блоку светских сил, но, напротив – ставит их в зависимость от настроений арабской улицы и от действий более радикальных исламистских группировок. В политических предпочтениях арабской улицы после свержения авторитарных режимов основное место занимают не вопросы конституционной реформы, а ожидание скорейшего решения социально-экономических проблем, связанных с массовой безработицей и ростом цен на товары и услуги повседневного спроса. Однако новое исламистское руководство Египта и Туниса оказалось не готово к проведению широких социально-экономических реформ. Более того, приход исламистов к власти ухудшил внешнеэкономическое и финансовое положение этих стран, затруднив, в частности, получение новых кредитов от международных финансовых организаций. В то же время в организации и действиях исламистских движений все большую роль начали играть процессы исламизации «снизу» - форсированного внедрения и навязывания обществу исламского образа жизни под контролем и давлением исламистских активистов. Ведущие позиции в этих процессах заняли представители радикального (салафитского) ислама, ставшие мощной группой давления на государственную власть и умеренных исламистов. Характерным (и шокирующим) проявлением исламизации «снизу» стали развернувшиеся в 2012 г. агрессивные действия салафитских групп: нападения на государственные учреждения, бары и отели в курортных городах, надругательства над склепами и надгробьями суфийских святых и, наконец, формирование военизированных отрядов исламской милиции. Под давлением салафитов, Нахда выступила за включение радикально настроенных исламистов в органы государственного управления, армию и полицию. В Египет из Афганистана и Пакистана вернулись многие члены экстремистских (джихадистских) мусульманских группировок.

Угрозу быстрого раскола общества, которую несет в себе исламизация «снизу», ясно продемонстрировали два события, получившие широкий политический резонанс: публикация в Египте в феврале 2013 г. фетвы, разрешающей убивать противников Мурси (за основу фетвы ее автор, профессор исламского университета Аль-Азхар М. Шаабан, взял повеление пророка Мухаммеда: «Кто присягнул на верность правителю и дал ему свою руку и сердце, пусть повинется ему, пока может. А если кто-то станет вести с ним тяжбу за власть, то отрубите ему голову»), и убийство в этом же месяце одного из лидеров светской оппозиции в Тунисе Ш. Белаида, руководителя левой партии «Народный фронт Туниса».

Рост исламского радикализма не укрепил положения правящих исламистских партий. Произошло, скорее, обратное – стало падать их значение как фактора политической стабильности, политического равновесия в египетском и тунисском обществе, укрепления позиций переходных политических режимов. Одно из главных условий легитимного прихода к власти – изменение к лучшему положения широких народных масс, не было выполнено. Экономического «чуда» не произошло.

Начавшийся в этих условиях новый подъем протестных движений в обеих странах поставил под сомнение не только способность исламистов эффективно решать проблемы общества, но и легитимность правящих послереволюционных режимов в целом, обнаруживших явно консервативный, правоцентристский характер своей политики.

На риск развала легальных структур власти и деятельности правительств указывают рост политического насилия в Египте и Тунисе и антиправительственная направленность уличных акций протеста. По составу своих участников и характеру требований (смена правящих партий и приход к власти независимой политической оппозиции) эти акции все более напоминают противостояние власти и масс в начале 2011 г. Протестные настроения охватили и организованную светскую оппозицию, напуганную активизацией исламистских сил и обвиняющую исламистских лидеров в стремлении монополизировать государственную власть.

Судьба правящих режимов в Египте и Тунисе зависит от способности политического класса этих стран обеспечить хотя бы минимальную стабильность политического процесса, устойчивость и легитимность избранных органов власти без вмешательства военных. Очевидно, однако, что уровень стабильности гражданского правления под давлением исламистских сил и протестных выступлений молодежи падает. В Египте эта тенденция проявилась уже в середине 2012 г. после того, как Конституционный суд признал недействительными результаты парламентских выборов конца 2011 – начала 2012 г. и, соответственно, отверг новый вариант Конституции, разработанный новым парламентом. Президент М. Мурси назначил новые парламентские выборы на осень 2013 г.

Пока трудно говорить о кризисе правящего режима в Тунисе, однако создание после убийства Ш. Белаида непартийного, «технократического» правительства, которое должно снять напряжение в обществе и обеспечить проведение легитимных парламентских и президентских выборов, говорит об угрозе раскола политического класса и в этой стране. В Египте, к лету 2013 г., недовольство политикой президента М. Мурси достигло таких масштабов, что поставило под угрозу существование правящего режима и вновь вывело на передний план египетской политики руководство армии как особую группу интересов. Египетские военные готовы были уступить власть М. Мурси как победителю президентских выборов, но при условии, что новая гражданская власть сохранит существующий порядок распределения властных полномочий и влияния, собственности и материальных благ. Как представители одной из крупнейших групп интересов, военные непосредственно заинтересованы в сохранении политической стабильности. Неспособность правящей исламистской партии к решению этой задачи привела к ясно выраженной дестабилизации правящего режима – смещению военными президента М. Мурси и его аресту. Этот шаг военных граничит с политическим переворотом и чреват перерастанием нестабильности египетского режима в политический кризис.

Перспективы правящих режимов в Тунисе и Египте зависят от множества внутренних и внешних факторов. Но в условиях нарастающей политической нестабильности определяющее значение приобретают два фактора: отношение населения к существующей власти и ее эффективность, то есть способность власти осуществить необходимые перемены в политической жизни без разрушения своих

структур, без раскола внутри общества и правящей элиты, что может создать угрозу целостности государства и самому его существованию.

В Тунисе и, особенно, в Египте оба фактора пока действуют в направлении усиления политической дестабилизации. Не проведены даже минимальные социально-экономические и политические реформы, не обеспечен необходимый механизм агрегации интересов и требований исламистских и светских сил, не произошло значительного снижения протестных настроений в обществе, без чего, даже в условиях регулярного проведения политических выборов, невозможна трансформация крайних позиций в умеренные. Возможности демократического процесса в обеих странах не исчерпаны. Налицо, однако, сохранение и даже расширение базы различного рода радикальных движений левого и правого (прежде всего, исламистского) толка. В Египте не обеспечена необходимая стабильность демократического процесса, и гарантом стабильности власти по-прежнему остается армия. Дестабилизирующее действие этих факторов приобретает цивилизационную глубину и широкий региональный контекст благодаря открытому конфликту секулярного и исламского проектов преобразования тунисского и египетского обществ. При этом очевидно, что попытки исламистов навязать обществу исламскую идеологию будут продолжаться, несмотря на достигнутый в Тунисе и Египте высокий уровень секуляризации общественно-политической жизни. Это усиливает протестный потенциал общественных настроений и ставит обе страны на грань глубокого раскола.

Однозначная оценка перспектив правящих режимов в Тунисе и Египте в подобных условиях вряд ли будет правильной. Возможны различные варианты их эволюции с разными последствиями для общества и государства, для легитимности/нелегитимности власти. На наш взгляд, пространство возможных изменений этих режимов очерчивают два варианта их вероятной эволюции. Первый вариант – продолжение и даже возможно обострение борьбы за власть между конкурирующими группами правящей элиты в сочетании с ростом протестной активности арабской улицы, но без возникновения прямой угрозы существующим режимам политической власти. Данный вариант наиболее вероятен в случае успешного проведения парламентских и президентских выборов в Египте и Тунисе и ослабления исламистских сил, особенно их радикального фланга. Второй вариант – обострение политической борьбы на разных уровнях общественной жизни с возникновением непосредственной угрозы правящим режимам. Ключевыми условиями этого варианта являются: дезинтеграция государственной власти, раскол в ее силовых структурах; упадок легитимности режимов в результате блокирования демократического процесса, частой и насильственной сменяемости политических лидеров, продолжения массовых столкновений и перерастания мирных форм борьбы в вооруженные, парализа нормальной экономической жизни. Логика этого сценария предполагает возникновение непримиримой оппозиции, открытое вмешательство в политический кризис внешних сил и, возможно, начало вооруженной борьбы с правящим режимом. Так или иначе, но риски и угрозы политической дестабилизации в Тунисе и Египте, скорее всего, будут нарастать.

В. М. Ахмедов

«Арабская весна» и перспективы политического ислама в регионе

1. События «Арабской весны» стали серьезным вызовом для различных отрядов политического ислама в арабских странах Ближнего Востока. Этому способствовал тот факт, что «Арабская весна» ознаменовала в практическом плане возвращение политики в широкие массы населения этих стран и их активное участие в политическом процессе.

2. Многими учеными, политологами, экспертами, как на Западе, так и в России, происходившие в регионе события были восприняты как усиление позиций политического ислама в регионе и стремление его различных отрядов к захвату власти в этих странах, их быстрой исламизации и утрате «светского» характера правления в них. Подобные трактовки и характеристики были отчасти верны и имели под собой определенные практические основания.

3. В последнее время все настойчивее становились требования представителей так называемого политического ислама легализовать и расширить свое участие в политической жизни арабских стран. Действительно в отдельных странах региона представители различных отрядов политических движений ислама еще накануне арабских революций продемонстрировали возможность прихода к власти как мирным, демократическим путем (Турция, ПСР, 2002 г.), так и с помощью силы (Газа, ХАМАС, 2007 г.).

4. Однако это вовсе не означало, что они обладали возможностью удерживать эту власть в течение достаточно долгого времени и тем более были способны справиться с решением поставленных революцией сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации. Военный переворот в Египте 30 июня 2013 года, в результате которого был свергнут ставленник «Братьев-мусульман», президент Египта М. Мурси, наглядно продемонстрировал данное обстоятельство.

5. В то же время, на наш взгляд, подобные суждения и оценки нельзя считать однозначно верными и тем более окончательными.

Спровоцированные «Арабской весной» социальные и политические процессы в арабских странах еще далеко не завершены, а их результат для движений политического ислама, их будущего места и роли в постреволюционных арабских странах, окончательно не определен. Непрерывающиеся волнения в Египте, факты разброда и шатаний в армейской среде и явно обозначившееся стремление салафитской партии Ан-Нур укрепить свои позиции на властном поприще, также как и массовые демонстрации в поддержку М. Мурси и за его возвращение на пост президента, служат тому явным доказательством.

6. К тому же различные отряды политического ислама, чья идеология базируется на сочетании богатого культурно-исторического, религиозного наследия арабов и современных идеологических, политических воззрений, выступают не только за возрождение ислама, с целью превращения арабо-исламского мира в равноправного участника мировых процессов. Прежде всего, они борются друг с другом за утверждение своей трактовки определения смысла ислама в современных условиях.

7. В этой связи лидеры ряда этих движений еще до революционных событий в регионе стали пересматривать традиционные представления об исламской умме как

общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности. Они не говорили об установлении шариата как основы государственного управления. Они гораздо больше озабочены сегодня положением в Египте, Сирии, Ливане, Палестине и Ираке. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических, общеарабских позиций и защищали идеи социальной справедливости и равенства, которые формируются на секулярных, а не только религиозных основах.

8. В этой связи по многим параметрам эти движения смыкались с государственным политическим исламом, который ассоциировался с действующим режимом. То есть с тем политическим исламом, который был приспособлен государственной властью в каждой арабской стране в подходящей для конкретного режима форме в целях идеологического обеспечения интересов внутренней и внешней политики.

9. Именно этот отряд политического ислама стал первым объектом воздействия «Арабской весны». В тех странах, где произошли революции, позиции официального государственного ислама, оказались, если не окончательно подорваны, то существенно ослаблены с точки зрения воздействия на основные внутривнутриполитические процессы.

10. Возникший политический вакуум в ряде арабских стран, особенно в тех, где революции сопровождались острыми вооруженными конфликтами и гражданскими войнами (Ливия, Йемен, Сирия), стал заполняться некоторыми отрядами политического ислама, в том числе теми, которые принято именовать «такфиристскими» или «джихадистскими». В то же время, как показал опыт их действий в Саудовской Аравии (1979 г.), Египте (1981 г.), Ливане (2007 г.), эти движения, как правило, не имеют широкой социальной базы поддержки, решают ограниченные задачи на коротком промежутке времени и с этой точки зрения имеют ограниченную перспективу в постреволюционный период.

11. Значительно *большой* потенциал в постреволюционный период имеет, на наш взгляд, политический ислам, чью социальную базу составляют средние слои населения, занятые бизнесом, торговлей, финансами, другими видами экономической и коммерческой деятельности. Именно в этом сегодня остро нуждаются арабские государства, терпящие колоссальные людские и материальные потери в результате прошедших и продолжающихся революций на Ближнем Востоке.